

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ВЕСТНИК ФИНАНСОВОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

DOI: 10.26794/2226-7867

Издание перерегистрировано
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций:
ПИ № ФС77-67071
от 15 сентября 2016 г.

The edition is reregistered
in the Federal Service for Supervision
of Communications,
Informational Technologies and Media Control:
PI No. ФС77-67071
of 15, September, 2016

Периодичность издания – 6 номеров в год

Publication frequency – 6 issues per year

Учредитель: Финансовый университет

Founder: Financial University

Журнал входит в перечень периодических
научных изданий, рекомендуемых ВАК
для публикации основных результатов
диссертаций на соискание ученых степеней
кандидата и доктора наук, включен в ядро
Российского индекса научного цитирования
(РИНЦ)

The Journal is included in the list
of academic periodicals recommended
by the Higher Attestation Commission for
publishing the main findings of PhD and
ScD dissertations, included in the core of the
Russian Science
Citation Index (RSCI)

Журнал распространяется по подписке.
Подписной индекс 44090 в объединенном
каталоге «Пресса России»

The Journal is distributed by subscription.
Subscription index: 44090 in the consolidated
catalogue “The Press of Russia”

Vol. 12, No. 2, 2022

GUMANITARNYE NAUKI. VESTNIK FINANSOVOGO UNIVERSITETA (HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES. BULLETIN OF THE FINANCIAL UNIVERSITY)

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ШАТИЛОВ А.Б., кандидат политических наук, профессор, декан Факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ПЛЯЙС Я.А., доктор исторических наук, доктор политических наук, председатель Профессорского клуба Финансового университета, Москва, Россия

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Алексеев С.В., доктор исторических наук, профессор кафедры истории и исторического архивоведения Московского государственного института культуры, председатель Историко-просветительского общества «Радетель», Москва, Россия

Байчунь Ч., доктор философских наук, профессор Пекинского педагогического университета, директор Культурного центра китайско-российских отношений, Пекин, Китай

Белоконов С.Ю., кандидат политических наук, доцент, научный руководитель Факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Борисов Н.А., доктор политических наук, доцент, заведующий Кафедрой теоретической и прикладной политологии, начальник Управления по научной работе, РГГУ, Москва, Россия

Бродовская Е.В., доктор политических наук, профессор Департамента политологии ФСН и МК, директор Центра политических исследований, Финансовый университет, Москва, Россия

Долгополов Н.М., заместитель главного редактора «Российской газеты», член Союза журналистов РФ, член Союза писателей Москвы и Межрегионального союза писательских организаций, Москва, Россия

Елишев С.О., доктор социологических наук, профессор кафедры современной социологии Социологического факультета, МГУ, Москва, Россия

Зубец А.Н., доктор экономических наук, директор Центра социально-экономических исследований Финансового университета, Москва, Россия

Кафтан В.В., доктор философских наук, заместитель руководителя Департамента массовых коммуникаций ФСН и МК по научной работе, Финансовый университет, Москва, Россия

Лукьянов Ф.А., председатель Президиума Совета по внешней и оборонной политике (СВОП), главный редактор журнала «Россия в глобальной политике», Москва, Россия

Мацузато К., доктор права, профессор, Токийский университет, Токио, Япония

Мамедзаде И., доктор философских наук, профессор, директор Института философии, социологии и права НАН Азербайджана, Баку, Азербайджан

Маттес Й., профессор коммуникации, декан Факультета массовых коммуникаций Венского университета, Венский университет, Вена, Австрия

Мелешкина Е.Ю., доктор политической науки ИНИОН РАН, профессор кафедры сравнительной политологии, МГИМО(У) МИД РФ, Москва, Россия

Музашвили Д.З., кандидат философских наук, заместитель декана Факультета социальных наук и массовых коммуникаций по научной работе, Финансовый университет, Москва, Россия

Осипова Н.Г., доктор социологических наук, профессор, декан Социологического факультета, заведующая Кафедрой современной социологии Социологического факультета МГУ, Москва, Россия

Островский А.В., доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Института Дальнего Востока Российской академии наук (РАН), Москва, Россия

Полевая М.В., доктор экономических наук, доцент, руководитель Департамента психологии и развития человеческого капитала ФСН и МК, Финансовый университет, Москва, Россия

Расторгуев С.В., доктор политических наук, профессор Департамента политологии ФСН и МК, Финансовый университет, Москва, Россия

Силласте Г.Г., доктор философских наук, научный руководитель Департамента социологии ФСН и МК, Финансовый университет, Москва, Россия

Симонов К.В., кандидат политических наук, профессор, руководитель Департамента политологии ФСН и МК, Финансовый университет, Москва, Россия

Трюэль Ж.-Л., доктор экономических наук, консультант по развитию международных отношений в РФ и странах СНГ, вице-президент Ассоциации экономистов Le Cercle Kondratieff («Кружок Кондратьева»), профессор Университета Париж-12, Париж, Франция

Фёдоров В.В., кандидат политических наук, генеральный директор Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Москва, Россия

Цуй Чжэн. кандидат политических наук, доцент, заместитель директора Центра исследований экономики и политики стран с переходной экономикой Ляонинского университета, Шэньян, Китай

Цыганков П.А., доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, заместитель заведующего Кафедрой международных отношений и интеграционных процессов, МГУ, Москва, Россия

Шаповалов В.Л., кандидат исторических наук, заместитель директора Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет; доцент кафедры политологии, МПГУ; доцент кафедры сравнительной политологии, МГИМО МИД России, Москва, Россия

Шрейдер В.Ф., доктор политических наук, Депутат Государственной Думы VI–VII созыва

Уилкоккс К., доктор политических наук, заслуженный профессор кафедры управления Университета Джорджтаун, Вашингтон, США

Эскиндаров М.А., доктор экономических наук, профессор, Президент Финансового университета, Научный руководитель, Финансовый университет, Москва, Россия

Южно А.С., кандидат юридических наук, заместитель руководителя Аппарата по взаимодействию с органами государственной власти и правовым вопросам Общественной палаты Российской Федерации, Директор программы Executive MPA, ИГСУ РАНХиГС, Москва, Россия

EDITOR-IN-CHIEF

SHATILOV A.B., Cand. of Political Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

PLYAYS YA.A., D. Sc. of History, Doctor of Political Sciences, Chairman of the Professors' Club of the Financial University, Moscow, Russia

MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD

Alekseev S.V., D. Sc. of History, Professor at the Department of History and Historical Archival Studies of the Moscow State Institute of Culture, Chairman of the Historical and Educational Society "Radetel", Moscow, Russia

Baichun Ch., D. Sc. of Philosophy, Professor, Beijing Normal University, Director of the Cultural Center for Sino-Russian Relations, Beijing, China

Belokonev S.Yu., Cand. of Political Sciences, Associate Professor, Academic Supervisor of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

Borisov N.A., D. Sc. of Political Science, Associate Professor, Head of the Department of Theoretical and Applied Political Science, Head of the Research Department, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Brodovskaya E.V., D. Sc. of Political Science, Professor, Department of Politology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Director of the Center for Political Studies, Financial University, Moscow, Russia

Dolgopolov N.M., Deputy Editor-in-Chief of Rossiyskaya Gazeta, member of the Journalists' Union of the Russian Federation, member of the Writers' Union of Moscow and the Interregional Union of Writers' Organizations, Moscow, Russia

Elishev S.O., D. Sc. of Sociology, Professor, Department of Modern Sociology, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Zubets A.N., D. Sc. in Economics, Director of the Center for Socio-Economic Research of the Financial University, Moscow, Russia

Kaftan V.V., D. Sc. of Philosophy, Deputy Head for Research of the Department of Mass Communications, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

Lukyanov F.A., Chairman of the Presidium of the Council on Foreign and Defense Policy (SVOP), Editor-in-Chief of "Russia in Global Affairs" magazine, Moscow, Russia

Matsuzato K., D. Sc. of Laws, Professor, University of Tokyo, Tokyo, Japan

Mammadzade I., D. Sc. of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Philosophy, Sociology and Law of the National Academy of Sciences of Azerbaijan, Baku, Azerbaijan

Matthes J., D. Sc. of Political Sciences, Professor of Communication Science, Chair of the Department of Communication, University of Vienna, Vienna, Austria

Meleshkina E.Yu., D. Sc. of Political Sciences, Head of the Department of Political Sciences, INION RAS, Professor of the Department of Comparative Political Sciences, MGIMO(U) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia

Muzashvili D.Z., Cand. of Philosophical Sciences, Deputy Dean for Research of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

Osipova N.G., D. Sc. of Sociology, Professor, Dean of the Faculty of Sociology, Head of the Department of Modern Sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Ostrovsky A.V., D. Sc. in Economics, Professor, Deputy Director of the Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences (RAS), Moscow, Russia

Polevaya M.V., D. Sc. in Economics, Associate Professor, Head of the Department of Psychology and Human Capital Development, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

Rastorguev S.V., D. Sc. of Political Science, Professor, Department of Politology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

Sillaste G.G., D. Sc. of Philosophical Sciences, Scientific Supervisor of the Department of Sociology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

Simonov K.V., Cand. of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Politology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

Truel J.-L., D. Sc. in Economics, Consultant on the development of international relations in the Russian Federation and the CIS countries, Vice-President of the Association of Economists Le Cercle Kondratieff ("Kondratieff Circle"), Professor at the Paris-12 University, Paris, France

Fedorov V.V., Cand. of Political Sciences, General Director of the All-Russian Public Opinion Research Center (VTsIOM), Moscow, Russia

Cui Zheng, Cand. of Political Sciences, Associate Professor, Deputy Director of the Center for Economics and Policy Studies of Countries in Transition, Liaoning University, Shenyang, China

Tsygankov P.A., D. Sc. of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Deputy Head of the Department of International Relations and Integration Processes, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Shapovalov V.L., Cand. of Historical Sciences, Deputy Director of the Institute of History and Politics, Moscow State Pedagogical University; Associate Professor, Department of Politology, Moscow State Pedagogical University; Associate Professor, Department of Comparative Politology, MGIMO MFA of Russia, Moscow, Russia

Shreider V.F., D. Sc. of Political Sciences, Deputy of the State Duma of the VI-VII convocation

Wilcox K., D. Sc. of Political Sciences, Distinguished Professor at the Department of Government, Georgetown University, Washington, USA

Eskindarov M.A., D. Sc. in Economics, Professor, President and Scientific Chairman of the Financial University, Financial University, Moscow, Russia

Yukhno A.S., Cand. Sci. of Law, Deputy Head of the Apparatus for Interaction with Government Authorities and Legal Affairs at the Civic Chamber of the Russian Federation, Director of the Executive MPA Program, IGSU RANEPa, Moscow, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМА НОМЕРА: МИРОВАЯ ПОЛИТИКА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ

<i>Лебедев С.В.</i> Контуры новой холодной войны на Ближнем Востоке	6
<i>Кочетков Е.Е., Томич В., Бестаева Е.В.</i> Этнофедерализм и политическая модернизация в Малайзии.	11
<i>Денисов Д.О.</i> К вопросу о Женевском формате урегулирования конфликта на Украине	22
<i>Мельникова Ю.Ю.</i> Стратегия ЕС в Индо-Тихоокеанском регионе: внутренние драйверы и фактор КНР.	31
<i>Хагбин М.</i> Стратегия Ирана в борьбе региональных и трансрегиональных держав за лидерство в регионах Каспийского моря и Персидского залива	38

ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ

<i>Расторгуев С.В.</i> Ресурсно-акторный анализ в политических исследованиях	45
<i>Парма Р.В.</i> Современная трактовка политического радикализма в гражданской активности.	53
<i>Панов Е.Г.</i> Проблема фундаментальных социальных констант в гуманитарном знании.	61
<i>Юдина В.А., Бондаренко В.В., Танина М.А.</i> Развитие методологии формирования международных рейтингов в условиях глобализации мирового образовательного пространства	67
<i>Бужор Е.С., Шевченко О.В.</i> О мотивах ада, чистилища и рая в творчестве Ф.М. Достоевского	75

АКТУАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Евгеньева Т.В.</i> Влияние социально-политической идентификации современной молодежи на представления о моральных ценностях и нормах.	84
<i>Каминская Т.Л.</i> Цифровое комьюнити как фактор успешности медиапроекта	91
<i>Тюков Н.А., Никулин Е.Р., Шаповалов В.Л.</i> Сетевая аудитория политической повестки в Республике Беларусь в 2020–2021 годах: цифровой портрет, мотивации и модели поведения.	97
<i>Немцев А.В.</i> Информационное освещение протестов в Республике Беларусь в 2020 году в социальных медиа и средствах массовой информации: динамика и закономерности.	109
<i>Дорожкин Ю.Н., Гаецкулов Э.Н.</i> Цифровая трансформация гражданского протестного участия в современной России.	115
<i>Луговая А.А.</i> Межкультурная коммуникация как один из ключевых аспектов успешных деловых отношений молодых специалистов	122
<i>Захцер Е.М.</i> Диалог в публичной речи как форма реализации взаимного обучения в виртуальное время . . .	131
<i>Смулькина Н.В., Рогач Н.Н.</i> Психологическое состояние россиян разного возраста: политико-психологический анализ	138
<i>Калитько И.И.</i> Фанатские сообщества – бороться или возглавить? Политический потенциал современной фанатской культуры.	148

СТАРТАП МОЛОДОГО УЧЕНОГО

<i>Ковригин Д.Э.</i> Формирование института «суверенного интернета» в Российской Федерации.	153
<i>Волхонская З.И.</i> Библиометрический анализ публикаций в базе данных Scopus по теме российско-американских отношений в период с 2016 по 2021 год.	159

C O N T E N T S

COVER STORY: WORLD POLITICS IN THE CONTEXT OF GLOBAL TURBULENCE

- Lebedev S.V.* New Cold War in the Middle East 6
- Kochetkov E.E., Tomić V., Bestaeva E.V.* Ethno-federalism and Political
Modernization in Malaysia. 11
- Denisov D.O.* On the Geneva Format for Resolving the Conflict in Ukraine. 22
- Melnikova Yu.Yu.* EU Strategy in the Indo-Pacific Region: Domestic Drivers
and the Chinese Factor. 31
- Haghibin M.* Iran's Strategy in the Struggle of Regional and Trans-Regional
Powers for Leadership in the Regions of the Caspian Sea and the Persian Gulf ... 38

FUNDAMENTAL SCIENTIFIC KNOWLED

- Rastorguev S.V.* Resource-actor Analysis in Political Studies. 45
- Parma R.V.* Contemporary Interpretation of Political Radicalism in Civil Activity ... 53
- Panov E.G.* The Issue of Fundamental Social Constants in Humanitarian
Knowledge 61
- Yudina V.A., Bondarenko V.V., Tanina M.A.* Development of Formation Methodology
of International Ratings in the Context of the World Educational Space
Globalization 67
- Buzhor E.S., Shevchenko O.V.* About the Motives of Hell, Purgatory,
and Paradise in the Works of F.M. Dostoevsky 75

CURRENT SOCIO-POLITICAL RESEARCH

- Evgenieva T.V.* The Influence of the Socio-political Identification of Modern Youth
on Notions of Moral Values and Norms 84
- Kaminskaya T.L.* Digital Community as a Success Factor of the Media Project. ... 91
- Tyukov N.A., Nikulin E.R., Shapovalov V.L.* Network Audience – of Protest Agenda
in the Republic of Belarus in 2020–2021: Digital Portrait, Motivation
and Behavioural Models. 97
- Nemtsev A.V.* Information Coverage of Protests in the Republic of Belarus
in 2020 in Social Media and Mass Media: Dynamics and Patterns 109
- Dorozhkin Yu.N., Gaetkulov E.N.* Digital Transformation of Civil Protest
Participation in Contemporary Russia 115
- Lugovaya A.A.* Cross-cultural Communication as One of the Key Aspects
of Successful Business Relationships of Young Professionals 122
- Zakhtser E.M.* Dialogue in Public Speech as a Form of Mutual Learning
in Virtual Time 131
- Smulkina N.V., Rogach N.N.* The Psychological Condition of Russians
of Different Ages: Political and Psychological Analysis. 138
- Kalitko I.I.* Fan Communities – Fight or Lead? The Political Potential
of Modern Fan Culture 148

STARTUP OF YOUNG RESEARCHER

- Kovrigin D.E.* Formation of the Institution of “Sovereign Internet”
in the Russian Federation 153
- Volkhonskaya Z.I.* Bibliometric Analysis of Publications in the Scopus
Database Concerning Relations between Russia USA in 2016 and 2021. 159

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ.
ВЕСТНИК ФИНАНСОВОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Международный
научно-практический журнал
Том 12, № 2 (56), 2022

Главный редактор –

А.Б. Шатилов

Заведующий редакцией

научных журналов –

В.А. Шадрин

Выпускающий редактор –

Ю.М. Анютина

Корректор – **С.Ф. Михайлова**

Верстка – **С.М. Ветров**

Переводчик – **З.Э. Межва**

Адрес редакции:

125993, Москва, ГСП-3,

Ленинградский пр-т, 53, к. 5.6

Тел.: **8 (499) 553-10-74**

(вн. 10-88)

E-mail: julia.an@mail.ru

[http://www.fa.ru/dep/jgn/](http://www.fa.ru/dep/jgn/about/Pages/default.aspx)

[about/Pages/default.aspx](http://www.fa.ru/dep/jgn/about/Pages/default.aspx)

Оформление подписки

в редакции

по тел.: **8 (499) 553-10-71**

(вн. 10-80)

e-mail: sfmihajlova@fa.ru

С.Ф. Михайлова

Подписано в печать 07.04.2022

Формат 60 x 84 1/8.

Объем 19,07 усл.п. л.

Заказ № 284

Отпечатано в Отделе

полиграфии

Финансового университета

(Ленинградский пр-т, д. 51)

© Финансовый университет

Editor-in-Chief – **A.B. Shatilov**

Head of Scientific Journals

Editorial Department –

V.A. Shadrin

Managing editor –

Yu.M. Anyutina

Proofreader – **S.F. Mihajlova**

Design, make up – **S.M. Vetrov**

Translator – **Z. Mierzva**

Editorial address:

53, Leningradsky prospekt, office 5.6

Moscow, 125993

tel.: **+7 (499) 553-10-74**

(internal 10-88)

E-mail: julia.an@mail.ru

[http://www.fa.ru/dep/jgn/](http://www.fa.ru/dep/jgn/about/Pages/default.aspx)

[about/Pages/default.aspx](http://www.fa.ru/dep/jgn/about/Pages/default.aspx)

Subscription in editorial office

tel.: **+7 (499) 553-10-71**

(internal 10-80)

e-mail: sfmihajlova@fa.ru

Signed for press on 07.04.2022

Format 60 x 84 1/8.

Size 19,07 printer sheets.

Order № 284

Printed by Publishing House

of the Financial University

(51, Leningradsky prospekt)

© Financial University

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-2-6-10
УДК 327(045)

Контуры новой холодной войны на Ближнем Востоке

С.В. Лебедев

РАНХиГС, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье анализируется противостояние королевства Саудовская Аравия и Исламской республики Иран. Отмечается, что достаточно часто аналитики сводят противоречия между этими двумя региональными державами к религиозному кливажу, трактуя его как конфликт государства с суннитской идентичностью и государства с шиитской идентичностью. В статье демонстрируется, что политические противоречия играют не меньшую роль в этом столкновении интересов. Автор рассматривает такие точки напряженности, как столкновение интересов КСА и Ирака в постхусейновском Ираке, а также Бахрейне, Йемене и Сирии. Отдельно рассматривается конфликт по поводу Совместного всеобъемлющего плана действий, согласно которому Иран должен был отказаться от программы создания собственного ядерного оружия в обмен на снятие санкций и инвестиции в иранскую экономику. В целом, автор стремится показать, что конфликт КСА и Ирана более многогранен, чем это принято считать.

Ключевые слова: Саудовская Аравия; Иран; Ближний Восток; конфликт; углеводороды; прокси-войны

Для цитирования: Лебедев С.В. Контуры новой холодной войны на Ближнем Востоке. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета.* 2022;12(2):6-10. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-2-6-10

ORIGINAL PAPER

New Cold War in the Middle East

S.V. Lebedev

RANEPA, Moscow, Russia

ABSTRACT

The aim of this article is analysis of a regional conflict between Kingdom of Saudi Arabia and Islamic Republic of Iran. In media this conflict is known as "New Cold War" or "Cold war in the Middle East". It is mentioned that analysts often paint this conflict as a purely religious (Sunni vs Shia). However, in this article the author states that conflict is not purely religious. Article analyses several focal points, like post-Hussein Iraq, proxy wars in Yemen, Bahrain and Syria. Special attention he paid to Joint Comprehensive Plan of Action (JCPOA). Saudi Arabia welcomed Trump decision to abandon Joint Comprehensive Plan of Action. In other words, the conflict cannot be defined in purely religious terms.

Keywords: Saudi Arabia; Iran; Middle East; conflict; hydrocarbons; proxy wars

For citation: Lebedev S.V. New cold war in the Middle East. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University.* 2022;12(2):6-10. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-2-6-10

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОРНИ СОПЕРНИЧЕСТВА

Политическая ситуация на Ближнем Востоке характеризуется противостоянием двух региональных держав — Саудовской Аравии и Ирана. Этот процесс получил в публицистике название «новой холодной войны» или «холодной войны на Ближнем Востоке» [1]. Противостояние идет самыми разными способами — в первую очередь с помощью прокси-войн.

Общим местом в комментариях аналитиков является религиозный кливаж между Саудовской Аравией и Ираном. Саудовская Аравия исповедует ваххабизм (ультраконсервативный суннизм), Иран — шиизм. Эти два направления ислама достаточно плохо уживаются друг с другом, что обуславливает столкновение интересов Королевства Саудитов и Исламской Республики. Представляется, что такая точка зрения освещает только часть проблемы. Строго говоря,

Саудовская Аравия и Иран не конфликтовали до 1980-х гг. Можно предположить, что идейные расхождения вторичны относительно политических расхождений. В 1979 г. в Иране произошла Исламская революция, которая привела к установлению квазидемократической формы правления [2] с выборами президента с ограниченными полномочиями при сильном влиянии рахбара (высшего религиозного лидера). Лидер революции Аятолла Хомейни сразу заявил, что монархическая форма правления чужда исламу — это был прямой выпад в сторону саудитов. Более того, он обвинил Саудовскую Аравию в коллаборационизме с США, заявив, что саудиты исповедуют «американский ислам». Таким образом, конфликт между Саудовской Аравией и Ираном носит более комплексный характер, нежели просто конфликт между государством с ваххабитской идентичностью и государством с шиитской идентичностью. Политические и религиозные противоречия завязались в тугой узел и взаимоусиливают друг друга. К примеру, Саудовская Аравия опасается шиитского сепаратизма в нефтеносном округе Эш-Шаркия. Опасения связаны не только с религиозными, но и с политико-экономическими расхождениями — королевский дом подозревает, что жители Эш-Шаркии хотели бы создать собственное нефтедобывающее государство и не делиться доходами с центральной властью. Другой пример: король Саудовской Аравии носит титул Хранителя двух святынь (мечетей в Мекке и Медине), что дает ему колоссальный престиж в мусульманском мире. Политика усиливает религию, а религия усиливает политические противоречия.

СТОЛКНОВЕНИЕ ИНТЕРЕСОВ САУДОВСКОЙ АРАВИИ И ИРАНА В ИРАКЕ

Падение режима Саддама Хусейна открыло окно возможностей для Ирана. Шиитское население Ирака позитивно восприняло смену власти [2] и стало принимать активное участие в политической жизни страны. Это позволило Ирану внедрить своих сторонников в парламент и в структуры системы безопасности Ирака. Однако к середине 2010-х гг. у граждан Ирака стало нарастать ощущение, что страна становится марионеткой Ирана. В 2019 г. в стране даже прошли антииранские протесты, и протестанты сожгли иранское консульство [3]. На этом фоне Саудовская Аравия попыталась наладить отношения с Ираком. В первую оче-

редь саудиты восстановили дипломатические отношения с Ираком, которые были разорваны в 1990 г. в ходе вторжения Саддама Хусейна в Кувейт¹. Затем, в 2020 г., Саудовская Аравия открыла в Багдаде торгпредство². Вероятно, саудиты планируют попытаться завлечь Ирак в свою сферу влияния экономическим путем, инвестируя в его экономику. Однако эта задача представляется крайне трудновыполнимой из-за шиитской солидарности Ирана и Ирака. Данные разнятся, но большинство переписей указывают на то, что шииты в Ираке составляют подавляющее большинство.

ПРОКСИ-ВОЙНА В БАХРЕЙНЕ

«Арабская весна» была позитивно воспринята иранским духовным руководством как «исламское пробуждение»³. Королевский дом, напротив, отнесся к «арабской весне» с откровенной враждебностью и секьюритизировал этот феномен, воспринимая ее как прямой вызов своему правлению. Шииты составляют абсолютное большинство верующих в Бахрейне — предположительно, до 70%. Однако Бахрейном правит королевская династия Аль Халифов, которые исповедуют ислам суннитского толка, поэтому Бахрейн является одним из «естественных» союзников королевского дома Саудитов. Важно также понимать, что Бахрейн занимает важное стратегическое положение для Саудовской Аравии, являясь островным государством в Персидском заливе, он может оказывать существенное влияние на транзит углеводородов. Поэтому королевский дом был крайне заинтересован в том, чтобы Бахрейном продолжала править суннитская династия Аль Халифов. В феврале 2011 г. в Бахрейне начались шиитские протесты, за которыми Саудиты усмотрели «руку Ирана». Также королевский дом опасался, что протесты окажут «демонстрационный эффект» на шиитов, проживающих в Саудовской Аравии. Поэтому саудиты отреагировали достаточно быстро и отправили собственные армейские подразделения в Бахрейн для подавления протестов [4].

¹ В Ираке после 25-летнего перерыва открылось посольство Саудовской Аравии. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5686f1ae9a79475f656a706e>

² Саудовская Аравия: возвращение в Багдад. [Saudi Arabia: Back to Baghdad]. URL: <https://www.crisisgroup.org/middle-east-north-africa/gulf-and-arabian-peninsula/iraq/186-saudi-arabia-back-baghdad>

³ Арабская весна. URL: <https://www.hse.ru/news/196743311.html>

ПРОКСИ-ВОЙНА В ЙЕМЕНЕ

Массовые протесты в Йемене переросли в гражданскую войну между проправительственными силами (которые поддерживает Саудовская Аравия) и хуситами (которых поддерживает Иран). В 2015 г. хуситы захватили резиденцию президента в Сане, и президент Абд-Раббу Мансур Хади был вынужден бежать в Саудовскую Аравию. Считается, что хуситы, исповедующие ислам шиитского толка, получают прямую

Йемен омывается Баб-эль-Мандебским проливом, через который идут основные нефтяные пути из Персидского залива в Европу. Именно поэтому монархии Персидского залива были заинтересованы в стабильности в этой стране. Более того, протяженность границы Саудовской Аравии с Йеменом составляет почти 1,5 тыс. км, поэтому превращение Йемена в проиранское государство представляло собой серьезный вызов для королевского дома, который действовал решительно и агрессивно.

поддержку от иранского Корпуса стражей исламской революции [5]. С геоэкономической точки зрения Йемен не играет большой роли на рынке углеводородов, однако важно его географическое положение. Йемен омывается Баб-эль-Мандебским проливом, через который идут основные нефтяные пути из Персидского залива в Европу. Именно поэтому монархии Персидского залива были заинтересованы в стабильности в этой стране. Более того, протяженность границы Саудовской Аравии с Йеменом составляет почти 1,5 тыс. км, поэтому превращение Йемена в проиранское государство представляло собой серьезный вызов для королевского дома, который действовал решительно и агрессивно. В марте 2015 г. король

Саудовской Аравии объявил о начале военной операции «Буря решимости», направленной против хуситов⁴. В настоящее время конфликт не исчерпан, однако стороны постепенно склоняются к мирным переговорам⁵.

ПРОКСИ-ВОЙНА В СИРИИ

Гражданская война в Сирии также стала точкой пересечения геополитических интересов между Королевством Саудовская Аравия и Ираном. Режим легального президента Сирии Башара аль Асада был важным элементом в конструкции «шиитского полумесяца», который создавал Иран. Именно поэтому Иран послал своих военных специалистов поддержать режим Асада. Помимо этого, Иран предоставил Сирии два кредита на общую сумму в 4,6 млрд долл.⁶ Также Иран завербовал шиитских добровольцев из других стран сражаться на стороне законного сирийского правительства [6]. При этом Иран симпатизирует режиму Асада не только и не столько из-за религиозных соображений (Асад алавит — течение, родственное шиизму), сколько из-за общих идеологических установок, в том числе антиамериканизма.

Королевство Саудовская Аравия заняло диаметрально противоположную позицию в сирийском конфликте. Король Абдалла ибн Абдул-Азиз аль Сауд открыто поддержал действия антиправительственных экстремистов и осудил действия Асада. После этого Саудовская Аравия выслала сирийского посла и разорвала дипломатические отношения с Сирией⁷. Затем королевство начало оказывать прямую военную и идейную помощь экстремистским группировкам, воюющим против Асада. Саудовское духовенство выпустило фетвы (постановления, решения), которые осуждали Асада и легитимизировали войну против него [7]. Однако, когда стало очевидно, что Асад побеждает, Саудовская Аравия задумалась о том, чтобы восстановить дипломатические отноше-

⁴ «Буря решимости»: как проходит военная операция коалиции в Йемене. URL: <https://www.rbc.ru/photoreport/02/04/2015/551cfc0d9a7947a8e451f97b>

⁵ Хуситы приветствовали решение США прекратить поддержку военных действий в Йемене. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4674130>

⁶ Асад поблагодарил Иран и страны БРИКС за поддержку. URL: <https://www.interfax.ru/world/456086>

⁷ Лаврентьев передал Сирии послание от Саудовской Аравии, сообщил источник. URL: <https://ria.ru/20190420/1552878420.html>

ния с Сирией⁸. При этом Сирия также заинтересована в налаживании связей с монархиями Персидского залива⁹, так как после войны Асаду нужны инвестиции в сирийскую экономику. Сейчас ведутся разговоры о возвращении Сирии в Лигу Арабских Государств¹⁰.

КОНФЛИКТ ВОКРУГ СОВМЕСТНОГО ВСЕОБЪЕМЛЮЩЕГО ПЛАНА ДЕЙСТВИЙ

Саудовская Аравия крайне скептически относилась к Совместному всеобъемлющему плану действий (СВПД). СВПД был подписан пятью постоянными членами Совета Безопасности ООН и ФРГ. План предполагал, что Иран отказывается от ядерной программы в обмен на снятие экономических санкций. Саудовская Аравия подозревала, что Иран найдет способ обмануть мировое сообщество и продолжит развивать ядерную программу. Более того, саудиты опасались, что снятие экономических санкций с Ирана приведет к его укреплению не только в экономическом, но и военном плане. Они указывали на то, что помимо ядерного оружия существуют другие военные технологии, которые может развивать Иран [8]. Смена американской администрации и решение Дональда Трампа выйти из ядерной сделки¹¹ навело саудитов на мысль, что по ту сторону океана стали более серьезно относиться к «иранскому вопросу». Параллельно с этим королевство решило обратиться к еще одному союзнику — менее очевидному — государству Израиль. Иранские лидеры часто допускают крайне некорректные высказывания об Израиле, поэтому государства находятся в состоянии постоянного тлеющего конфликта. В этой ситуации Израиль становился естественным союзником для Саудовской Аравии. Саудовская Аравия не решилась сама устанавливать дипломатические отношения с Израилем, но подтолкнула к этому государства, которые на-

ходились в орбите влияния королевства. Таким образом, ОАЭ¹², Судан¹³ и Бахрейн¹⁴ установили дипломатические отношения с Израилем. Израиль является одним из самых мощных региональных игроков и предположительно единственным государством в регионе, обладающим ядерным арсеналом, и неоднократно показывал, что готов бороться с Ираном.

ВЫВОДЫ

Подводя итоги, можно сказать, что конфликт между Саудовской Аравией и Ираном, получивший клишированное название «холодной войны на Ближнем Востоке», имеет не столько религиозные, сколько политические корни. Шахский Иран и Саудовская Аравия достаточно комфортно сосуществовали, будучи союзниками США. Исламская революция стала фактором, который поменял правила игры. Сравнительно тлеющий конфликт с холодной войной позволяет тот факт, что стороны не вступают в прямое противостояние, а используют «прокси» для участия в различных конфликтах в регионе. В частности, в конфликте в Йемене Саудовская Аравия поддерживает легальное йеменское правительство, а Иран — шиитских повстанцев (хуситов). В сирийском конфликте ситуация обстоит с точностью до наоборот — Иран поддерживает легального президента Башара Асада, а Саудовская Аравия — антиправительственных экстремистов. Наконец, в ходе «арабской весны» Саудовская Аравия направила свои воинские формирования на подавление шиитских выступлений в Бахрейне, усмотрев за ними «руку Ирана». Следует отметить, что Саудовская Аравия с недоверием относится к инициативе Совместного всеобъемлющего плана действий, которая предполагает, что Иран откажется от ядерной программы в обмен на снятие экономических санкций и считает, что существуют другие вооружения (помимо ядерного оружия), которые Иран может начать развивать с целью региональной гегемонии.

⁸ «Асад уже никуда не денется»: как Сирия возвращается в арабскую семью. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2021/06/08_a_13625228.shtml

⁹ Асад указал на необходимость наладить рациональный диалог между арабскими странами. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/13574997>

¹⁰ Сирия надеется на возвращение в ЛАГ до конца этого года. URL: <https://iz.ru/1136961/2021-03-15/siriia-nadeetsia-na-vozvraschenie-v-lag-do-kontca-etogo-goda>

¹¹ Трамп объявил о выходе США из сделки по иранской ядерной программе. URL: <https://www.interfax.ru/world/611863>

¹² ОАЭ первыми в Персидском заливе открывают посольство в Израиле, приветствуя торговые связи. [In first for Gulf, UAE opens embassy in Israel, hails trade ties]. URL: <https://www.reuters.com/world/first-gulf-uae-opens-embassy-israel-hails-trade-ties-2021-07-14/>

¹³ Судан подписал соглашение о нормализации отношений с Израилем. URL: <https://www.interfax.ru/world/744194>

¹⁴ Бахрейн и Израиль официально установили дипломатические отношения. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5f8cb4169a794745267a585e>

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. De Vita L. The Cold War in the Middle East: Then and Now. *Atlantisch Perspectief*. 2019;43(6):34–37. URL: <https://www.jstor.org/stable/48581547>
2. Dabashi H. *Theology of discontent: The ideological foundation of the Islamic revolution in Iran*. Routledge, 2006. URL: <https://doi.org/10.4324/9781315135519>
3. Rubin A. J., Hassan F. Iraq protesters burn down Iran consulate in night of anger. *The New York Times*. 2019 Nov. 29. URL: <https://www.nytimes.com/2019/11/27/world/middleeast/iraqi-protest-najaf-iran-burn.html>
4. Baranov A. V. The concept of “Islamic awakening” by Ayatollah Ali Khamenei. *Cyberleninka*. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-islamskogo-probuzhdeniya-ayatolly-ali-hamenei/viewer>. (In Russ.).
5. Strobel W., Hosenball M. Elite Iranian guards training Yemen’s Houthis: U.S. officials. *Reuters*. 2015 Mar 27. URL: <https://www.reuters.com/article/us-yemen-security-houthis-iran-idUSKBN0MN2MI20150327>
6. Ghaddar H. Iran’s foreign legion: The impact of Shia militias on U.S. foreign policy. *Policy Notes*, 2018; 46. The Washington Institute for Near East Policy.
7. Black I. Syria crisis: Saudi Arabia to spend millions to train new rebel force. *The Guardian*. 2013 Nov. 7. URL: <https://www.theguardian.com/world/2013/nov/07/syria-crisis-saudi-arabia-spend-millions-new-rebel-force>
8. Pasha A. K. Saudi Arabia and the Iranian nuclear deal. *Contemporary Review of the Middle East*, 2016;3(4):387–404. DOI: <https://doi.org/10.1177/2347798916664613>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сергей Владимирович Лебедев — кандидат политических наук, приглашенный преподаватель ИГСУ РАНХиГС, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0001-8228-2256>
sergei.lebedeff@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Sergey V. Lebedev — Cand. Sci. (Politology), Guest Lecturer, RANEPА, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-8228-2256>
sergei.lebedeff@gmail.com

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 28.01.2022; принята к публикации 15.02.2022.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The article was received on 28.01.2022; accepted for publication on 15.02.2022.
The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-2-11-21
УДК 323.15;323.17(045)

Этнофедерализм и политическая модернизация в Малайзии

Е.Е. Кочетков^а, В. Томич^б, Е.В. Бестаева^с

^а Российский университет транспорта, Москва, Россия;

^б Университет Восточного Сараево, Республика Сербская, Босния и Герцеговина;

^с Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Предмет рассмотрения статьи – способность этнофедерализма эффективно отвечать на вызовы модернизации. Авторы обращаются к опыту Малайзии – одной из азиатских стран, сравнительно успешно практикующей принципы этнического федерализма в государственном управлении. Цель работы – выяснить возможности адаптации малайзийской модели этнического федерализма к изменяющимся условиям и интенсивности политических процессов. В статье показаны основные институциональные, исторические, этнополитические и социальные причины инерционного сопротивления нарастающим тенденциям к изменению сложившейся системы отношений между федеральным центром и регионами. Значительное внимание уделено коренной связи режимных характеристик с ограниченностью федералистских практик, устойчивостью межэтнических отношений и конфессиональным консенсусом. В конце статьи сделан вывод о том, что этнофедерализм в Малайзии стал фактором сохранения политической стабильности в стране и препятствием лавинообразному процессу либерализации внутренней политики.

Ключевые слова: Малайзия; этнический федерализм; авторитаризм; доминирующая партия; политическая стабильность; политическая модернизация

Для цитирования: Кочетков Е.Е., Томич В., Бестаева Е.В. Этнофедерализм и политическая модернизация в Малайзии. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(2):11-21. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-2-11-21

ORIGINAL PAPER

Ethno-federalism and Political Modernization in Malaysia

E.E. Kochetkov^a, V. Tomić^b, E.V. Bestaeva^c

^a Russian University of transport (MIIT), Moscow, Russia;

^b University of East Sarajevo, The Republic of Srpska, Bosnia and Herzegovina;

^c Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The subject of the article is the ability of ethno-federalism to effectively respond to the challenges of modernization. The authors refer to the case of Malaysia, one of the Asian countries that are relatively successful in practicing the principles of ethno-federalism in state administration. The scope of this work is to find out the adaptive capabilities of the Malaysian model of ethno-federalism to changing conditions and the intensity of political processes. We show the general institutional, historical, ethnopolitical, and social reasons for the inertial resistance to the growing tendencies to change the existing system of relations between the Federation center and the regions. We paid significant attention to the fundamental connection of the regime characteristics with the limitation of federalist practices, the stability of interethnic relations, and confessional consensus. We concluded that ethno-federalism in Malaysia has become a factor in maintaining political stability in the country and an obstacle to the avalanche-like process of liberalization of domestic policy.

Keywords: Malaysia; ethnic federalism; authoritarianism; dominant party; political stability; political modernization

For citation: Kochetkov E.E., Tomić V., Bestaeva E.V. Ethno-federalism and political modernization in Malaysia. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(2):11-21. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-2-11-21

ETHNO-FEDERALISM AND POLITICAL MODERNIZATION IN MALAYSIA

Ethno-federalism is a specific system of public administration in which territorial units are determined according to ethnic origin. The international organization “The Forum of Federations” (<http://www.forumfed.org>), based in Ottawa, names 14 of the 25 existing federations in the world as ethnic. In such federations, two, a few, or all the subjects are formed according to the ethno-territorial principle [1]. “A state is ethno-federal in such degree, in such its administrative borders coincide with the ethnic group’s borders” [2].

According to M. Burgess, “it is difficult to foresee what alternatives to a federal structure... could be in countries such as Canada, India, Belgium, Switzerland, and Malaysia. Critics of the concept of a multinational federation must... make a strong case for a viable alternative” [3].

Ethno-federalism largely reflects such a phenomenon as the “politicization of ethnicity”, when an ethnic community begins to operate “not only with general elements of culture, but also with certain ideas about national interests” [4].

Ethno-federalism cannot be considered a kind of universal construct. “Certain risks are associated with it, and first of all, when ethnic political elites are trying to use its institutional foundations in their selfish interests” [5]. We can agree with D. Horowitz that federalism itself “can both intensify and soften ethnic conflicts” [6]. As a premise of the enlargement of ethnic federations, the presence in them of the constituent core of the ethnic region (Core ethnic region), which, in comparison with other regions, enjoys superiority in population, most often appears [5]. At the same time, it is recognized that the presence of such an ethnic core region does not at all predetermine the collapse of the ethnic federation, which, in particular, is confirmed by the case of Malaysia. A.N. Mochalov lists a wide range of tools of accommodation of the ethnic communities to the realities of federalism, usually asymmetric: “recognition of the legal personality and collective rights of ethnic communities; language rights and language policy; representation of ethnic communities in public authorities; delimitation of competence between the federation and its subjects; “positive discrimination”; advisory bodies, associations and national-cultural autonomies; legal recognition of the customs and traditional social organization of separate ethnic communities living within the borders of a particular subject of the federation” [1].

In our case, it is interesting to analyse the reaction of the long-term and extremely conservative system of Malaysia’s ethno-federative system to the political modernization challenges. Since the financial and economic crisis of 1998–1999 in many countries of Southeast Asia, significant socio-political shifts are seen, including quite deep, related both with regime characteristics changes and with transformation at the governmental level.

INSTITUTIONAL FRAMEWORK OF MALAYSIAN ETHNO-FEDERALISM

It is known that federalism in Malaysia is conditioned by three fundamental factors: linguistic, cultural, and racial [7]. It acts as a guarantee of the political and cultural rights of minorities. Foreign policy factors also play a significant role in federalization. From the middle of the 19th century, the influence of Siam on the Malay principalities increased significantly, which avoided direct colonial enslavement and pursued a relatively independent foreign policy, at least on a regional scale. Here we can see the implementation of the “defence condition”, which W. Riker called one of the main incentives for federalization [8]. A constant sense of danger, coupled with the proximity to Indonesia — a revolutionary and rapidly nationalizing state, forced the fragmented Malay sultanates to stick together.

Largely, the Federation of Malaysia is the result of British colonialism, which is related to the “looseness” of sociocultural boundaries and the need to form a national identity. Malaysia is often referred to as a quasi-federation. A. Leiphart notes that a broad alliance of ethnic communities was supported by the colonialists and envisaged a certain degree of socio-cultural self-government in 1957–1969. “Leadership in the politics and government fields was given to the Malays in exchange for maintaining the economic hegemony of the Chinese. This exchange was beneficial for both parts” [9].

The independent state was formed in 1963 by uniting the former British possessions: The Federation of Malay, Singapore, Sarawak, and North Borneo. The constitution stipulates the joining of the federation or the formation of new subjects, as well as the change of their boundaries by the decision of the federal parliament. Initially, the Malay elite agreed to include the island states in the Federation, hoping that Kalimantan’s native Malaysians would be able to counterbalance Singapore’s large Chinese community. It should be noted as well that some states in Malaysia have been allocated a disproportionate,

compared with their demographic potential capacity, number of seats in the House of Representatives. [10]. In 1965, for excluding Singapore from the federation, the constitutional procedure was used. The fact that Singapore has always been populated by Chinese and Indians induced an enormous imbalance in the state's economic policy. Hence, religious and ethnic diversity was the main prerequisite for the separation process [11].

The exit of Singapore from the federation, although it reduced the interregional asymmetry, did not at all rid Malaysia of it. The secession of one subject, paradoxically, not only did not contribute to a decrease in ethnic potential for conflict but, on the contrary, became a trigger for the permanent exacerbation of contradictions within other members of the federation.

Since the exit of Singapore from the federation, Malaysia has shown no interest in territorial expansion, due to the need to keep the country's relative unity based on the Malay majority and fears of interethnic conflicts due to a split identity [12].

Now the territory of the federation (329.8 thousand sq. km.) consists of two separate regions: Western (Malacca Peninsula) and Eastern Malaysia (northern part of Kalimantan Island). The population is 32.6 million, while East Malaysia is home to only 17% of the population. According to forecasts, by 2030 the population of Malaysia will be 35.3 million people, and by 2050—39.7 million people. The ethnic and religious composition of the population differs sharply in Malaya and Kalimantan. Malays (50.4%) and indigenous folks of North Kalimantan (Bajao, Dayaks, Dusuns, Kadazans, etc.), autochthonous folks of the Malacca Peninsula (Jakuns, Semangi, Senoi, etc.) make up about 62% of the population; Chinese (Huaqiao) — 20.6%, Indians — 6.2% (data for 2017). Most Malays live in Malaya, the Chinese are mainly settled in Penang state, in the cities of Kuala Lumpur and Ipoh (Perak state). Tamils predominate among Indians. 10.3% of Malaysians are foreigners. The majority of believers are Sunni Muslims (61.3%, mostly Malays), Buddhists (19.8%), Christians (9.1%, mainly represent the indigenous folks of northern Kalimantan), Hindus (6.3%), and adherents of Confucianism, Taoism, and other traditional Chinese religions (data for 2010).¹

Religious segmentation in Malaysia is quite high, since the Chinese adhere to Buddhism and

Confucianism, the Malays' majority sticks to Islam, and the Indian population defines themselves as Christian. It should also be noted that these religious groups are socially distant from each other and have a prominent level of labour specialisation. The Malays are generally workers, agriculturalists and civil servants; the Chinese and Indians are mostly involved in commerce and intellectual labour. Consequently, per capita income differs from one ethnoreligious group to another. For example, the Chinese are being twice or three times richer than the Malays. At the same time, community settlement lines are indistinct and do not always match state borders [9].

In 1971, to statistically increase the so-called titular nation, the Malays, the folks of North Kalimantan, and the autochthons of the Malacca Peninsula were united into a single ethnopolitical group of "indigenous inhabitants" — bumiputra (sons of the earth). The constitutionally enshrined inequality of the socio-political statuses of bumiputra and non-bumiputra, the so-called positive discrimination in favour of the first ones is a significant factor in interethnic tension and confrontation [13]. Despite the multi-religious nature of the society, the constitution proclaims Sunni Islam as the state religion of the Federation of Malaysia, although it does not extend this status of Islam to East Malaysia. "Islam does not separate from the state. Spiritual authority over Muslims in some sultanates is recognized for the sultans, and in states where there are no hereditary rulers — for the head of state as the Supreme Ruler" [13]. Religion acts not only as an identification feature, but also serves as an effective mechanism of social adaptation to the changing conditions of coexistence of ethnic groups. "The Malays are consolidating on the basis of Islam and dominating the political life of the country, being the main reserve for replenishing the state apparatus, police, and army. At the same time, the identification of the state religion with the Malay ethnos, together with the political superiority of the Malays, comes into conflict with the desire for equality of other ethnic groups" [12].

Foreign Chinese (Huaqiao) in Malaysia adhere to ethnic positioning, adherence to language and culture, which greatly complicates the difficult process of forming a single political Malaysian nation. Substantial financial and economic resources of the Chinese diaspora, indeed, provide it with effective instruments of pressure on government circles [14]. As a kind of compensation, the Malays, and

¹ Malaysia (10.09.2020). URL: <https://www.cia.gov/library/publications/resources/the-world-factbook/geos/my.html>

then the “indigenous folks”, received constitutional guarantees of their privileged position, which is reflected in Art. 153 of the federal constitution.²

The model of “communal democracy” in Malaysia underwent major adjustments during the crisis of interethnic relations in 1969–1971. After several years of the state of emergency, the functioning of the representative body was reconstructed and the Basic Law of the State enshrined the exceptional status of the Malays. The ideological doctrine of the Foundations of State (1970), in which national interests and goals were put above community ones, proclaims the desire to strengthen the unity of a multiracial and socially just society, consolidate democracy, respect for cultural traditions, and the development of the country [15]. “Foundations of the State” include two parts: “Beliefs” and “Principles”. “The Beliefs” lists the goals that Malaysia strives for: achieving greater unity among all its folks; implementation of a democratic way of life; creation of a just society with an even distribution of national wealth; ensuring an unbiased approach to the rich and diverse cultural traditions of Malaysia; building a progressive society oriented towards modern science and technology. To achieve these goals, Rukunegara proclaims the following principles: faith in God; loyalty to the monarch and the state; respect for the constitution; compliance with laws; decent behaviour and observance of moral standards (morality).

Since the Malays, for a number of historical and socio-economic reasons, were seriously inferior to the relatively more developed non-Malaysian communities [16] the policy of so-called positive discrimination became the cornerstone of the construction of the Malaysian federation. Bumiputras enjoy substantial state support in the economic, educational, and other spheres of life; they have a dominant position in public service, in the armed forces, in exchange for the economic leadership of non-Bumiputras.

This non-equilibrium ethnic and social policy also influences the development trajectory of asymmetric federal relations. Their essence lies in the expansion of the managerial powers of some subjects. Thus, the position of the states of Sabah and Sarawak, whose sphere of competence is generally somewhat broader than that of other members of the federation.³ These

states enjoy significant benefits, including the easing of requirements for Islamization and language policy, the right to restrict the migration of Chinese. So, in the last elections to the regional parliament in Sarawak state in 2016, there was a change in the balance of power in the electoral field, as the victory was won by political parties aimed at expanding the autonomy of the state of Sarawak, and the collapse of the BN coalition at the federal level in 2018, only strengthened the processes of regionalization of United parties. Bumiputera Heritage Party and Gabungan Parti Sarawak et al. [17].

A significant gap is noticeable not only in the position of various ethnic groups, but also between agricultural and urban areas. Inequality between the subjects of the federation persists and is still wide. The Gini Index shows a high degree of economic inequality that has developed in Malaysia and is 42.8 points.⁴ This shows that the country is at a dangerous line of socio-political destabilization, the benchmark here is the degree of inequality of more than 44.3 points.

It would not be an exaggeration to conclude that the core contradiction of domestic policy in Malaysia is the desire to preserve the ethnic consensus and the unresolved problems of socio-economic inequality of ethnic groups and races.

FEATURES OF RELATIONS BETWEEN THE CENTRE AND REGIONS

The Federation of Malaysia consists of 13 states (“Negeri”) and three federal territories (“Wilayah Persekutuan”). Nine of the 13 states are hereditary monarchies (inhabited mainly by Malays), four are governed by governors assigned by the head of state. In fact, Malaysia is a federation of nine monarchies and four republics [18].

“The Malays have managed to occupy key positions at almost all governmental levels, including the security, defence and law enforcement agencies. Alongside, there is a discrepancy between the apparent dominance of the Malay ethnos and a craving of other ethnic and religious groups for equality” [12]. Every five years, they elect from their membership the head of state — the supreme ruler (Yang di Pertuan-Agong). The functions of this ruler are weak. The monarch performs mainly representative functions. Yang di Pertuan-Agong is a symbolic figure designed to unite historical

² Federal Constitution. 2010. URL: [http://www.agc.gov.my/agcportal/uploads/files/Publications/FC/Federal%20Consti%20\(BI%20text\).pdf](http://www.agc.gov.my/agcportal/uploads/files/Publications/FC/Federal%20Consti%20(BI%20text).pdf)

³ Конституция Федерации Малайзия. 2013. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=655>

⁴ Gini Index. World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.GINI?view=map&year=2018>

states into a single whole [19]. The powers of the head of state are enshrined in the second chapter of the Constitution and are reduced for the most part to formal procedures, and the system of the federal government in Malaysia resembles the British form of government. The real power belongs to the prime minister, who represents the majority party in Parliament. The Cabinet of Ministers is formed and dissolved with the consent of the Supreme Ruler.

The legislative power is divided between the two chambers: The House of Representatives (the lower house) and the Senate (the upper house). The House of Representatives (*Dewan Rakyat*) currently includes 222 members. They were elected to five-year terms under a majoritarian electoral system in single-member constituencies. Such a system provides a clear advantage to Malay Muslims. The Lower House can pass a non-confidence vote to the government and attain its resignation. By an unwritten law, MPs are privileged to fearlessly put any relevant issue under discussion without repercussions or accusation of defamation afterwards. For inquiries and discussions, the so-called minute of the meeting is specially set for members of the chamber [20].

The Senate (“*Devan Negara*”) consists of 70 senators elected for three years. 26 members are elected by the legislatures of 13 states (two senators each), the remaining 44 are appointed by the head of state on the recommendation of the prime minister. Four senators are appointed from the federal territories (two from Kuala Lumpur, from the rest — one each). Also, the Supreme Ruler assigns another 40 senators at his discretion, this number includes representatives from ethnic minorities. Citizens of the country who are at least 30 years old can become senators. Senators hold office for three years regardless of the term of office of Parliament.

A feature of Malaysia is the different forms of government in the subjects and their inequality.

Federal territories (Kuala Lumpur, Putrajaya Labuan) are administered directly by the federal government. They do not have an independent administrative system.

Each state has its own constitution, its own unicameral Legislature, formed by general elections in single-member constituencies, and governments that perform deliberative functions. Eleven states have Supreme Courts (including those with constitutional review functions) subordinate to federal jurisdictions. The rights of the courts in the states of Sarawak and Sabah are limited. Four states

(former British colonies) — Penang, Malacca, Sarawak, and Sabah — are governed by federal-appointed governors for four years. They also elect legislative assemblies and form governments through general elections. In the republican states, a representative of any ethnic group can head the government. Governors of states and 3 territories are assigned and removed from office by the head of state.

The heads of the nine states are hereditary monarchs (sultans in Johor, Kedah, Kelantan, Pahang, Perak, Selangor, Trengganu, Raja Perlis and the great ruler (*yang di pertuan besar*) Negri Sembilan), who have judicial immunity and the status of the head of the religious communities of their region. Monarchs in the states perform representative functions. Each of them is the spiritual head of their state. In monarchical states, on the basis of general elections, legislative assemblies are formed, and governments are created headed by chief ministers (usually ethnic Malays).

The composition of state governments is formed by the will of monarchs and governors from representatives of the party that won regional elections. In monarchical states, the chief minister is assigned by the head of state in consultation with the prime minister of the federation. In the other four states, governors (being assigned by the head of state) independently assign chief ministers.

Malaysia has created a rather flexible model of federalism, in which the interests of the centre and the regions are coordinated within the framework of a “semi-competitive, partially pluralistic regime” [21]. The powers of the federation and the states are enshrined in the constitution, while the powers of the federation prevail — foreign policy, defence and security, the penitentiary system and police, special services, finance and trade, navigation, road infrastructure, media, tourism, gambling, etc. The states control land transactions, agriculture and forestry, river fishing, deductions from alcohol trade, etc. The scope of joint competencies is extremely small (issues related to the exploitation of mineral resources, the entertainment industry, and a few others are subject to agreement). State income is largely dependent on subsidies from the centre, calculated depending on the population and political environment. The federal government often resorts to various forms of intervention in state affairs through the adjustment of regional legislation at the federal level, control over the police, courts, the media, and in a state of emergency, federalism is abolished altogether. In Malaysia, due to the uneven

distribution of financial resources, federalism has been highly centralized since the late 1960s [22].

The central authorities exert constant pressure on the opposition, which from time to time achieve success in elections in individual states. Subsidies to states in which the opposition manages to form regional governments are often cut or frozen. This practice was used at various times most often in relation to the states of Kelantan, Trengganu and Sabah. In the late 1970s. The Islamic Party of Malaysia (IPM), which formed the government in the state of Kelantan, has withdrawn from the ruling party coalition. The federal government first condoned the riots, and then, under their pretext, introduced a state of emergency. The new elections ended with the desired result for the ruling coalition. Declaring a state of emergency (although relatively rarely used) is an effective method of suppression, since this measure, according to the country's Constitution, cannot be challenged in court [3].

During the election campaign in the state of Sabah (1990), the regional United Party of Sabah (OPS), representing the Christianized Kadazan people and advocating the limitation of Islamization, withdrew from the ruling coalition. In 1992, the state of Sabah "for environmental reasons" was banned from the export of unprocessed timber, which significantly replenished its treasury. After the "explanatory" work with local deputies, some of them returned to the ranks of the ruling coalition individually, and the fragile opposition majority in the assembly was lost. In turn, the opportunist group, fearing even greater pressure from the federal authorities, soon reapplied to join the dominant coalition [23].

In 1999, the Islamists from the IPM succeeded in forming a government in the state of Trengganu. The central government abolished regional oil deductions without compensating for lost state revenues. After the IPM lost power in the state (2003), the activities of the Sharia courts were cancelled, and the deductions from oil production were restored.

The institutional design of the Malaysian federation suffers from significant imbalances. "By sharing power with regional governments, the central government only strengthens its political grip. In this case, federalism promotes a half-hearted democracy, debugging the patronage system and at the same time maintaining a certain democratic platform that gives the system more legitimacy" [23].

The political and legal dominance of the federal centre is extremely high due to the fears of the Malay

political elite of the disintegration of territorial administration. "The Malaysian federal system is distinguished by three basic features: the complex differentiation of the society it regulates, the presence of regionally oriented parties in it, and the indisputable hegemony of the central executive power" [3]. It is worth recognizing that the basis of relatively stable relations between the centre and the regions for a long time was the rigid dominance of the same political force, which in 2013–2020 experienced significant overloads, causing shifts in the system of relations between authorities at different levels. The federal government is forced to expand the independence of the states. The current formula "allows the government to ensure governance and maintain a stable majority in parliament, and regional elites and ethnic minority-oriented parties to have representation in parliament, enter the government, receive political and economic benefits, remain loyal to the current government and help maintain a low level of conflict in society" [24]. This state of affairs cannot be called a full-scale reform of federal relations, since the processes of redistribution of power functions are developing too slowly and are still focused on the priority of the unity of the nation and the state. But it is worth mentioning modern researchers who do not share a positive perception of the evolution of federalism in Malaysia and indicate the danger of secession processes and the strengthening of centrifugal tendencies in some regions of the Malaysian Federation. First of all, some authors predict the growth of religious and ethnic nationalism in Sabah and Sarawakeh [25]. Secondly, some researchers predict an intensification of the struggle between traditional and indigenous peoples [26], others talk about the danger of migration processes and the increasing influence of the Chinese ethnic group in the political process in the country, especially in the northern regions.

PARTICULARITY OF THE POLITICAL REGIME AND THE REQUEST FOR ITS MODERNIZATION

Malaysia is an example of a party system that can be used to demonstrate the possibilities and limitations of institutional manipulation and informal rules and practices for maintaining the stability of the political regime and the long-term dominance of one party. The main feature of this system is the "one-pronged concentration," or no-alternative predominance [27] of one party, the United Malays

National Organization (UMNO) and the National Front (FN) led by it, over all other political actors.

Malaysia is characterized by stable ethnic demarcations in resolving socio-political issues. Indeed, “the existence of ethno-national problems or their aggravation is the reason for the formation of political parties along ethnic lines” [28]. Malaysian parties have a clear ethnic orientation towards expressing group interests [29]. D. Horowitz [30] believes that it is precisely the skilful game of erasing ethnic contradictions through the creation of selective incentives for different groups to jointly govern in various spheres of society that provides the dominant party with ample room for manoeuvre and provides significant opportunities to power for a long time in the conditions of functioning of democratic political institutions.

For decades, the role of such a dominant party has been unconditionally and to a certain extent performed by the United Malay National Organization (UMNO) – since 1954, the leader of the Allied Party coalition, and since 1974 – the National Front (NF). However, since 2008, the influence of UMNO has been steadily declining, both at the federal and regional levels. In the 2013 elections, only due to massive violations of electoral rights, the ruling coalition won a relative majority. In the 2018 elections, the NF was defeated, but thanks to intrigues within the government and the “Hope” block, it returned to the helm of power in 2020.

Since its foundation, UMNO has remained the mouthpiece and defender of the interests of the Malay community, the conductor of Malay nationalism. The party seeks to prevent the equality of Bumiputra and non-bumiputra, seeing this as an encroachment on the very national independence of the Malays [31]. The fact that UMNO is not able to outgrow the format of an ethnically oriented Malay party, to become attractive, including for representatives of other ethnic groups, allows us to draw conclusions about the failure of the process of forming modern democracy in Malaysia and about the preservation of the decisive role of the factor of ethnic nationalism” [32].

Monopoly access to state resources allows the party to support its dominant position in the political market for a long time. As K. Greene notes, the dominant parties win repeatedly, since they derive resource advantages from their access to the state budget, which leads to a significant distortion of the field of party competition in their favour [33]. The dominant parties often resort to manipulative

methods in forming the opinions of voters, and often to their direct bribery. “Membership in such a party is attractive not only in terms of selective incentives, but often it becomes a prerequisite for working in a particular government organization. These phenomena are seen in Malaysia as well” [34].

Despite its declining popularity, UMNO still has significant resources, which, together with clientelism and the practice of political patronage, provides significant support for large groups of voters. The source of the party’s influence is its close relationship with the state bureaucracy [35]. This bond has grown stronger over the years that the party has been in power. D. Slater even argues that it is a strong state apparatus that is the main factor in the viability of autocratic practices in the country [36].

A. V. Baranov and S. A. Denisov, independently of each other, pay attention to the socio-cultural specifics of the Islamic world, where federalism takes root with great difficulty. “Relatively successful models of federalism (Malaysia and the United Arab Emirates) modify traditional corporatism and only to a small extent introduce Western norms of competitive democracy” [11]. Institutions of democracy not supported by the population turn into its imitation. “Great Britain introduced democratic institutions (parties, elections, parliament) in Singapore and Malaysia, but democratic consciousness in society and democratic practices never appeared there” [37].

Against the background of its neighbours in Southeast Asia, the development of the political system of Malaysia fits into general regional trends. For example, the Democracy Index, which measures the level of democracy in the electoral process for Malaysia, is quite comparable to other neighbouring countries. By this indicator, in 2019, Malaysia moved up 9 lines with a score of 7.16 points out of 10. East Timor was higher – 7.19. Other neighbouring countries are also included in the group of “imperfect democracies”: the Philippines – 6.64; Indonesia – 6.48; Thailand – 6.32; Singapore – 6.02. Meanwhile, Myanmar (3.55), Cambodia (3.53), Vietnam (3.08) and Laos (2.14) make up the group of autocracies.⁵ While the 2013 elections in Malaysia were recognized by Western experts as “dishonest and only partially free,” the assessment of the 2018 elections was less critical. In the whole region, the voter turnout stays quite high by world standards. So, in Singapore it was 95.81% (2020), in Indonesia – 83.86%

⁵ Democracy Index 2019. URL: <https://www.eiu.com/topic/democracy-index>

(2019), in Malaysia — 81.38% (2018). According to S.A. Denisov, the autocracy of government in Malaysia is associated with the legal culture of the population, which is significantly influenced by political Islam, paternalism and clientelism in public administration [37]. Does this mean that there is no demand for political modernization in the country?

As shown by public opinion polls, in general, the level of support for democratic innovations in the mass consciousness of the population of Southeast Asian countries is high. Thus, 88.3% of respondents in Malaysia, 88.2% — in Indonesia, 73.7% — in the Philippines positively assess the possibility of liberalizing the political regime, while in Thailand — 60.1%.⁶

Of course, it is worth considering the specific perception of local societies about political democracy and the ways to achieve it. At the same time, the political elite of these countries nevertheless recognizes general democratic norms, such as electivity and turnover of power [13].

The last two electoral cycles in Malaysia have shown a steady demand for political

innovation. The costs of destabilization are stopping reformers, as the 2020 government crisis showed. As L. M. Efimova, “the liberalization of the domestic political atmosphere can lead to the activation not only of supporters of racial and socio-political equality, but also to bring to life a reaction in the form of Malay ultranationalism and Islamic radicalism, and, possibly, Chinese chauvinism...” [38].

The formed complex of ethno-federative relations in Malaysia suffers from significant distortions, weakly responds to the challenges of political modernization. Basically, the party elites (not only the dominant party, but also the parties of the second echelon) strive to maintain macro-political stability, have a negative attitude to the expansion of democratic practices, and tend to pedal the topic of radicalization of public relations. At the regional level, the conservative nature of the perception of the normative nature of ethno-federal practices prevails over the interest in general federal innovations. This is especially true of the traditional way of life of the sultanates, and innovation development centres are removed from the sphere of federal relations and are completely subordinate to the government and bureaucracy.

⁶ World Values Survey Wave 6: 2018–2020. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV7.jsp>

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Мочалов А. Н. Конституционно-правовые инструменты управления этническим многообразием в многонациональных федерациях. *Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования*. 2018;4(3):136–151.
2. Deiwiks C., Cederman L.-E., Gleditsch, K. S. Inequality and conflict in federations. *Journal of Peace Research*. 2012;49(2):289–304.
3. Burgess M. *Comparative Federalism: Theory and Practice*. L.: Routledge; 2006. 357 p.
4. Прусаускас А. А. Этнонационализм, многонациональное государство и процессы глобализации. *Полис*. 1997;(2):95–105.
5. Фарукшин М. Х. Институциональные основы этнических федераций. *Полис*. 2017;(2):103–117.
6. Horowitz D. *Ethnic Groups in Conflict*. Berkley: University of California Press; 1985. 707 p.
7. Гоптарева И. Б. Политический анализ концепции федерализма. Оренбург: Южный Урал; 2002. 240 с.
8. Riker W. H. *Federalism: Origin, Operation, Significance*. Boston; Toronto: Little, Brown and Company; 1964. 169 p.
9. Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование. Пер. с англ. М.: Аспект Пресс; 1997. 287 с.
10. Crouch H. *Government and Society in Malaysia*. N.Y.: Cornell University Press; 1996. 266 p.
11. Баранов А. В. Федерализм в исламском мире. *Человек. Сообщество. Управление*. 2004;(3–4):112–123.
12. Смоляков В. А., Захарова Т. И. Малайзия: политическая система и политический процесс в мультикультурном обществе. *Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке*. 2016;1(49):102–112.
13. Ефимова Л. М. и др. Электоральные процессы в странах Юго-Восточной Азии в XXI веке. М.: Институт востоковедения РАН; 2016. 316 с.
14. Ульянова И. В. О политическом влиянии китайской диаспоры в Малайзии. *Общество и государство в Китае*. 2016;46(1):371–376.

15. Родригес А.М., ред. Новейшая история стран Азии и Африки (XX век). В 3 ч. Ч. 2. М.: Владос; 2001. 320 с.
16. Девятов Р.С. Роль государственной культурной политики в формировании единой нации (на примере Малайзии). *Этносоциум и межнациональная культура*. 2017;12 (114):152–162.
17. Osman M., Nawab M., Rashaad A. Sarawak State Elections 2016: Revisiting Federalism in Malaysia. *Journal of Current Southeast Asian Affairs*. 2017;36(1):29–50.
18. Цуканов С.С. Современные нетипичные формы правления государством. *Теория и практика общественного развития*. 2016;(5):89–90.
19. Пушкарев С.В. О причинах возникновения нетипичных форм государственного правления. *Современное право*. 2011;(7):17–20.
20. Patapan H., Wanna J., Weller P.M. Westminster Legacies: Democracy and Responsible Government in Asia and the Pacific. Sydney: UNSW Press; 2005. 276 p.
21. Сморгунюв Л.В. Современная сравнительная политология. М.: РОССПЭН; 2002. 472 с.
22. Tilman R. O. The Centralization Theme in Malaysian Federal-State Relations, 1957–75. *Institute for Southeast Asian Studies (Singapore), Occasional Paper*. 1976;(39):6–34.
23. Case W. Semi-democracy and minimalist federalism in Malaysia. *Federalism in Asia*. Cheltenham: Edward Elgar; 2009.
24. Порошин А.В. Роль доминантной партии в регулировании этнических конфликтов: пример Малайзии. *Политическая Наука*. 2016;(1):176–185.
25. Tajudin A.A.A., Yusoff M.A. *Intellectual Discourse*. 2021;28(2):649–673.
26. Chua E. H.B. Federalism and indigenous peoples in Sarawak: The Malaysian federal court's judgments in Sandah (no 1) and (no 2). *Singapore Journal of Legal Studies*. 2020: 341–357.
27. Сартори Дж. Партии и партийные системы: рамки анализа. Партии и выборы: Хрестоматия. Ч. 1. М.: ИНИОН; 2004.
28. Миронюк М.Г. Современный федерализм: Сравнительный анализ. М., 2008. 279 с.
29. Hicken A. Political engineering and party regulation in Southeast Asia. *Political parties in conflict-prone societies: Regulation, engineering and democratic development*. Tokyo: United nations univ. press; 2008.
30. Horowitz D.L. Democracy in divided societies. *Journal of democracy*. 1993;4(4):18–38.
31. Гришина А.М. Доминирующая партия Малайзии в период трансформации режима. *Вестник Пермского Университета. Политология*. 2015;1(29):84–92.
32. Reid A. Imperial alchemy: Nationalism and political identity in Southeast Asia. N.Y.: Cambridge univ. press; 2010. 248 p.
33. Greene K.F. The Political Economy of Authoritarian Single Party Dominance. *Comparative Political Studies*. 2010;43(7):807–834.
34. Crouch H. Authoritarian trends, the UMNO split and the limits to state power. Sydney: Asian Studies Association of Australia in association with Allen & Unwin; 1992.
35. Chin J. Malaysia: The Barisan National Supremacy. NY: Chatham House Publ.; 2002.
36. Slater D. State Power and Staying Power: Infrastructural Mechanisms and Authoritarian Durability. *Journal of International Affairs*. 2011;(3):15–29.
37. Денисов С.А. Мягкий авторитаризм: условия и средства его поддержания. *Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований*. 2016;(1):209–219.
38. Ефимова Л.М. Федерация Малайзия — успехи и трудности. URL: <https://mgimo.ru/about/news/experts/federatsiya-malayziya-uspekhi-i-trudnosti>

REFERENCES

1. Mochalov A.N. Constitutional and legal instruments for managing ethnic diversity in multinational federations. *Bulletin of the Tyumen State University. Socio-economic and legal research*. 2018;4(3):136–151. (In Russ.).
2. Deiwiks C., Cederman L.-E., Gleditsch, K. S. Inequality and conflict in federations. *Journal of Peace Research*. 2012;49(2):289–304.
3. Burgess M. Comparative Federalism: Theory and Practice. London: Routledge; 2006. 357 p.
4. Prazauskas A.A. Ethno-nationalism, multinational state and globalization processes. *Polis*. 1997;(2):95–105. (In Russ.).
5. Farukshin M. Kh. Institutional bases of ethnic federations. *Polis*. 2017;(2):103–117. (In Russ.).

6. Horowitz D. *Ethnic Groups in Conflict*. Berkley: University of California Press; 1985. 707 p.
7. Goptareva I. B. Political analysis of the concept of federalism. Orenburg: Southern Urals; 2002. 240 p. (In Russ.).
8. Riker W. H. *Federalism: Origin, Operation, Significance*. Boston; Toronto: Little, Brown and Company; 1964. 169 p.
9. Leiphart A. *Democracy in multi-component societies: a comparative study*. Transl. from English. Moscow: Aspect Press; 1997. 287 p. (In Russ.).
10. Crouch H. *Government and Society in Malaysia*. N.Y.: Cornell University Press; 1996. 266 p.
11. Baranov A. V. Federalism in the Islamic World. *Human. Community. Management*. 2004;(3–4):112–123. (In Russ.).
12. Smolyakov V. A., Zakharova T. I. Malaysia: political system and political process in a multicultural society. *Social and human sciences in the Far East*. 2016;1(49):102–112. (In Russ.).
13. Efimova L. M. and others. Electoral processes in the countries of Southeast Asia in the XXI century. Moscow: Institute of Oriental Studies RAS; 2016. 316 p. (In Russ.).
14. Ulyanova I. V. On the political influence of the Chinese diaspora in Malaysia. *Society and State in China*. 2016;46(1):371–376. (In Russ.).
15. Rodriguez A. M., ed. *Recent history of Asian and African countries (XX century)*. Part 2. Moscow: Vldos; 2001. 320 p. (In Russ.).
16. Devyatov R. S. The role of state cultural policy in the formation of a single nation (on the example of Malaysia). *Ethnosociety and international culture*. 2017;12(114):152–162. (In Russ.).
17. Osman M., Nawab M., Rashaad A. Sarawak State Elections 2016: Revisiting Federalism in Malaysia. *Journal of Current Southeast Asian Affairs*. 2017;36(1):29–50.
18. Tsukanov S. S. Modern atypical forms of state government. *Theory and practice of social development*. 2016;(5):89–90. (In Russ.).
19. Pushkarev S. V. On the causes of the emergence of atypical forms of government. *Modern law*. 2011;(7):17–20. (In Russ.).
20. Patapan H., Wanna J., Weller P. M. *Westminster Legacies: Democracy and Responsible Government in Asia and the Pacific*. Sydney: UNSW Press; 2005. 276 p.
21. Smorgunov L. V. *Modern Comparative Politics*. Moscow: ROSSPEN; 2002. 472 p. (In Russ.).
22. Tilman R. O. The Centralization Theme in Malaysian Federal-State Relations, 1957–75. Institute for Southeast Asian Studies (Singapore), Occasional Paper. 1976;(39):6–34.
23. Case W. *Semi-democracy and minimalist federalism in Malaysia*. Federalism in Asia. Cheltenham: Edward Elgar; 2009.
24. Poroshin A. V. The role of the dominant party in the regulation of ethnic conflicts: the case of Malaysia. *Political Science*. 2016;(1):176–185. (In Russ.).
25. Tajudin A. A. A., Yusoff M. A. *Intellectual Discourse*. 2021;28(2):649–673.
26. Chua E. H. B. Federalism and indigenous peoples in Sarawak: The Malaysian federal court's judgments in Sandah (no 1) and (no 2). *Singapore Journal of Legal Studies*. 2020:341–357.
27. Sartori J. *Parties and party systems: a framework for analysis*. Parties and Elections: Reader. Part 1. Moscow: INION; 2004. (In Russ.).
28. Mironyuk M. G. *Modern Federalism: A Comparative Analysis*. Moscow; 2008. 279 p. (In Russ.).
29. Hicken A. *Political engineering and party regulation in Southeast Asia. Political parties in conflict-prone societies: Regulation, engineering and democratic development*. Tokyo: United Nations University Press; 2008.
30. Horowitz D. L. Democracy in divided societies. *Journal of Democracy*. 1993;4(4):18–38.
31. Grishina A. M. The dominant party in Malaysia during the period of regime transformation. Bulletin of the Perm University. *Political science*. 2015;1(29):84–92. (In Russ.).
32. Reid A. *Imperial alchemy: Nationalism and political identity in Southeast Asia*. N.Y.: Cambridge University Press; 2010. 248 p.
33. Greene K. F. The Political Economy of Authoritarian Single Party Dominance. *Comparative Political Studies*. 2010;43(7):807–834.
34. Crouch H. *Authoritarian trends, the UMNO split and the limits to state power*. Sydney: Asian Studies Association of Australia in association with Allen & Unwin; 1992.
35. Chin J. *Malaysia: The Barisan National Supremacy*. NY: Chatham House Publ.; 2002.

36. Slater D. State Power and Staying Power: Infrastructural Mechanisms and Authoritarian Durability. *Journal of International Affairs*. 2011;(3):15–29.
37. Denisov S.A. Soft authoritarianism: conditions and means of its maintenance. *Political Conceptology: A Journal of Metadisciplinary Research*. 2016;(1):209–219. (In Russ.).
38. Efimova L.M. Federation of Malaysia — successes and difficulties. URL: <https://mgimo.ru/about/news/experts/federatsiya-malayziya-uspekhi-i-trudnosti>. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Егор Евгеньевич Кочетков — кандидат политических наук, доцент кафедры «История», Российский университет транспорта, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0001-7443-8089>
kochetkov.work@gmail.com

Велинка Томич — доктор экономических наук, доцент кафедры «Промышленная энергетика» факультета производства и менеджмента Требинье, Университет Восточного Сараево, Сербская Республика, Босния и Герцеговина
<https://orcid.org/0000-0001-6753-8743>
vtomic2020@gmail.com

Елена Викторовна Бестаева — кандидат политических наук, доцент департамента политологии, Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-2875-2947>
ELVBestaeva@fa.ru

ABOUT THE AUTHORS

Egor E. Kochetkov — Cand. Sci. (Political Science), Associate Professor of History, Russian University of Transport (MIIT), Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-7443-8089>
kochetkov.work@gmail.com

Velinka Tomić — D. Sc. (Economic sciences), Associate Professor, Department of Industrial Energy Engineering, Faculty of Production and Management Trebinje, University of East Sarajevo, The Republic of Srpska, Bosnia and Herzegovina
<https://orcid.org/0000-0001-6753-8743>
vtomic2020@gmail.com

Elena V. Bestaeva — Cand. Sci. (Political Sciences), Associate Professor, Department of Political Science, Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-2875-2947>
ELVBestaeva@fa.ru

Заявленный вклад авторов:

Кочетков Е.Е. — анализ литературы и фактологической основы исследования.

Томич В. — разработка концепции статьи, анализ литературы.

Бестаева Е.В. — описание результатов и формирование выводов исследования.

Authors' declared contributions:

Kochetkov E.E. — analysis of the literature and the factual basis of the study.

Tomich V. — article concept development, literature analysis.

Bestaeva E.V. — description of the results and formation of the conclusions of the study.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 10.01.2022; принята к публикации 05.02.2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 10.01.2022; accepted for publication on 05.02.2022.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-2-22-30
УДК 327.56(045)

К вопросу о Женевском формате урегулирования конфликта на Украине

Д. О. Денисов

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Рассматривая принятые документы и переговорные процессы в рамках конфликта на Донбассе, большинство исследователей акцентируют внимание на Минских соглашениях и Нормандском формате, а также том, что связано с ними. В то же время представляется актуальным рассматривать Женевский формат, включавший в себя представителей России, Украины, США и Европейского союза как первую попытку урегулировать кризис на Украине. Этот формат позволил подписать первое комплексное соглашение по урегулированию конфликта – Женевское заявление, ставшее предтечей Минских соглашений и других договоренностей по урегулированию конфликта. Документ включал в себя положения, призванные снизить уровень напряженности, однако в силу разных толкований пунктов соглашения со стороны вовлеченных субъектов оно не было комплексно реализовано. Цель исследования – всесторонне рассмотреть Женевский формат и Женевское заявление для понимания их места и роли в процессе урегулирования конфликта. В ходе исследования были проанализированы предпосылки встречи в Женеве, позиции сторон, участвовавших в обсуждении, документ, принятый в ходе переговоров и последствия договоренностей в контексте развивающегося конфликта на Украине.

Ключевые слова: Женевский формат; Женевское заявление; конфликт на Донбассе; Минские соглашения; Нормандский формат; переговорный процесс; Украина

Для цитирования: Денисов Д. О. К вопросу о Женевском формате урегулирования конфликта на Украине. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(2):22-30. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-2-22-30

ORIGINAL PAPER

On the Geneva Format for Resolving the Conflict in Ukraine

D.O. Denisov

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

When considering the negotiation processes within the framework of the conflict in Donbas and the documents adopted, most researchers focus on the Minsk agreements and the Normandy format, as well as the processes associated with them. At the same time, it seems relevant to consider the Geneva format, which included representatives of Russia, Ukraine, the U.S., and the European Union, as the first attempt to resolve the crisis in Ukraine with the help of multilateral format of conflict resolution. This format allowed for the signing of the first comprehensive agreement to resolve the conflict – the Geneva statement, which became the forerunner of the Minsk agreements and other agreements to resolve the conflict. The document included provisions designed to reduce tensions, but due to different interpretations of the clauses of the agreement by the actors involved, it was not implemented in a comprehensive way. The aim of the study was to take a comprehensive look at the Geneva Format and the Geneva Statement to understand their place and role in the conflict resolution process. The study analyzed the background of the Geneva meeting, the positions of the parties involved in the discussions, the document adopted during the negotiations and the consequences of the agreements in the context of the developing conflict in Ukraine.

Keywords: Geneva format; Geneva Statement; conflict in Donbas; Minsk Agreements; Normandy format; negotiation process; Ukraine

For citation: Denisov D.O. On the Geneva format for resolving the conflict in Ukraine. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(2):22-30. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-2-22-30

Дискуссии относительно многосторонних переговоров между представителями США, России, Украины и Европейского союза, которые бы способствовали формированию общего подхода к урегулированию конфликта на Донбассе, продолжались на протяжении марта и апреля 2014 г.

На юго-востоке Украины резко обострилась ситуация, наиболее активные протесты проходили в Донецке, Луганске, Харькове и ряде других крупных городов. В первых числах апреля протестующие начали занимать административные здания и провозглашать себя представителями законной власти в регионах. В Донецке¹ и Луганске² протестующих поддержали местные силовые структуры, вследствие чего ситуация стабилизировалась. В Харькове протестующие сначала заняли здание Государственной администрации³, но впоследствии были из него вытеснены представителями правоохранительных органов. В это же время протестующие провозгласили создание Харьковской⁴ и Донецкой⁵ народных республик. Киевские власти в свою очередь сообщили о том, что они проведут антитеррористические мероприятия⁶ и ввели в действие решение Совета национальной безопасности и обороны «О неотложных мерах по преодолению террористической угрозы и сохранению территориальной целостности Украины»⁷. Данное решение стало отправной точкой начала военного конфликта на Украине.

Следует отметить, что данные события сопровождали президентскую избирательную

кампанию, которая в это время проходила на Украине.

В таком событийном контексте было принято решение провести встречу на уровне министров иностранных дел Украины, России, США и ЕС 17 апреля 2014 г. в Женеве. В ходе телефонного разговора, состоявшегося 9 апреля, министр иностранных дел России С. Лавров и государственный секретарь США Дж. Керри обсудили возможность встречи в Женеве и ее ключевые параметры⁸. До самого момента встречи в Женеве проходили консультации по повестке и формату мероприятия⁹.

У всех участников встречи в Женеве к мероприятию были сформулированы позиции относительно ситуации на Украине и возможных путей урегулирования конфликта.

На начало апреля киевские чиновники считали реальным сценарий полномасштабной войны с Российской Федерацией¹⁰. Официальная позиция киевского режима накануне встречи в Женеве базировалась на следующих позициях: а) президент Украины В. Янукович самоустранился от выполнения конституционных полномочий и Парламент Украины законным способом возложил на себя президентские полномочия¹¹; б) Россия является агрессором и оккупантом (относительно ситуации с Крымом), а также ключевым игроком в развитии сепаратистских тенденций на юго-востоке Украины¹²; в) конституционная реформа и другие преобразования в стране, которых требуют протестующие, уже начались и учи-

¹ Митингующие заняли здание СБУ в Донецке. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1101797>

² Митингующие в Луганске захватили здание областной госадминистрации. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1033029>

³ У Харкові сепаратисти зайняли ОДА. Міліція не заважала. URL: <https://www.pravda.com.ua/news/2014/04/6/7021542/>

⁴ Общественники, взявшие на себя обязанности депутатов, провозгласили Харьковскую республику. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1103909>

⁵ Донецк провозгласил себя суверенной республикой. URL: <https://www.interfax-russia.ru/south-and-north-caucasus/sobytiya-na-ukraine/doneck-provozglasil-sebya-suverennoy-respublikoy>

⁶ Турчинов: Проти озброєних сепаратистів проведуть антитерористичні заходи. URL: <https://www.pravda.com.ua/news/2014/04/7/7021616/>

⁷ Указа президента України № 405/2014. Про рішення Ради національної безпеки і оборони України від 13 квітня 2014 року «Про невідкладні заходи щодо подолання терористичної загрози і збереження територіальної цілісності України». URL: <https://www.president.gov.ua/documents/4052014-16886>

⁸ О телефонном разговоре Министра иностранных дел России С.В. Лаврова с Госсекретарем США Дж. Керри. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE 02Bw/content/id/66502

⁹ Комментарий официального представителя МИД России А.К. Лукашевича в связи с подготовкой четырехсторонней встречи по Украине. URL: https://www.mid.ru/web/guest/kommentarii_predstavatelya/-/asset_publisher/MCZ7HQuMdqBY/content/id/65926

¹⁰ Коментар Департаменту інформаційної політики щодо нарощування військового потенціалу РФ біля державного кордону України під приводом «захисту співвітчизників». URL: <https://mfa.gov.ua/news/967-komentar-departamentu-informacijnoji-politiki-shhodo-naroshhuvannya-vijsykovogo-potencialu-rf-bilya-derzhavnogo-kordonu-ukrajini-pid-privodom-zahistu-spivvitchiznikiv>

¹¹ Верховна Рада України. Постанова. «Про самоусунення Президента України від виконання конституційних повноважень та призначення позачергових виборів Президента України». URL: <https://rada.gov.ua/news/Povidomlennya/87969.html>

¹² Звернення в.о. Президента України, Голови Верховної Ради України Олександра Турчинова з приводу подій у східних областях України. URL: <https://iportal.rada.gov.ua/news/Povidomlennya/90940.html>

тывают интересы всех регионов Украины¹³; г) Украина отказалась от многовекторной внешней политики и переориентировалась на интеграцию (вплоть до присоединения) в направлении Европейского союза¹⁴.

Несмотря на готовящуюся в Женеве встречу, киевское руководство 15 апреля начало проведение антитеррористической операции на севере Донецкой области¹⁵. На следующий день Парламент Украины принял знаковое постановление «О Заявлении Верховной Рады Украины “Об инициативе международных переговоров по деэскалации ситуации вокруг Украины”»¹⁶. В нем содержались ключевые требования Украины перед встречей в Женеве, в частности: а) предотвращение угрозы военного вторжения России на Украину, вывод военных подразделений РФ с территории Крыма, отвод войск РФ от границ Украины; б) прекращение агрессивных действий России, направленных на нарушение территориальной целостности Украины и развитие сепаратизма; в) отказ России от пропагандистской кампании против Украины; г) возвращение действий России в поле международного права; д) отказ России от применения военных, экономических и энергетических механизмов давления на Украину; е) необходимость восстановления территориальной целостности Украины. Также в постановлении указывалось, что Украину на предстоящих переговорах должна представлять «единственная официальная полномочная делегация, которая должна руководствоваться этим Заявлением»¹⁷. Данная позиция была в первую очередь направлена против участия в Женевских переговорах представителей оппозиции и протестующих из юго-восточных регионов страны.

На момент проведения встречи в Женеве не существовало общего центра координации действий протестующих в юго-восточных реги-

онах Украины, а также политических сил в Киеве, представляющих оппозицию правительству. Российская сторона изначально хотела привлечь некоторых представителей юго-восточных регионов для участия в переговорах в Женеве, однако по техническим причинам это не удалось реализовать¹⁸. В то же время российская сторона на встрече в Женеве презентовала документы, принятые президиумом «Партии регионов», Луганским областным советом и движением «Юго-восток Украины».

В этих документах содержались ключевые требования и оценки протестующих. Во-первых, это восприятие событий 22–23 февраля 2014 г. как нелегитимного государственного переворота. Во-вторых, требование федерализации государства и передачи в регионы полномочий политического, экономического и гуманитарного характера. В-третьих, закрепление в Конституции страны двух государственных языков — украинского и русского. В-четвертых, проведение референдумов относительно статуса регионов (областей)¹⁹. В-пятых, требование отменить реализацию антитеррористической операции²⁰.

Свергнутый президент Украины В. Янукович накануне встречи в Женеве дал пресс-конференцию, на которой высказал свою позицию относительно происходящего на Украине. Он отмечал, что киевские чиновники, начавшие антитеррористическую операцию, действуют противозаконно и будут нести за это юридическую ответственность²¹. В. Янукович отмечал, что Украина стоит на грани гражданской войны, и чтобы предотвратить это, необходимо провести референдум об устройстве страны, конституционную реформу и только после этого — выборы²².

Российская Федерация исходила из того, что Украина переживает глубокий внутривнутриполитический кризис, ставший результатом региональных противоречий и отсутствия политической воли

¹³ Андрей Дешица: Наши войска готови отражати военне нападення. URL: <https://mfa.gov.ua/news/2292-andrej-deshhica-nashi-vojska-gotovy-otrazhaty-vojennoje-napadenije>

¹⁴ Схвалено Програму діяльності Кабінету Міністрів України. URL: http://old.kmu.gov.ua/kmu/control/uk/publish/article?art_id=247060173&cat_id=248439756

¹⁵ О. Турчинов: На півночі Донецької області розпочалася антитерористична операція. URL: <https://iportal.rada.gov.ua/news/Povidomlennya/91503.html>

¹⁶ Верховна Рада України прийняла Постанову «Про Заяву Верховної Ради України «Про ініціативу міжнародних переговорів щодо деескалації ситуації навколо України». URL: <https://iportal.rada.gov.ua/news/Povidomlennya/91681.html>

¹⁷ Там же.

¹⁸ Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С. В. Лаврова по итогам встречи представителей ЕС, России, США и Украины. URL: https://www.mid.ru/web/guest/maps/ua/-/asset_publisher/ktn0ZLTvbbS3/content/id/64910

¹⁹ Акция за федерализацию Украины проходит в центре Харькова. URL: <https://ria.ru/20140410/1003392185.html>

²⁰ Луганские депутаты требуют провести референдум о федерализации Украины. URL: <https://ria.ru/20140410/1003392275.html>

²¹ Янукович: новые власти в Киеве понесут наказание за принятые решения. URL: <https://ria.ru/20140413/1003753932.html>

²² Янукович: уберечь Украину от раскола может только срочный референдум. URL: <https://ria.ru/20140413/1003753476.html>

со стороны руководителей Украины для их преодоления²³. Способом преодоления кризиса на Украине в России видели в стратегическом плане конституционную реформу с ключевым элементом федерализации. В рамках этой реформы, по мнению представителей России, регионы Украины должны были получить широкие полномочия в таких плоскостях жизнедеятельности, как: а) язык; б) культура; в) образование; г) экономика; д) финансы; е) внешнеэкономическая деятельность; ж) межрегиональные связи с соседними странами; з) обеспечение прав национальных меньшинств. В России полагали, что, исходя из количества коренного русского населения и русскоязычных граждан Украины, следует придать русскому языку статус государственного. Также представители России настаивали на необходимости закрепления в конституции Украины нейтрального статуса. В тактическом плане Россия предлагала незамедлительно осуществить: а) освобождение захваченных зданий (преимущественно в Киеве); б) прекращение деятельности вооруженных парамилитарных формирований^{24, 25}.

За три дня до встречи в Женеве, в ходе телефонного разговора между президентами России и США, глава Российской Федерации отмечал: «С российской стороны подчеркнуто, что протестные выступления в Донецке, Луганске, Харькове, Славянске и других городах украинского юго-востока — результат нежелания и неспособности руководства в Киеве учитывать интересы русского и русскоязычного населения»²⁶. Российской стороной силовое подавление протестов на востоке Украины однозначно интерпретировалось как антиконституционное и угрожающее перерасти в гражданскую войну²⁷.

Американская сторона в вопросах, связанных с причинами конфликта на Украине, движущими силами и тактическими действиями по его

деэскалации, в публичной плоскости придерживалась следующих позиций: а) необходимость обеспечения права национальных меньшинств; б) обеспечение языковых прав; в) демобилизация и разоружение вооруженных формирований; г) инклюзивный процесс конституционной реформы; д) организация свободных и справедливых выборов под наблюдением международного сообщества; е) всеобъемлющая поддержка правительства в Киеве; ж) поддержка суверенитета и территориальной целостности Украины²⁸. Ответственность за акции протеста на юго-востоке Украины представители США связывали с действиями России²⁹.

Вопросы, связанные с федерализацией и административно-территориальным устройством Украины, по мнению госсекретаря США Дж. Керри, должны были решаться путем внутриукраинского диалога³⁰.

Общая позиция ЕС накануне встречи в Женеве базировалась на убеждении, что Российская Федерация является ключевым фактором дестабилизации ситуации на Украине³¹. В то же время представители ЕС поддерживали киевское правительство и призывали его к конституционной реформе, проведению прозрачных и честных президентских выборов³². Представители ЕС полагали, что необходимо создать многосторонний механизм, в котором бы принимали участие Россия и Украина для поиска компромисса и деэскалации ситуации. Такой инициативой для европейских чиновников виделся формат Женевской встречи³³.

Верховный представитель Европейского союза по иностранным делам и политике безопасности К. Эштон накануне встречи в Женеве выражала обеспокоенность только активизацией «вооруженных лиц и сепаратистских групп в различных

²³ Интервью Министра иностранных дел России С.В. Лаврова программе «Вести в субботу с Сергеем Брилевым». URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE 02Bw/content/id/68466

²⁴ Там же.

²⁵ Интервью Министра иностранных дел России С.В. Лаврова программе «Воскресное время». URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE 02Bw/content/id/68426

²⁶ Телефонный разговор с Президентом США Бараком Обамой. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/20779>

²⁷ Президент Российской Федерации. Телефонный разговор с Федеральным канцлером Германии Ангелой Меркель. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/20790>

²⁸ Secretary of State John Kerry. Press Availability. URL: <https://2009-2017.state.gov/secretary/remarks/2014/03/224158.htm>

²⁹ National Security and Foreign Policy Priorities in the FY 2015 International Affairs Budget. Opening Statement Before the Senate Committee on Foreign Relations. URL: <https://2009-2017.state.gov/secretary/remarks/2014/04/224523.htm>

³⁰ Secretary of State John Kerry. Press Availability. URL: <https://2009-2017.state.gov/secretary/remarks/2014/03/224158.htm>

³¹ Catherine Ashton on the developments in Ukraine's Crimea. URL: https://eeas.europa.eu/archives/ashton/media/statements/docs/2014/140301_01_en.pdf

³² Council conclusions on Ukraine. URL: https://eeas.europa.eu/archives/ashton/media/www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/foraff/141291.pdf

³³ Council conclusions on Ukraine. URL: https://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/EN/foraff/142223.pdf

городах Восточной Украины» и поддерживала действия украинских властей, направленные на «поддержание правопорядка» в других регионах страны³⁴.

Украина, Россия, США и ЕС приняли Заявление³⁵, в котором говорилось, что по итогам переговоров в Женеве была достигнута договоренность относительно первоочередных шагов, направленных на деэскалацию напряженности и восстановления безопасности граждан. В частности, «все стороны обязались воздержаться от любых форм насилия, запугивания или провокационных действий». Также должны были разоружиться все незаконные формирования, захваченные объекты подлежали освобождению. Всем участникам протестов, которые сложат оружие и освободят здания и общественные места, гарантировалась амнистия, исключение составляли граждане, совершившие тяжкие преступления. В реализации шагов по деэскалации кризиса ведущая роль отводилась Специальной мониторинговой миссии ОБСЕ. Участники переговоров обязывались поддерживать эту миссию, в том числе, предоставлением своих наблюдателей.

В Заявлении также отмечалось, что «Анонсированный конституционный процесс будет всеобъемлющим, прозрачным и ответственным. Он будет включать немедленное начало широкого национального диалога, который охватит интересы всех регионов и политических кругов Украины, а также позволит учесть общественное мнение и предложенные изменения». В заключение стороны переговоров констатировали важность экономической и финансовой стабильности Украины и выражали готовность к диалогу относительно поддержки Украине «по мере имплементации вышеупомянутых шагов».

Министр иностранных дел России С. Лавров в своем выступлении по итогам встречи акцентировал внимание на необходимости интенсифицировать деятельность миссии ОБСЕ по снижению напряженности и урегулированию конфликтных ситуаций. Также была отмечена целесообразность начала общенационального диалога и поддержания экономической стабильности Украины. Особо было отмечено, что изменение нейтрального

военно-политического статуса Украины подорвет усилия по преодолению кризиса в стране³⁶.

На брифинге по результатам переговоров³⁷ Государственный секретарь США Дж. Керри, сообщил, что главной задачей переговоров было создание условий для деэскалации конфликта. Он рассказал о содержании Женевского Заявления от 17 апреля и сделал акцент на том, что киевские власти согласны пойти на удовлетворение требований юго-восточных регионов о большей автономии, расширении прав местного самоуправления и защите прав меньшинств. По мнению Дж. Керри, киевское правительство к моменту переговоров уже начало инклюзивный диалог относительно конституционной реформы страны, привлекая представителей всех ее регионов.

Дж. Керри делал акцент на необходимости работы со стороны ОБСЕ по деэскалации ситуации в Луганске, Донецке и Славянске. Также Дж. Керри заявлял о прямой взаимосвязи между протестующими в юго-восточных регионах Украины и Российской Федерацией и возлагал ответственность за эскалацию ситуации на Россию. Дж. Керри настаивал, что украинское правительство «заняло ненасильственную позицию перед лицом вызовов, которые могли побудить других к насилию»³⁸.

Следует отметить, что, Государственный департамент США проводил четкое разграничение между «сепаратистами», которые должны были незамедлительно выполнить пункты Женевского заявления, и «Майданом», который продолжал осуществлять «законный и мирный» протест, и, как следствие, мог продолжать занимать захваченные территории и здания³⁹.

По результатам переговоров в Женеве, Верховный представитель Европейского союза по иностранным делам и политике безопасности К. Эштон отметила, что солидаризируется с основными тезисами Дж. Керри. В свою оче-

³⁴ Catherine Ashton on the situation in Eastern Ukraine. URL: https://eeas.europa.eu/archives/ashton/media/statements/docs/2014/140413_01_en.pdf

³⁵ Geneva Statement on Ukraine. URL: https://eeas.europa.eu/archives/ashton/media/statements/docs/2014/140417_01_en.pdf

³⁶ Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С. В. Лаврова по итогам встречи представителей ЕС, России, США и Украины. URL: https://www.mid.ru/web/guest/maps/ua/-/asset_publisher/ktn0ZLTvbb53/content/id/64910

³⁷ Remarks With EU High Representative Catherine Ashton After Their Meeting. URL: <https://2009-2017.state.gov/secretary/remarks/2014/04/224947.htm>

³⁸ Remarks With EU High Representative Catherine Ashton After Their Meeting. Geneva, Switzerland. URL: <https://2009-2017.state.gov/secretary/remarks/2014/04/224947.htm>

³⁹ Daily Press Briefing. URL: <https://2009-2017.state.gov/r/prs/dpb/2014/04/224989.htm>

редь, К. Эштон указывала, что основную роль по урегулированию кризиса на Украине будет играть ОБСЕ. Она приветствовала начало инклюзивного и прозрачного конституционного процесса и обращала внимание на предстоящие президентские выборы, которые, по ее мнению, должны были стать «лучшим выразителем воли украинского народа»⁴⁰.

На следующий день после сделанного в Женеве заявления, комментируя результаты переговоров, и.о. министра иностранных дел Украины А. Дещица сообщил, что антитеррористическая операция продолжается, требования относительно разоружения и деблокирования административных зданий относятся исключительно к протестующим гражданам на юго-востоке страны, амнистия будет начата только после разоружения и передачи административных зданий. А. Дещица подчеркивал, что требования по разоружению и разблокированию административных зданий не касаются Киева и боевых групп, контролируемых представителями, лояльными к киевской власти⁴¹.

Правительство Украины издало распоряжение № 451-р «Об организации проведения обсуждения изменений в Конституцию Украины по децентрализации государственной власти»⁴². В нем Министерству регионального развития, строительства и жилищно-коммунального хозяйства поручалось внести к 1 июня 2014 г. план мероприятий по обсуждению конституционной реформы. Украинское правительство обозначало децентрализацию как реформу преимущественно финансово-экономического сектора (впоследствии реформа децентрализации на Украине проходила именно в этом сегменте⁴³). В то же время вопросы социально-гуманитарного блока (язык, образование и др.), которые входили в основные требования протестующих на юго-востоке Украины, отсутствовали.

18 апреля 2014 г. парламентская коалиция инициировала обсуждение «Меморандума о вза-

имопонимании», однако после консультаций с представителями фракций достаточного количества голосов для его принятия не нашлось, и его не поставили на голосование. Вместо этого данный документ был оформлен как «Совместное заявление и.о. Президента Украины, председателя Верховной Рады Украины и Премьер-министра Украины»⁴⁴. В документе осуждались попытки сепаратизма и раскола Украины, акцентировалось внимание на том, что правительство внесло на рассмотрение Парламента законопроект об амнистии (который не был рассмотрен), а протестующие на юго-востоке граждане назывались террористами.

Отдельно в Заявлении говорилось о языковой политике. И.о. Президента Украины, глава Парламента А. Турчинов, обещал обеспечить право местным властям принимать решения, касающиеся придания официального статуса русскому языку. Премьер-министр А. Яценюк в своей части Заявления сообщал: «Мы закрепляем специальный статус для русского языка и защиту этого языка».

В совместном пресс-релизе МИД Украины и Специальной мониторинговой комиссии ОБСЕ о выполнении «Женевского заявления»⁴⁵, опубликованном 19 апреля 2014 г., украинские власти констатировали, что со своей стороны выполняют достигнутые соглашения. В подтверждение этого говорилось о следующих инициативах украинской власти:

- правительство внесло в Парламент законопроект об амнистии. Но в то же время не пояснялось, что голосования по нему в Парламенте не было, и, как следствие, этот закон не действовал.
- парламентская коалиция предложила принять «Меморандум взаимопонимания», который в итоге трансформировался в заявление и.о. президента Украины, председателя Верховной Рады Украины и премьер-министра Украины. Относительно этого события не упоминалось, что большинство партий и депутатов, представляющих юго-восток Украины, отказались его принимать, в связи с чем данный Меморандум не был поставлен на голосование.

⁴⁰ Remarks by Catherine Ashton following the Geneva meeting on Ukraine. URL: https://eeas.europa.eu/archives/ashton/media/statements/docs/2014/140417_02_en.pdf

⁴¹ Українська правда. Дещица сказав, що женецькі угоди не стосуються «легального» Майдану. URL: <https://www.pravda.com.ua/news/2014/04/18/7022951/>

⁴² Про організацію проведення обговорення змін до Конституції України щодо децентралізації державної влади. URL: <https://www.kmu.gov.ua/npras/247278518>

⁴³ Реформа децентралізації. URL: <https://www.kmu.gov.ua/diyalnist/reformi/efektivne-vryaduvannya/reforma-decentralizacii>

⁴⁴ Спільна Заява в.о. Президента України, Голови Верховної Ради України та Прем'єр-міністра України. URL: <https://portal.rada.gov.ua/news/Povidomlennya/91889.html>

⁴⁵ Прес-реліз МЗС України та Спеціальної моніторингової місії ОБСЄ щодо виконання Женевської заяви від 17 квітня 2014 року (укр/рос). URL: <https://mfa.gov.ua/news/21866-ukraines-mfa-osce-smm-press-release-on-implementation-of-geneva-statement>

- Была приостановлена активная фаза проведения антитеррористической операции. Но никаких документов, подтверждающих этот факт, не существовало.

- Кабинет министров Украины утвердил Концепцию реформирования местного самоуправления и территориальной организации власти в Украине, направленную на децентрализацию власти. Как говорилось выше, Кабмин на тот момент только наметил контуры процедуры обсуждения, причем, игнорируя требования самоуправления регионов в гуманитарной политике.

Киевские политики, видя непреодолимые противоречия в интерпретации Женевского заявления участниками дискуссии, 22 апреля 2014 г. использовали факт убийства двух человек в Донбассе для официального возобновления там антитеррористических мероприятий^{46, 47}.

Женевское заявление протестующие в Донецке восприняли как попытку киевских властей выиграть время для разрешения кризиса при помощи силового сценария. Протестующие интерпретировали Женевское заявление как обязательства для двух сторон. В частности, отмечалось, что действия должны иметь «зеркальный» характер. В Донецке соглашались начать процесс разоружения и освободить административные здания в случае, если аналогичные процессы будут происходить в Киеве и других регионах Украины. Также выдвигались требования освобождения политических заключенных (лиц, которых представители украинских силовых структур задерживали в связи с акциями протестов на юго-востоке Украины) и объявления референдумов относительно статусов конкретных регионов⁴⁸.

Луганский областной совет, реагируя на Женевское заявление и ситуацию в Киеве, 18 апреля 2014 г. принял Заявление, в котором сообщал: «С огромной тревогой констатируем: киевские власти избрали категорически неприемлемый вариант “убеждения” несогласных с ними граждан — не диалог, не поиск компромисса и взаимные уступки, а насилие и подавление любого протеста. Это не просто деструктивный путь, это преступление против на-

шего народа, которое ведет к гражданской войне и расколу Украины». Также депутаты Луганского областного совета требовали от киевской власти незамедлительно перевести противостояние в политическую плоскость и начать диалог. Как предпосылку к этому представители Луганска выделяли необходимость «немедленно отменить войсковую спецоперацию, лицемерно прикрытую словом «антитеррористическая»». Другими требованиями луганских депутатов были: а) принятие закона об амнистии и непривлечение к ответственности бойцов спецподразделений «Беркут», «Альфа» и внутренних войск, а также отказ от преследования всех участников акций протеста, захватов административных зданий на востоке страны с последующим их разоружением; б) объявление в ближайшие дни всеукраинского референдума о государственном устройстве Украины с максимальной передачей властных полномочий в регионы и о государственном статусе русского языка⁴⁹.

Ключевые требования протестующих в Донецке, Харькове и Луганске оставались прежними: федерализация Украины и закрепление в Конституции страны двух государственных языков — украинского и русского⁵⁰.

После подписания представителями США, России, Украины и ЕС Женевского заявления от 17 апреля 2014 г.⁵¹ председатель ОБСЕ Д. Буркхальтер подчеркивал, что Специальная мониторинговая миссия ОБСЕ готова немедленно включиться в процесс осуществления различных мер, согласованных в документе⁵². Через несколько дней Д. Буркхальтер сообщил, что СММ ОБСЕ в контексте реализации Женевских соглашений оказала Украине помощь в установлении контактов с группами людей, захвативших некоторые административные здания^{53, 54}.

⁴⁹ Обращение Луганского областного совета по общественно-политической ситуации в Украине. URL: <https://www.oblrada.lg.ua/content/obrashchenie-luganskogo-oblastnogo-soveta-po-obshchestvenno-politicheskoi-situatsii-v-ukrain>

⁵⁰ Олег Царев. Интервью под дулами автоматов. URL: <https://rian.com.ua/analytics/20140428/346256887.html>

⁵¹ Женевська Заява від 17 квітня 2014 року. (укр./рос.). URL: <http://old.mfa.gov.ua/ua/press-center/comments/1050-zhenevsyka-zajava-vid-17-kvitnya-2014-roku>

⁵² OSCE ready to assist Ukraine in implementing de-escalation measures agreed today in Geneva, says Ci O. URL: <https://www.osce.org/cio/117837>

⁵³ OSCE Chairperson-in-Office underlines need for political support to implementation of Geneva measures. URL: <https://www.osce.org/cio/117882>

⁵⁴ Виступ Постійного Представника України при ООН Юрія Сергєєва на засіданні Ради Безпеки ООН. URL: <https://mfa.gov.ua/news/22301-vidbulosya-cherhove-vidkrite-zasidannya-radi-bezpeki-oon-shhodo-situaciji-v-ukrajini>

⁴⁶ Заява в.о. Президента України, Голови Верховної Ради України Олександра Турчинова. URL: <https://iportal.rada.gov.ua/news/Povidomlennya/91938.html>

⁴⁷ Звернення Голови Верховної Ради України, в.о. Президента України Олександра Турчинова до співвітчизників. URL: <https://iportal.rada.gov.ua/news/Povidomlennya/92063.html>

⁴⁸ Eastern Ukraine militants snub Geneva deal on crisis. URL: <https://www.bbc.com/news/world-europe-27076226#TWEET1104208>

После публикации Женевского заявления лидеры стран G7 в своем коммюнике обвинили Россию в невыполнении достигнутых в Швейцарии договоренностей и приветствовали шаги Украины по их имплементации⁵⁵.

Спустя девять дней после встречи в Женеве от Украины появилась новая инициатива по встрече в Женевском формате, однако данное предложение не нашло отклик у всех участников переговоров⁵⁶.

Сразу после подписания Женевского заявления стало очевидно, что вовлеченные стороны диаметрально противоположно интерпретируют ряд положений документа. В частности, представители России и протестующие на юго-востоке Украины настаивали, что процессы разоружения незаконных формирований, освобождение захваченных зданий и улиц, амнистия для участников акций протеста должны распространяться на все регионы Украины и на все организации, в то время как киевские и американские представители делали акцент на применении Заявления только к юго-восточным регионам Украины^{57, 58, 59}. До конца мая представители Российской Федерации продолжали настаивать на выполнении требований Женевского заявления⁶⁰, но начавшееся активное вооруженное противостояние сделало невозможным реализацию этого документа.

Как показали последующие события, позиции сторон, вовлеченных в процесс урегулирования конфликта, сильно менялись, вплоть до отрицания тех элементов урегулирования, которые

в 2014 г. являлись основными для формирования государственной позиции. В частности, есть наглядные примеры относительно изменения позиции украинского руководства касательно языковой политики или позиции США касательно защиты прав языковых и национальных меньшинств на Украине.

Рассматривая Женевские соглашения в контексте предпосылок и последствий событий осени 2013 — зимы 2014 г. на Украине, уместно сделать ряд обобщающих выводов.

Одной из ключевых задач американской дипломатии на весну 2014 г. была организация переговорного процесса, в рамках которого за столом переговоров окажутся официальные представители России и Украины⁶¹. Это было обусловлено политикой США, направленной на легитимизацию правительства Украины, пришедшего к власти в феврале 2014 г., в восприятии Российской Федерации — путем государственного переворота.

Как показали дальнейшие события после президентских выборов на Украине, которые состоялись 25 мая 2014 г., и признания их легитимности со стороны России, США вышли из формального переговорного процесса и впоследствии ориентировались исключительно на двусторонний формат переговоров со сторонами, вовлеченными в конфликт на Украине.

В свою очередь, Российская Федерация ставила ключевой целью легитимизировать представителей протестов на юго-востоке Украины и поддержать общеукраинский диалог по урегулированию кризиса. Но в силу отсутствия признания со стороны Украины, США, ЕС протестующих на юго-востоке Украины стороной конфликта, с которой необходимо вести переговоры, данная цель достигнута не была. Также важным фактором, ослабившим позицию Российской Федерации, стала ситуация с Крымом, — участники переговоров не признавали переход Крыма под российскую юрисдикцию и в связи с этим вводили санкции против России. Важно отметить, что депутаты Парламента Украины, представлявшие юго-восточные регионы страны, выступавшие за общенациональный диалог и мирное разрешение конфликта, фактически были отстранены

⁵⁵ Страны G7 обвиняют Россию в невыполнении женевских договоренностей. URL: <https://ria.ru/20140426/1005549253.html>

⁵⁶ Коментар Департаменту інформаційної політики МЗС України щодо пропозиції КМДА про проведення у її приміщенні зустрічі сторін Женевських домовленостей за участю моніторингової місії ОБСЄ (укр./рос.). URL:

⁵⁷ Комментарий Департамента информации и печати МИД России в контексте встречи в Женеве по украинскому кризису. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE_02Bw/content/id/64830

⁵⁸ Заявление Министерства иностранных дел Российской Федерации относительно реализации Женевского документа по урегулированию на Украине. URL: https://www.mid.ru/web/guest/maps/ua/-/asset_publisher/ktn0ZLTvbbS_3/content/id/63990

⁵⁹ Заявление МИД Российской Федерации о ситуации с выполнением женевских договоренностей по Украине. URL: https://www.mid.ru/web/guest/maps/ua/-/asset_publisher/ktn0ZLTvbbS_3/content/id/63382

⁶⁰ Брифинг официального представителя МИД России А.К. Лухашевича, 22 мая 2014 года. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/spokesman/briefings/-/asset_publisher/D_2wHaWMCU_6Od/content/id/796164

⁶¹ National Security and Foreign Policy Priorities in the FY 2015 International Affairs Budget. Opening Statement Before the Senate Committee on Foreign Relations. URL: <https://2009-2017.state.gov/secretary/remarks/2014/04/224523.htm>

от переговорного процесса представителями Киева.

Европейский союз способствовал легитимации киевского режима, при этом выступая за общенациональный диалог как путь преодоления кризиса на Украине. Но заявления европейских чиновников не сопровождались действиями, которые могли бы побудить киевские власти организовать реальный общенациональный диалог и урегулировать конфликт путем компромисса. Позиция ЕС была противоречивой, судя по тому, что официальные представители Германии, Франции и Польши в феврале 2014 г. выступили гарантами соглашения между президентом Украины и представителями оппозиции. Согласно этим договоренностям на Украине должна была быть проведена конституционная реформа и вне-

очередные президентские выборы, но в то же время легитимным президентом страны оставался В. Янукович.

Переговоры США, России, Украины и Европейского союза в Женеве, завершившиеся подписанием совместного Заявления, стали важной вехой в конфликте на Украине. Содержание документа было направлено на урегулирование ситуации в стране, однако обтекаемость и неконкретность формулировок позволили вовлеченным сторонам интерпретировать его, исходя из своих целей и задач. Главным результатом переговоров в Женеве стала фактическая легитимация официальных представителей Украины со стороны Российской Федерации и отсутствие аналогичного подхода для руководителей протестов на юго-востоке Украины.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Денис Олегович Денисов — доцент департамента массовых коммуникаций и медиабизнеса факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия; директор Института миротворческих инициатив и конфликтологии, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0001-5383-6811>
dendenole@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Denis O. Denisov — Associate Professor, Department of Mass Communications and Media Business, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia; Director of the Institute of Peacekeeping Technologies and Conflictology, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-5383-6811>
dendenole@mail.ru

*Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.*

*Статья поступила 12.01.2022; принята к публикации 10.02.2022.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The article was received on 12.01.2022; accepted for publication on 10.02.2022.
The author read and approved the final version of the manuscript.*

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-2-31-37
УДК 327(045)

Стратегия ЕС в Индо-Тихоокеанском регионе: внутренние драйверы и фактор КНР

Ю.Ю. Мельникова

МГИМО МИД России, РСМД, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

На фоне системного соперничества США и КНР поведение других ключевых международных игроков часто рассматривается в контексте их позиции по отношению к Вашингтону и Пекину. Так, выпуск Стратегии ЕС в Индо-Тихоокеанском регионе в 2021 г. был воспринят многими как шаг, свидетельствующий о солидарности Брюсселя и Вашингтона. В статье выдвигается гипотеза, что принятие документа отражает скорее общую эволюцию внешнеполитического планирования ЕС под воздействием Глобальной стратегии 2016 г. и направлено на укрепление самостоятельной роли Союза во всех регионах мира. Практически это выражается в изменении инструментария Брюсселя при работе с партнерами. Для проверки гипотезы последовательно проводится дискурс-анализ программных документов ЕС по Азии в постбиполярную эпоху и выделяются характерные для каждого методы работы. Отдельно анализируется документ 2021 г. для выявления общего и различий с предыдущими. Для структурирования полученных выводов о стратегии ЕС в ИТР используется модель анализа организационного поведения *MOST*. Для учета роли КНР в принятии документа отдельно рассматривается эволюция места Пекина в европейской политике в Азии. Полученные результаты приводят к подтверждению гипотезы.

Ключевые слова: ЕС-Китай; ЕС-АТР; Индо-Пафицика; принципиальный прагматизм; внешняя политика ЕС; геополитическая комиссия

Для цитирования: Мельникова Ю.Ю. Стратегия ЕС в Индо-Тихоокеанском регионе: внутренние драйверы и фактор КНР. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(2):31-37. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-2-31-37

ORIGINAL PAPER

EU Strategy in the Indo-Pacific Region: Domestic Drivers and the Chinese Factor

Yu. Yu. Melnikova

MGIMO University, RIAC, Moscow, Russia

ABSTRACT

Amidst the US-China confrontation the behavior of other key international players is often construed regarding their stance towards Washington or Beijing. For example, when the EU published a Strategy for Cooperation in the Indo-Pacific in 2021, many saw it as a gesture of solidarity with Washington. The article suggests that the document reflects rather the general evolution of the EU foreign policy under the influence of the Global Strategy of 2016 and aims at proactive strengthening of the EU's "actorness" in different regions of the world. In practice, it leads to changing methods and instruments of dealing with partners. To verify the hypothesis the article does the following – uses discourse analysis to study all EU strategic documents on Asia in the post-bipolar era and identify typical methods of engaging with the region; specifically analyses the recent document to show similarities and differences with previous ones; visualizes the results of the analysis through the MOST model of organizational behavior. Apart from this, to see if the Chinese factor played its role in adjusting the EU policy in Asia, the article plays particular attention to the evolution of Beijing's place in the EU strategy. The conclusions confirm the hypothesis.

Keywords: EU-China; EU-Asia-Pacific; Indo-Pacific region; principled pragmatism; the EU foreign policy; geopolitical commission

For citation: Melnikova Yu. Yu. EU Strategy in the Indo-Pacific region: Domestic drivers and the Chinese factor. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(2):31-37. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-2-31-37

ВВЕДЕНИЕ

Совместное послание Европейской комиссии и Высокого представителя по иностранным делам и политике безопасности «Стратегия ЕС в Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР)»¹ от 16 сентября 2021 г. привлекает внимание по двум причинам. Во-первых, документы ЕС по Азии редки. Они выпускались циклами — в 1994 и 2001 гг., а затем в 2007 и 2012 гг., — а значит, можно говорить о начале нового этапа. Во-вторых, документ описывает уже не Азиатско-Тихоокеанский, а Индо-Тихоокеанский регион — в европейской интерпретации географически схожий, но в России ассоциирующийся со стратегией США по сдерживанию КНР в контексте изменения мирового порядка [1, 2], что создает повод для политизации его анализа.

На наш взгляд, документ необходимо рассмотреть в более широком историческом контексте. Гипотеза заключается в том, что стратегия отражает не трансформацию порядка, а скорее развитие представлений ЕС о своей роли в нем. В фокусе исследования — изменение методов продвижения интересов ЕС в Азии в этом контексте.

КОНТЕКСТ И ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

С момента принятия Глобальной стратегии «Общее видение, единый подход: сильная Европа» в 2016 г. возобновилась дискуссия о теоретических подходах к анализу ЕС в мировом порядке. Под воздействием документа либерализм в политике Союза стал более избирательным: методы работы были пересмотрены в пользу менее нормативно обусловленных [3] в контексте политики «принципиального прагматизма». Тандем главы Еврокомиссии У. фон дер Ляйен и руководителя Европейской службы внешних действий Ж. Борреля дополнительно способствовал «геополитизации» ЕС². В соответствии с новой задачей укрепления своей роли в мире он обратился к проработке стратегии в менее традиционных регионах — Азии, Африке, на Ближнем Востоке.

До последнего времени политика в АТР, который не был приоритетом ЕС в отличие от США, России и «новой Восточной Европы», оставалась

закономерно малоизученной [4–6]. Сегодня на Западе активно появляются новые исследования [1, 7, 8], однако в России они все еще единичны. Представляется своевременным дополнить пробел, системно рассмотрев политику в АТР как иллюстрацию эволюции общей стратегии ЕС.

Для этого проведен дискурс-анализ всех региональных стратегических документов по следующим параметрам: мотивация к работе в АТР, сферы диалога, стоящие в них задачи, методы реализации. При анализе последних учитывается концепция М. Смита, согласно которой они могут принимать форму укрепления внутреннего законодательства как способа выдвигания нормы (*framing*) и двусторонних форматов как возможности вывести норму вовне (*negotiation*) [9]. Для наглядного представления полученных выводов используется так называемая модель *MOST* (*mission, objectives, strategies, tactics*)³, систематизирующая составляющие политики ЕС в АТР — его представления о своей миссии (идентичность), цели, стратегии и тактике реализации.

ЭВОЛЮЦИЯ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ НА АЗИАТСКОМ НАПРАВЛЕНИИ

Постбиполярная эпоха благоприятствовала ЕС. За счет подписания Маастрихтского договора 1992 г. окрепла организационная структура объединения и его потенциал на международной арене. После азиатского финансового кризиса 1997 г. за Европой закрепился статус лидера глобальной экономики. Материальная обеспеченность способствовала развитию ЕС как «нормативной силы» — росла привлекательность партнерских программ, и Брюссель начал все более активно выходить во внешнюю среду: на новые рынки и в политическое пространство.

Послания Еврокомиссии «На пути к новой стратегии в Азии»⁴ 1994 г. и «Европа и Азия: стратегические рамки развития партнерства»⁵ 2001 г. обрамляют первый период стратегического планирования в регионе, основным приоритетом которого было создание устойчивого имиджа ЕС как политической и экономической силы и закрепление своих рычагов влияния, в том числе за счет содействия

¹ The EU Strategy for Cooperation in the Indo-Pacific. URL: https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/jointcommunication_indo_pacific_en.pdf

² The Geopolitical Commission: Learning the 'Language of Power'? College of Europe Policy Brief. February 2020. URL: http://aei.pitt.edu/103397/1/gstohl_cepob_2-2020.pdf

³ MOST Analysis. URL: <http://www.free-management-ebooks.com/news/most-analysis-mission-objectives-strategy-tactics/>

⁴ Towards a New Asia Strategy. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:51994DC_0314&from=EN

⁵ Europe and Asia: A Strategic Framework for Enhanced Partnership. URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2001:0469:FIN:EN:PDF>

преодолению политической турбулентности в Азии, борьбе с транснациональными угрозами [10]. Реальное содержание взаимодействия уточнялось постепенно. Первый документ широко обозначал политическую, стратегическую, информационную, экономическую сферы диалога, а также помощь развитию. В 2001 г. приоритетами стали уже более узкие торгово-инвестиционное сотрудничество, экодиалог, борьба с транснациональными угрозами, заложившая основу связки «безопасность-развитие» в двусторонних отношениях, а также здравоохранение и демократизация региона. Характерная черта периода — внутренний фокус ЕС ввиду необходимости унифицировать позиции государств-членов и тактически для него характерное применение методов первой группы по М. Смитту: в 1994–2001 гг. был сформирован внутренний нормативный фундамент через создание координационной системы действий, выстраивались приоритеты по странам и секторам, шло формирование имиджа ЕС, а после 2001 г. инструментом политики стали нормативно-трансформационные методы [2] — программы помощи ЕС на АТР, которые по существу также являются внутренними.

Следующий этап осмысления политики в Азии начался после принятия Европейской стратегии безопасности 2003 г., отразившей новую ответственность ЕС за состояние международной системы. Мотивацией стала необходимость уточнения политики из-за роста роли АТР в мире с целью защиты европейских интересов. Руководящие принципы внешней политики и политики безопасности ЕС в Восточной Азии 2007 г.⁶ де-юре закрепили зависимость благополучия ЕС от безопасности и развития АТР. К 2012 г.⁷ последствия экономического кризиса добавили этой взаимозависимости энергетическое и финансовое измерения [11]. В этот период сферы вовлеченности не менялись, но роль безопасности росла, и список задач стал более политизированным: среди них были обозначены поддержание мира и стабильности, продвижение международной системы, «основанной на правилах», развитие и консолидация демократии, защита прав и свобод человека, вовлечение региона в глобальные режимы. Методы сохранили нормативно-трансформационный вектор, но ввиду экономических трудностей в самом ЕС потеряли конкретику [4] и свелись

к глаголам «продвигать», «поощрять/способствовать», «вовлечь». Отсутствие ресурсов к 2012 г. стимулировало стремление создавать диалоговые форматы — в первую очередь с сильными странами региона — Китаем, Японией, Республикой Корея, Сингапуром. Тем не менее «направляющая» роль Союза пока не подразумевала полного перехода ко второй группе методов по М. Смитту и равной вовлеченности сторон.

ДОКУМЕНТ 2021 Г.: СМЕНА ПАРАДИГМЫ?

В 2010-е гг. внимание ЕС от системного переосмысления политики в АТР отвлекали кризисы на Ближнем Востоке и Украине, всплеск популизма в Европе и разногласия с США при Д. Трампе. Глобальная стратегия 2016 г. активизировала стратегический поиск, но потребовались внешние шоки в виде COVID-19 и американо-китайского соперничества, чтобы его завершить.

Новый документ качественно отличается от предыдущих. Безусловно, привлекает внимание термин «индо-тихоокеанский». ЕС наполняет его своим содержанием, по смыслу близким Индии, отличным от США и Японии, что демонстрирует его претензию на глобальную ответственность. Кроме того, стратегия четко структурирована, а методы ее реализации впервые предельно конкретизированы. (Гео)политическая составляющая мотивации ЕС ожидаемо усилилась: текущая цель в регионе — укрепление порядка, «основанного на правилах», что в тексте так или иначе упоминается 10 раз. Часто говорится и о связанных с ним идеях «равных возможностей», «транспарентности», «безопасности». Выбор направлений сотрудничества при этом прагматичен: это флагманские в ЕС экология, цифровая сфера и международная торговля, а также такие новые направления, как развитие региональной связанности и «жесткой» безопасности.

Методологически можно говорить о частичном отходе ЕС от нормативно-трансформационной политики: программы помощи практически исключены из инструментария в пользу двусторонних проектов, позволяющих повысить подотчетность партнеров (см. таблицу). Методы первого и второго уровня, по М. Смитту, в отношении различных задач предполагается применять в различных соотношениях. В традиционной «зоне ответственности» ЕС — обеспечении человеческой безопасности — сохраняется наиболее патерналистский курс в форме односторонней помощи странам региона в борьбе с последствиями пандемии и природных катастроф.

⁶ East Asia Policy Guidelines. URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-16468-2007-INIT/en/pdf>

⁷ Guidelines on the EU's Foreign and Security Policy in East Asia. URL: http://eeas.europa.eu/archives/docs/asia/docs/guidelines_eu_foreign_sec_pol_east_asia_en.pdf

Другие классические направления испытали большее влияние Глобальной стратегии 2016 г.: в «зеленой» и цифровой сферах ввиду их относительной незрелости запланированы подготовительные программы-шаги по распространению стандартов ЕС, но основу должны составить двусторонние договоры. Более развитая сфера экономического сотрудничества уже полностью переведена на подотчетный принцип.

Новые направления включают амбициозные планы и отражают порядкоструктурирующее видение ЕС в регионе. Идея региональной связанности, появившаяся в контексте усовершенствования внутрисоюзной инфраструктуры [12] и балансирования против китайской Инициативы пояса и пути [2], была оформлена в Стратегии по соединению Европы и Азии в 2018 г.⁸ Европейская «связанность» включает в себя не только транспортный, но также цифровой и информационный компоненты. Ее реализация в ИТР закономерно запланирована с «нуля» на основе документа *Europe Data Gateways*, регулирующего зарубежный интернет-трафик⁹ и выполняющего, таким образом, функцию выстраивания нормативных стандартов в этой сфере. Далее финансирование программы уже предполагается привлекать из частных источников с обеих сторон и только в случае необходимости — из общеевропейских проектов. Развитие транспортной связанности предполагается только в рамках двусторонних диалогов. Вопросы безопасности в ИТР получили оборонно-геополитическое измерение в результате смещения центра тяжести международных процессов на Восток. ЕС стремится укрепить свою роль в этих процессах через построение «основанной на правилах» архитектуры безопасности в морском домене на многосторонней основе.

В рамках модели *MOST* можно представить современный этап структурирования политики ЕС в ИТРП отображенный на *рисунке*.

РОЛЬ КИТАЯ В СТРАТЕГИЧЕСКИХ РАСЧЕТАХ ЕС В АЗИИ

Безусловно, внутренние причины изменения стратегии ЕС соположены с трансформацией мирового порядка и самой Азии, а именно с появлением

в лице КНР потенциального контрнарратива западоцентричности мирового развития. Фактор Пекина — вспомогательная переменная для объяснения феномена Стратегии, поскольку роль КНР в ней кардинально изменилась по сравнению с ранними документами.

В 1990-е гг. интерес к КНР неуклонно рос ввиду перспективности китайского рынка, поэтому в 1994 г. ее называли опорой системы союзов ЕС в Азии. В 1995 г. появилась «Долгосрочная повестка европейско-китайских отношений», а в 1998 г. — формат регулярных саммитов ЕС-КНР. Период «конструктивного вовлечения» привел к скачкообразному росту товарооборота и интенсификации политического диалога, и в Стратегии 2001 г. Китай был назван локомотивом интеграции АТР в глобальную экономику, образцом для развивающихся стран. В XXI в. двусторонние отношения пережили взлеты в 2003–2007 гг., когда их статус был повышен до «стратегического партнерства», и 2013–2015 гг., когда была подписана Повестка двустороннего сотрудничества до 2020 г. Хотя уже с 2005 г. опасения ЕС в отношении КНР росли (что нашло отражение в Документе 2007 г.), кооперационные тенденции еще преобладали над конфронтационными: Пекин сохранял центральное место в Азии как важнейший торговый партнер ЕС, чья вовлеченность в глобальные режимы имела стратегическое значение для Брюсселя. В 2012 г., несмотря на наличие торгового дефицита и недостаточную транспарентность, стремление вовлечь Пекин в существующие международные режимы ввиду его растущего влияния на безопасность, политическое сотрудничество и экономические процессы в регионе и мире также не исчезло.

Двусторонние отношения начали ухудшаться в 2016–2019 гг.: Китай теперь классифицируется как системный соперник ЕС¹⁰ и стратегический партнер, а двусторонние инициативы, такие как Всеобъемлющее инвестиционное соглашение (ВИС) и сотрудничество под эгидой ИПП — в тупике. Демонстративно в Стратегии 2021 г. КНР упоминается всего пару раз в контексте «развития китайской военной машины» и отправки военных советников ЕС в представительства в Китае и Индонезии. При этом «китайская тень» заметна в риторике всего документа: такие обороты, как «прозрачность инвестиций», «равные условия», «недобросовестность

⁸ Connecting Europe and Asia — Building blocks for an EU Strategy. URL: https://eeas.europa.eu/sites/default/files/joint_communication_-_connecting_europe_and_asia_-_building_blocks_for_an_eu_strategy_2018-09-19.pdf

⁹ Data Gateway Declaration. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/news/digital-day-2021-europe-reinforce-internet-connectivity-global-partners>

¹⁰ Commission reviews relations with China, proposes 10 actions. March 12, 2019. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_19_1605

Тактическая составляющая европейской политики в ИТР / The tactical component of European policy in the IPR

	Методы первой группы (framing)	Методы второй группы (negotiation)
Торгово-экономическое сотрудничество		Проект «Ответственное развитие производственных цепочек в Азии» (договоры с Китаем, Японией, Мьянмой, Филиппинами, Таиландом и Вьетнамом)
		Торговые переговоры с Австралией и Новой Зеландией, расширение переговоров с Индией – по инвестициям и географическим наименованиям. Цель – двусторонний документ.
		Всеобъемлющие торговые соглашения с Японией, Республикой Корея, Сингапуром, Вьетнамом, Соглашение об экономическом сотрудничестве с Тихоокеанскими государствами
		Соглашения о защите прав инвесторов с Сингапуром и Вьетнамом
Зеленая повестка	Финансирование в рамках Horizon Europe	«Зеленые союзы» по климатической нейтральности (первый уже заключен с Японией)
	Продвижение международно-правовых стандартов в сфере использования ресурсов, защиты биосферы	Соглашения по сотрудничеству в области устойчивого рыболовства
	Программа ЕС Global Europe: Neighbourhood, Development and International Cooperation Instrument	Международная платформа по устойчивому финансированию (многосторонняя)
Цифровая сфера	Программа ЕС «Цифровой компас 2030: Европейский путь в цифровой век»	Соглашения о цифровом сотрудничестве с партнерами
		Зоны безопасности информационных потоков с Японией и Южной Кореей
		Переговоры о присоединении к Horizon Europe Австралии, Японии, Республики Корея, Новой Зеландии и Сингапура в качестве партнеров и инвесторов
Региональная связанность	Программы ЕС Connecting Europe Facility, Horizon Europe, InvestEU	Двусторонние диалоги по развитию связанности, привлечение финансирования из азиатских стран (Япония, Индия, АСЕАН)
	Декларация Europe Data Gateways	
Оборона и безопасность	Потенциальное учреждение Морской зоны интересов ЕС в ИТР	Проект Enhancing Security Cooperation in and with Asia в виде соглашений (Индия, Индонезия, Япония, РК, Сингапур, Вьетнам)
	Проведение гражданских миссий ОПБО (EUNAVFOR в Сомали, операция «Атланта» в Индийском океане и EUTM в Мозамбике)	Сотрудничество с оборонными структурами АСЕАН, отдельно – Австралия, РК, Новая Зеландия
	Расширение Critical Maritime Routes (CRIMARIO) в южной части Тихого океана	Двустороннее сотрудничество военных советников (Индия, Вьетнам)
Человеческая безопасность	Фармакологическая стратегия ЕС, COVAX	
	Помощь в борьбе с последствиями природных катастроф	

Источник / Source: составлено автором на основе The EU Strategy for Cooperation in the Indo-Pacific. URL: https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/jointcommunication_indo_pacific_en.pdf / compiled by the author based on The EU Strategy for Cooperation in the Indo-Pacific. URL: https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/jointcommunication_indo_pacific_en.pdf

Рис./ Fig. Элементы современной стратегии ЕС в АТР/ИТР /
Elements of a modern EU strategy in the Asia-Pacific/Indo-Pacific Region

Источник / Source: составлено автором на основе анализа документов / compiled by the author based on the analysis of documents.

государственных предприятий», «демократические принципы 5G» — неотъемлемые атрибуты списка европейских претензий к Пекину. Тем не менее формально для Китая сохраняется возможность подписания двусторонних соглашений, а именно ВИС и потенциального «океанского партнерства». В Брюсселе понимают, что Пекин избегает юридического закрепления каких-либо договоренностей на двустороннем уровне — растущая напряженность в отношениях продиктована именно невозможностью обеспечить его подотчетность — однако издержки от конфликта с КНР превышают изъядны взаимодействия, что приводит к амбивалентности позиции ЕС.

ВЫВОДЫ

Анализ Стратегии ЕС в Индо-Тихоокеанском регионе 2021 г. в контексте политики Евросоюза в Азии в постбиполярный период опровергает тезис о поддержке Брюсселем американского видения структуры региона. При том, что изменение роли Китая и динамика европейско-китайских отношений оказали существенное влияние на время выпуска стратегии и ее содержание, этот фактор не является определяющим. В отличие от первых стратегических документов ЕС по Азии, отражавших его нормативно-трансформационную идентичность,

этот направлен на закрепление независимой роли Брюсселя в АТР/ИТР и меняющемся мире через сохранение там ЕС-центричных режимов развития.

При этом амбиции Брюсселя, по сравнению с предыдущим периодом, существенно ограничены: с содержательной точки зрения в основе политики остались те сферы, в которых ЕС действительно имеет влияние — это международная торговля, экология, цифровые технологии и человеческая безопасность. В качестве оригинального проекта в поддержку своих целей выдвигается задача развития региональной связанности, — реализованная в соответствии с европейскими стандартами, она могла бы способствовать росту его роли в целом.

Методологически Стратегия также соответствует «духу» Глобальной стратегии 2016 г. Ранее инструментарий ЕС прошел две стадии: подготовительную унификацию позиции государств-членов и преимущественно одностороннее воздействие через программы помощи. Сегодня для экономии ресурсов ЕС тактически предполагает комбинацию внутренних программных форматов, оказывающих защитное воздействие и призванных устанавливать стандарт взаимодействия, и двусторонних договоров со странами региона, позволяющих распределить обязательства между заинтересованными сторонами.

REFERENCES

1. Casarini N. Rising to the Challenge: Europe's Security Policy in East Asia amid US-China Rivalry. *The International Spectator*. 2020;55(1):78–92. DOI: 10.1080/03932729.2020.1712133
2. Chen X., Gao X. Analysing the EU's collective securitisation moves towards China. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s10308-021-00640-4>
3. Smith M., Youngs R. The EU and the Global Order: Contingent Liberalism. *The International Spectator*. 2018;53(1):45–56. DOI: 10.1080/03932729.2018.1409024
4. Weissmann M. A European Strategy towards East Asia. Moving from Good Intentions to Action. URL: <https://www.ui.se/globalassets/ui.se-eng/publications/ui-publications/a-european-strategy-towards-east-asia-moving-from-good-intentions-to-action.compressed-1.pdf>
5. Godement F. Europe-Asia: The Historical Limits of a 'Soft' Relationship. New York, Palgrave Macmillan; 2008. DOI: 10.1057/9780230583467_2
6. Christiansen T., Kirchner E., Murray P.B. The Palgrave Handbook of EU-Asia. Relations. London: Palgrave Macmillan; 2013. 642 p.
7. Mishra R., Hashim A., Milner A. Asia and Europe in the 21st Century. New Anxieties, New Opportunities. London: Routledge. 2021. 218 p. DOI: 10.4324/9781003148067
8. Song W., Wang J. *The European Union in the Asia Pacific: Rethinking Europe's interests, roles and policies*. Manchester University Press; 2018. 240 p.
9. Smith M. EU Diplomacy and the EU-China strategic relationship: framing, negotiation and management. *Cambridge Review of International Affairs*. 2016;29(1):78–98. DOI: 1080/09557571.2015.1118999
10. Smith M. The EU, Asia and the Governance of Global Trade. The Palgrave Handbook of EU-Asia Relations. Palgrave Macmillan; 2013.
11. Cottey A. Europe and China's Sea Disputes: Between Normative Politics, Power Balancing and Acquiescence. *European Security*. 2019;28(3):473–492. DOI: 10.1080/09662839.2019.1636784
12. Su F., Kim J. et al. China-EU Connectivity in an Era of Geopolitical Competition. URL: <https://sipri.org/publications/2021/sipri-policy-papers/china-eu-connectivity-era-geopolitical-competition#:~:text=The%20long%2Dstanding%20relationship%20between,competition%20between%20major%20power%20centres.&text=Areas%20of%20cooperation%20have%20included,in%20transport%20and%20digital%20networks>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Юлия Юрьевна Мельникова — аспирант МГИМО МИД России; программный координатор РСМД, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0001-7922-2498>
jmelnikova@russiancouncil.ru

ABOUT THE AUTHOR

Yulia Yu. Melnikova — PhD Student, MGIMO University, Program Coordinator, Russian International Affairs Council, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-7922-2498>
jmelnikova@russiancouncil.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 24.01.2022; принята к публикации 15.02.2022.
Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.
The article was received on 24.01.2022; accepted for publication on 15.02.2022.
The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-2-38-44
УДК 32(045)

Стратегия Ирана в борьбе региональных и трансрегиональных держав за лидерство в регионах Каспийского моря и Персидского залива

М. Хагбин

Астраханский государственный университет, Астрахань, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются причины и последствия вовлечения трансрегиональных и внерегиональных государств в процессы борьбы за лидерство в регионах Каспийского моря и Персидского залива как основной части стратегического «энергетического эллипса» (по определению Джеффри Кэмп). Автор представляет свое видение о будущем вышеуказанных регионов с учетом прихода к власти в Иране консервативного президента, разочарованного в переговорах с США по ядерной сделке, вследствие чего усиливается ориентация Иранского государства на Восток, расширяются отношения с Россией, Китаем и соседними странами.

Ключевые слова: Каспийский регион; Персидский залив; Россия; Иран; Китай; Турция; США; Израиль

Для цитирования: Хагбин М. Стратегия Ирана в борьбе региональных и трансрегиональных держав за лидерство в регионах Каспийского моря и Персидского залива. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(2):38-44. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-2-38-44

ORIGINAL PAPER

Iran's Strategy in the Struggle of Regional and Trans-Regional Powers for Leadership in the Regions of the Caspian Sea and the Persian Gulf

M. Haghbin

Astrakhan State University, Astrakhan, Russia

ABSTRACT

This article presents the causes and consequences of the involvement of trans-regional and non-regional states within the processes of the Caspian region and the Persian Gulf as the main part of the strategic energy ellipse put forward by Jeffrey Camp. The author presented his vision for the future of the region, taking into account the coming to power of a conservative president in Iran, disappointed in the lifting of US sanctions within the negotiations on the nuclear deal. Consequently, the orientation of the Iranian state to the East is strengthening; relations with Russia, China and neighboring countries are expanding.

Keywords: Caspian region; Persian Gulf; Russia; Iran; China; Turkey; USA; Israel

For citation: Haghbin M. Iran's strategy in the struggle of regional and trans-regional powers for leadership in the regions of the Caspian sea and the Persian gulf. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(2):38-44. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-2-38-44

В последние годы Каспийское море, имеющее крупные запасы энергетических ресурсов, привлекает к себе повышенное внимание внерегиональных государств. Это стало происходить после серьезных изменений в геополитике Каспийского региона с распадом СССР: пошел огромный при-

ток капитала и технологий со стороны стран Запада, (особенно США) с целью разведки, добычи, экспорта нефти и газа. Западные государства стали бороться за политико-экономическое влияние на этой территории, из-за чего интеграция «Каспийской пятерки» столкнулась с серьезными вызовами. Каспий-

ский регион как геополитическая единица включает в себя не только страны «Каспийской пятерки», граничащие непосредственно с побережьем Каспийского моря — Россию, Иран, Казахстан, Азербайджан и Туркменистан — но и все государства Закавказья и Центральной Азии. Как отмечает С. А. Михеев, «находясь на стыке таких субрегионов, как Средний и Ближний Восток, Центральная Азия, Кавказ и Юг России, политическое, экономическое и культурное пространство вокруг Каспия стало узлом интересов различных государств, политических и деловых кругов, этносов и конфессий» [1].

Каспийское море является одним из основных центров военно-политического и экономического конфликта из-за трех факторов: энергоресурсов, стратегического положения и транспортных коммуникаций. Именно поэтому оно стало центром серьезного регионального и глобального напряжения с точки зрения энергетики, военных операций и стратегий, региональной безопасности и транзитно-транспортных возможностей. К тому же Каспий, наряду с нефтегазоносным бассейном Персидского залива, имеет крупные международные проекты, в частности МТК «Север — Юг». Военно-политическое соперничество мировых держав за доминирование над транспортными узлами в этих регионах ляжет в основу развития формирующейся международной системы, ведь сплоченность и неразрывность двух геополитических и энергетических центров — Персидского залива и Каспийского моря — имеет важное стратегическое значение.

Россия и Иран являются самыми влиятельными государствами в Каспийском бассейне. Хотя их пока рано считать стратегическими партнерами, они имеют общие геополитические интересы. Среди пяти прикаспийских государств Россия как мировая держава и Иран как региональная держава больше трех остальных прибрежных государств ощущают угрозу присутствия США и других членов НАТО и их союзников. Можно сказать, что политика нейтралитета, посредничества и, конечно, выступление лидера исламской революции Ирана аятоллы Хаменеи в поддержку Азербайджана, а также инициатива России по соблюдению режима прекращения огня и стремление к урегулированию Нагорно-Карабахского конфликта (хотя и являются двумя разными подходами)

сдерживают влияние Запада и его союзников, равно как и появление террористических группировок в Каспийском регионе. В ст. 3 Каспийской конвенции обозначен запрет на присутствие иностранных военных кораблей в Каспийском море и предоставление своей территории некаспийским государствам для ведения военных действий против любого прибрежного государства. Эти меры являются важным шагом в реализации национальных интересов, сохранении региональной безопасности и территориальной целостности «Каспийской пятерки».

Российская и иранская стороны решительно выступают против присутствия внерегиональных стран в Каспийском регионе. После распада Советского Союза США стали претендовать на мировое лидерство, поэтому сохранение территориальной целостности и государственного суверенитета имеет для России первостепенное значение. В стратегии национальной безопасности России до 2020 г. говорится, что внимание международной политики на долгосрочную перспективу будет сосредоточено на установлении контроля над источниками энергоресурсов, в том числе на Ближнем Востоке, на шельфе Баренцева моря и в других районах Арктики, в бассейне Каспийского моря и в Центральной Азии¹.

Дипломатические отношения США и Ирана впервые ухудшились после исламской революции 1979 г., которая привела к значительным изменениям на Ближнем Востоке. Религиозное руководство Ирана, настаивая на своих идеалах, решительно выступало против любой резолюции или любого соглашения, где признавалось государство Израиль. С тех пор напряженные отношения между Ираном и Израилем вплоть до настоящего времени только обострялись. Хотя между РФ и Израилем (как одним из ближневосточных стратегических партнеров США) существуют дружественные отношения, но все-таки присутствие одного из двух неприбрежных государств в Каспийском регионе может стать угрозой и для Ирана, и для России, которые вынуждены находить общий язык для противодействия расширению их влияния и принимать общие необходимые меры.

Таким образом, развитие двусторонних отношений в целях защиты национальных

¹ URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/424>

интересов и сохранения территориальной целостности будет обречено на провал без понимания общих угроз, проведения целенаправленных и согласованных мер. К тому же растущее российско-иранское сотрудничество в одном из важнейших геостратегических и геоэкономических регионов мира, а также попытки Китая распространить в нем свое присутствие привлекли внимание многих внерегиональных стран. На самом деле, внимание США к Центральной Азии проистекает из присутствия в данном регионе России, Китая и Ирана. В последние годы Вашингтон приложил большие усилия, чтобы добиться соглашения со странами СНГ для давления на Москву, Пекин и Тегеран и взять под контроль их окружение. События 11 сентября 2001 г. во многом ускорили этот процесс [2].

Подчеркнем, что 27 марта 2021 г. в столице Ирана состоялось подписание документа министрами иностранных дел ИРИ и КНР о всеобъемлющей и широкой программе кооперации двух государств, известной как 25-летний план всестороннего сотрудничества. Иранская экономика, истощенная санкциями Запада под патронажем Соединенных Штатов, испытывает большие трудности и по сей день, именно поэтому сейчас руководство ИРИ находится в поиске мощного стратегического партнера, чтобы срывать планы США по изоляции Тегерана. Упомянутый документ является военно-политической, культурной и экономической программой, которая направлена на долгосрочное развитие широких и позитивных отношений. В данном соглашении делается акцент на эффективном участии Иранского государства в важном для него проекте «Один пояс — один путь», который Китай старается реализовать на протяжении нескольких лет².

Также необходимо сказать, что сирийский кризис оказал серьезное влияние не только на Каспийский регион, но и Персидский и Оманский заливы, где проходят совместные военно-морские учения России и Ирана с участием Китая и Индии. Кроме того, подписание Конвенции о правовом статусе Каспийского моря после более чем 20 лет переговоров стран «Каспийской пятерки», а также Нагорно-Карабахский конфликт и очевидное беспокойство Ирана и РФ из-за этого кризиса

предрекают разрушительное влияние действий трансрегиональных и «некаспийских» стран в Каспийском регионе. Увеличение влияния Турции в Азербайджане и ее участие в качестве страны-миротворца с целью прекращения огня в Нагорно-Карабахском конфликте постепенно изменяют геополитическую ситуацию региона и ослабят доминирование России. На этой основе, учитывая геостратегическое положение Кавказа, Турция в пользу своих интересов сможет оказать существенное влияние на будущие экономические, торгово-транзитные отношения МТК «Север — Юг», насчет которых Иран имеет долгосрочные планы [3]. Следует отметить, что, поскольку Турция недовольна присутствием Ирана и России в Сирии и Средиземном море, она пытается возродить свое присутствие в Персидском заливе. С этой целью после создания военной базы в Катаре и открытия военной базы в Сомали Оман и Турция договорились о создании там военной базы [4].

Как известно, ИРИ и Турция считаются одними из первых стран, которые осудили нормализацию отношений Израиля с арабскими странами по «Соглашениям Авраама» [5]. Вероятно, в будущем Персидский и Оманский заливы станут ареной противостояния между Турцией и Израилем. Стремясь улучшить отношения с Израилем, Реджеп Тайип Эрдоган одновременно укрепляет свое влияние в арабо-исламских странах (которые были частью бывшей Османской империи) и под возможным растущим влиянием Израиля — в Персидском заливе.

Действительно, политику Израиля в Каспийском регионе можно оценивать в соответствии с доктриной Бен-Гуриона. Со времен первого премьер-министра Израиля Давида Бен-Гуриона эта страна придерживалась так называемой «доктрины периферии», или «доктрины Бен-Гуриона». По сути, оказавшись изолированным в регионе после провозглашения независимости в 1948 г., Израиль попытался сформировать союзы с неарабскими народами и с меньшинствами на Ближнем Востоке [6]. На основе так называемой «Новой периферийной стратегии» расширение израильского влияния в Азербайджане и увязывание интересов этих двух государств в различных областях сделало нерациональной азербайджанскую политику в отношении Тегерана. Опосредованное участие Израиля в Нагорно-Карабахском конфликте

² URL: <https://www.eghtesadnews.com/fa/tiny/news-401776>

с помощью поставки военных грузов через воздушное пространство Турции Азербайджану указывает на общие интересы этих государств в конфликте и подтверждает высокий уровень военно-технического сотрудничества между Израилем и Азербайджаном, а также возможное участие Израиля в реализации инфраструктурных проектов в приграничных районах с Ираном, находящихся ныне под контролем Баку. Это считается позитивными перспективами для Тель-Авива по укреплению своих позиций и влияния в Азербайджане, что особо актуально в связи с конфронтацией с Ираном [7]. Подчеркнем, что соглашение о нормализации отношений между Израилем и некоторыми арабскими странами, в том числе ОАЭ и Бахрейном, играет большую роль в присутствии военных кораблей Израиля в Персидском заливе и использовании территорий этих стран, что, безусловно, противоречит и несет угрозу интересам Ирана.

Резюмируя настоящее исследование, можно сказать, что Каспийский регион, потенциально способствующий крупным международным проектам, привлекает все больше внимания со стороны акторов мирового сообщества, и события в Каспийском регионе и Персидском заливе в будущем будут сильно зависеть друг от друга, так как здесь переплетаются интересы многих держав. Само собой понятно, что невмешательство и неприсутствие третьих государств в Каспийском регионе — один из общих геополитических интересов РФ и ИРИ. К тому же, хотя подписание Каспийской конвенции считается поворотным моментом и стратегическим шагом для защиты национальных интересов пяти прибрежных государств, дисбаланс в наличии дипломатических рычагов у некоторых прикаспийских государств и, следовательно, вмешательство и влияние третьих государств на них могут серьезно повлиять на Конвенцию и общую обстановку в регионе.

Кроме того, до подписания Каспийской конвенции произошел разгром ИГИЛ (организация, запрещенная на территории РФ), США вышли из ядерной сделки с Ираном, а Асад сохранил власть, а после подписания конвенции случился Нагорно-Карабахский конфликт, нормализовались отношения между арабскими государствами и Израилем, и было подписано стратегическое соглашение между ИРИ и КНР, что непосредственно или косвенно оказало

серьезное влияние на события, происходящие как в Каспийском море, так и в Персидском заливе. Результаты каждого из данных сложных и взаимосвязанных событий в какой-то мере заставляли региональных и трансрегиональных акторов прилагать усилия для расширения своего влияния в этом регионе и оказания давления на противостоящего актора.

Принимая во внимание необходимость соединения и неразрывности северного и южного побережий Ирана при реализации крупных международных проектов (таких как МТК «Север — Юг», транспортировка углеводородных ресурсов) и, разумеется, серьезное внимание РФ, ИРИ и КНР к совместному участию по обеспечению безопасности в Персидском заливе, можно сказать, что в будущем оба обширных водоема станут серьезной ареной противостояния стратегических интересов региональных и внерегиональных акторов.

Также следует отметить, что не только РФ, но и Оман как единственная нейтральная по отношению к Ирану арабская страна в регионе Персидского и Оманского заливов приветствовали нормализацию отношений между Израилем и другими арабскими государствами. Но поскольку потепления в отношениях между ИРИ и Израилем не ожидается, а со временем присутствие Израиля у иранских границ будет расширяться, то, безусловно, руководство ИРИ вряд ли сможет с этим смириться.

Кроме того, стратегические подходы Израиля и Турции касательно Каспийского региона и Персидского залива показывают, что вполне вероятно в будущем отношения между двумя вышеназванными странами в регионе будут сочетанием компромисса и сближения — с одной стороны, и разрыва и разногласий — с другой, и это будет серьезно усложнять региональные взаимодействия. Именно поэтому данный регион можно рассматривать как арену противостояния идеологий, доминирования и разных стратегических подходов региональных и трансрегиональных держав.

Стоит отметить, что со сменой правительств в ИРИ внешняя политика, несмотря на различия в подходах, не претерпевает особых изменений. Поэтому после окончания работы умеренного и реформистского правительства Рухани, несмотря на его неудачу в деле отмены санкций против Ирана из-за выхода администрации Д. Трампа из Совместного всеобъем-

лющего плана действий (СВПД) (вследствие чего иранская сторона разуверилась в снятии санкций в рамках переговоров о возрождении вышесказанного соглашения), внешняя политика Ибрахима Раиси серьезно не меняет общую конъюнктуру, и его правительство не откажется от переговоров по возрождению СВПД. Хотя новоизбранный президент объявил: «Политика нашего правительства не начинается с СВПД и не заканчивается СВПД» [8], враждебный тон в дискурсе Исламской Республики против Соединенных Штатов и их ближневосточного стратегического союзника — Израиля — значительно усилится в его правительстве.

ИРИ придет к тому, что необходимо не только укреплять стратегические отношения с двумя великими державами — Россией и Китаем — и устанавливать дружеские отношения с арабскими государствами, но и одновременно стабилизировать отношения с США, особенно по ядерной программе, чтобы снизить напряженность в отношениях с Израилем как на северных, так и на южных границах страны.

Ожидается, что с победой Ибрахима Раиси повысится уровень политического консенсуса среди ветвей власти ИРИ: правительства, парламента и Высшего совета национальной безопасности. А внешняя политика правительства будет соответствовать революционным идеям Верховного лидера аятолла Али Хаменеи. 28 июля 2021 г. на последней встрече Хассана Рухани и членов его правительства с Великим Лидером Исламской революции аятолла Хаменеи сделал акцент на необходимости использования опыта президентства 11-го и 12-го периодов в будущем. Говоря об этом, он сказал: «Этот опыт — недоверие к Западу, и будущие правительства должны его учитывать. В ходе работы нынешнего правительства стало оче-

видно, что доверие к Западу себя не оправдывает. Он (Запад) не помогает нам. Более того, там, где может, он наносит удары, а если и не наносит, то только тогда, когда у него не бывает для этого возможности. И это является очень важным уроком» [7].

Среди примечательных моментов в области внешней политики Сейеда Ибрагима Раиси на его первой пресс-конференции после победы на выборах можно отметить следующие: 1) решительный отказ от возможной встречи с президентом США, даже в случае возможной отмены санкций и выполнения требований Ирана; 2) акцент на развитие благоприятных отношений с Китаем и реализации комплексной программы сотрудничества между ИРИ и КНР; 3) конструктивное взаимодействие со всеми странами мира; 4) уделение должного внимания отношениям с соседями и снятие различных барьеров, которые могут препятствовать их нормализации, включая Саудовскую Аравию⁵.

Стоит отметить, что конституция ИРИ четко прояснила приоритеты внешней политики Ирана. Четыре группы стран имеют приоритет в следующем порядке:

1. Соседние страны.
2. Мусульманские страны.
3. Страны третьего мира.

4. Страны, которые каким-либо образом удовлетворяют одну из политических, экономических, социальных или военных потребностей Ирана [8].

Россия как мировая держава и один из важнейших северных соседей серьезно рассматривается иранским государством и особенно верховным лидером ИРИ в плане политики ориентации ИРИ на Восток в рамках стратегического объединения. Владимир Путин был первым главой государства, направившим поздравительное послание новоизбранному президенту Ирана Сейеду Ибрахиму Раиси. Посол ИРИ в РФ Казем Джалали считает, что это четко показывает намерения России в дальнейшем расширять отношения с Ираном⁴. В связи с этим в ноябре 2021 г. иранские СМИ сообщили, что в телефонном разговоре президенты РФ и ИРИ подчеркнули необходимость доработки всеобъемлющего документа

⁵ URL: <https://www.isna.ir/news/1400033124081/>

⁴ URL: <https://www.isna.ir/news/1400050704692/>

о долгосрочном сотрудничестве между двумя государствами⁵.

Вероятно, ИРИ придет к тому, что необходимо не только укреплять стратегические отношения с двумя великими державами — Россией и Китаем — и устанавливать дружеские отношения с арабскими государствами, но и одновременно стабилизировать отношения с США, особенно по ядерной программе, чтобы снизить напряженность в отношениях с Израилем как на северных, так и на южных границах страны. Не стоит упускать из виду, что Ормузская мирная инициатива, выдвинутая Ираном в целях установления безопасности в районе Ормузского пролива, во многом противодействует «Соглашениям Авраама» по нормализации отношений между Израилем и арабскими странами.

В последние годы во внешней политике Ирана по отношению к России произошли существенные изменения. Заметно расширение взаимоотношений и увеличение взаимодействия между государствами. Внешняя политика России, исходящая из евразийской концепции, во многом схожа с Восточной стратегией Ирана. Евразия, охватывающая центры добычи углеводородов, сосредоточенные на

Каспии, притягивает внимание многих стран и на Востоке, и на Западе (и в первую очередь — США).

Исходя из того, что на данный момент осуществляется разработка новых транспортных каналов (например, «Север — Юг»), в будущем станет реальной переброска углеводородов в Персидский залив из Каспийского бассейна. Эти изменения подталкивают Пекин усилить свое влияние в регионе. Глава МИД ИРИ Хосейн Амир-Абдоллахиан заявил по поводу всеобъемлющего 25-летнего стратегического партнерства между ИРИ и КНР, что Иран не только серьезно занимается реализацией этого соглашения, но и планирует подписывать подобные соглашения с другими странами, в частности с Россией и Индией⁶. Разумеется, Индия в процессе установления отношений с ИРИ не столкнется с проблемами со стороны США, как РФ и КНР, но как это реализуется — пока неизвестно. В данный момент сложно ответить на вопрос: какую роль играет Индия в событиях вокруг Каспийского региона и Персидского залива? Индия — это союзник США и одновременно бенефициар МТК «Север — Юг», и мы считаем, что она будет вести многовекторную политику.

⁵ URL: <https://parstoday.com/ru/news/iran-i145156>

⁶ URL: <https://www.iribnews.ir/00DSJU>

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Михеев С. А., Чеботарев А. Е., Ковалев Г. С. Проблемы региона накануне IV Каспийского саммита. *Проблемы постсоветского пространства*. 2014;(2):31–69.
2. Olikar O., Shlapak A. D. U. S. Interests in Central Asia. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/monographs/2005/RAND_MG338.pdf
3. Голкариан Г. Цели присутствия Турции в Нагорно-Карабахском конфликте. Стратегический совет по международным отношениям. Пер. с фарси. URL: <https://www.scfr.ir/fa/?p=129077>
4. Karagül İ. Behold Turkey's miracle! It is the keeper of two gates opening to the ocean! URL: <https://www.yenisafak.com/en/columns/ibrahimkaragul/behold-turkeys-miracle-it-is-the-keeper-of-two-gates-opening-to-the-ocean-2047540>
5. Гофман А. Мир Ближнему Востоку: изменят ли «Соглашения Авраама» историю. Российский совет по международным делам URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/middle-east/mir-blizhnemu-vostoku-izmenyat-li-soglasheniya-avraama-istoriyu/>
6. El-Ghobashy T., Morris L. Kurds say they have no friends but the mountains. Now they have Israel, and that could cause them grief. URL: <https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2017/09/25/kurds-say-they-have-no-friends-but-the-mountains-now-they-have-israel-and-that-could-cause-them-grief/>
7. Мелконян С. Громкое молчание: Израиль и война в Нагорном Карабахе. Российский совет по международным делам URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/gromkoe-molchanie-izrail-i-voyna-v-nagornom-karabakhe/>
8. Малеки А. Представленные концепции во внешней политике Исламской Республики Иран и процесс их реализации. Пер. с фарси. *Рахборде-Яс*. 2006;5(2):55–86.

REFERENCES

1. Mikheev S. A., Chebotarev A. E., Kovalev G. S. Problems of the region on the eve of the IV Caspian summit. Problems of the post-Soviet space. 2014;(2):31–69. (In Russ.).
2. O liker O., Shlapak A. D. U. S. Interests in Central Asia. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/monographs/2005/RAND_MG338.pdf.
3. Golkarian G. Purposes of Turkey’s presence in the Nagorno-Karabakh conflict. Strategic Council for International Relations. Per. from farsi. URL: <https://www.scfr.ir/fa/?p=129077>. (In Russ.).
4. Karagül İ. Behold Turkey’s miracle! It is the keeper of two gates opening to the ocean! URL: <https://www.yenisafak.com/en/columns/ibrahimkaragul/ behold-turkeys-miracle-it-is-the-keeper-of-two-gates-opening-to-the-ocean-2047540>.
5. Hoffman A. Peace to the Middle East: Will the Abraham Accords Change History? Russian International Affairs Council URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/middle-east/mir-blichnemu-vostoku-izmenyat-li-soglasheniya-avraama-istoriyu>. (In Russ.).
6. El-Ghobashy T., Morris L. Kurds say they have no friends but the mountains. Now they have Israel, and that could cause them grief. URL: <https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2017/09/25/kurds-say-they-have-no-friends-but-the-mountains-now-they-have-israel- and-that-could-cause-them-grief>.
7. Melkonyan S. Loud silence: Israel and the war in Nagorno-Karabakh. Russian International Affairs Council URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/gromkoe-molchanie-izrail-i-voyna-v-nagornom-karabakhe>. (In Russ.).
8. Maleki A. Presented concepts in the foreign policy of the Islamic Republic of Iran and the process of their implementation. Per. from farsi. Rahborde-Yas. 2006;5(2):55–86. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мохсен Хагбин — аспирант кафедры политологии и международных отношений, Астраханский государственный университет, Астрахань, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-0597-6366>
hagbin@asu.edu.ru

ABOUT THE AUTHOR

Mohsen Haghbin — Postgraduate student, Department of Politology and International Relations, Astrakhan State University, Astrakhan, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-0597-6366>
hagbin@asu.edu.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 22.11.2021; принята к публикации 10.12.2022.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The article was received on 22.11.2021; accepted for publication on 10.12.2022.
The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-2-45-52
УДК 32(045)

Ресурсно-акторный анализ в политических исследованиях

С.В. Расторгуев

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье представлен алгоритм проведения ресурсно-акторного анализа в политических исследованиях. Данный алгоритм основан на использовании SWOT-анализа и элементов теории игр. Политические акторы, ресурсы, институты анализируются по аналогии с конкурирующими на рынке компаниями. Изучается внутреннее и внешнее окружение акторов, выявляются ключевые активы и компетенции. Полученные результаты заносятся в матрицу SWOT-анализа. Силы и возможности фирмы составляют основу стратегии. Слабости и угрозы представляют потенциальные риски. На основе платежной матрицы теории игр представлены четыре возможных исхода игры акторов кейса. Показана возможность использования концепций минимальной выигрышной коалиции и вето-игроков для формирования стратегии.

Ключевые слова: ресурсно-акторный анализ; политические акторы; политические институты; политические ресурсы; стратегии; SWOT-анализ; теория игр

Для цитирования: Расторгуев С.В. Ресурсно-акторный анализ в политических исследованиях. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(2):45-52. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-2-45-52

ORIGINAL PAPER

Resource-Actor analysis in Political Studies

S.V. Rastorguev

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article presents an algorithm for conducting resource-actor analysis in political research. Proposed algorithm is based on the use of SWOT analysis and elements of game theory. The author analyzed political actors, resources, institutions by analogy with companies competing in the market. The internal and external environment of actors is studied, key assets and competencies are identified. The obtained results are entered into the SWOT analysis matrix. The firm's strengths and capabilities form the basis of the strategy. Weaknesses and threats pose potential risks. Based on the game theory payment matrix, the author presented four possible outcomes of the case actors' game. Also, the possibility of using the concepts of a minimum winning coalition and veto players to form a strategy is shown.

Keywords: resource-actor analysis; political factors; political institutions; political resources; strategies; SWOT analysis; game theory

For citation: Rastorguev S.V. Resource-actor analysis in political studies. *Gumanitarnye Nauki.Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(2):45-52. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-2-45-52

В политологической литературе, посвященной анализу региональных политических режимов и процессов, упоминание ресурсно-акторного анализа, как правило, связано с тремя источниками, дающими общую характеристику данному подходу [1–3]. В них конспективно указаны разновидности региональных политических акторов (губернатор, правительство,

парламент, бизнес, партии, правоохранительные органы, неправительственные организации, криминальные группы и т.д.) и ресурсов (политические, экономические, информационные) и обращается внимание на необходимость учета факторов экономики, культуры, социальной структуры, этнического состава, географии, акцентирована значимость политических лидеров,

групп интересов, формальных и неформальных институтов. Межгрупповые связи анализируются на предмет выявления иерархий, характера взаимодействия (позитивное, негативное, нейтральное) — сетевой анализ тогда еще широко не использовался. Предлагается совмещать ресурсно-акторный подход с элитистским, институциональным, политико-культурным и бихевиоралистским. В современных работах даются ссылки на использование ресурсно-акторного подхода без указания конкретного алгоритма анализа [4], обсуждаются перспективы более широкого акторного подхода [5, 6].

В представленной статье автор делает попытку представить ресурсно-акторный анализ как метод исследования статичности политических институтов, региональных политических режимов и динамики политических процессов, реализации разнообразных проектов через процедуры SWOT-анализа и матрицу теории игр на основе 4-х базовых элементов ресурсно-акторного анализа: акторы, ресурсы, институты, стратегии. Теоретически ресурсно-акторный анализ может быть использован для исследования локальной, региональной, национальной и международной политики. Однако с каждым переходом к более масштабному объекту количество акторов, ресурсов, институтов растет экспоненциально, а вариация стратегий у акторов приобретает слишком большой размах. В связи с этим ресурсно-акторный анализ наиболее пригоден для изучения локальных (организация, город, район) или региональных кейсов. При этом он одинаково подходит как для исследования уже сложившейся ситуации (статика), так и для прогнозирования будущих изменений (динамика).

В зависимости от кейса определяются основные *акторы* — участники конкретного кейса, субъекты деятельности, реализующие свои собственные интересы. В качестве акторов могут выступать физические и юридические лица, группы интересов (включая формальные и неформальные организации). В частности, на региональном уровне к актерам политических процессов можно отнести: губернатора, региональное правительство, региональный парламент, мэров городов, городские представительные органы, представителей региона в Федеральном Собрании России, силовые структуры, региональные представительства федеральных органов власти, политические партии, общественные движения, организации гражданского общества (церковь, профсоюзы, бизнес-ассоциации), СМИ, корпорации, преступ-

ные группировки. В каждом конкретном кейсе выделяются центральные акторы, которые борются за возможность принятия благоприятного для них решения, реализации данного решения или противодействуют принятию и реализации неблагоприятного решения.

Любая организация — некоммерческая, государственная структура, частная фирма — представляет собой разноуровневый концентрический круг стейкхолдеров (интересантов), которые могут быть мобилизованы для достижения ее целей. Например, фирма включает следующих стейкхолдеров: собственники, топ-менеджеры, работники, члены семей сотрудников, клиенты, поставщики, фирмы из цепочки создания стоимости (смежники), потребители продукции. В определенной степени интересантами могут выступать органы власти и налоговые ведомства, причастные к налогово-бюджетным поступлениям; территориальные сообщества в местах расположения производственных объектов.

За организацией всегда стоит лидер или группа лидеров, поэтому ресурсно-акторный анализ предполагает персонификацию взаимодействия акторов. Для понимания деятельности, стиля мышления, личностных характеристик, особенностей взаимодействия акторов используются концепции политологии, психологии, менеджмента, социологии, поведенческой экономики. Актор рассматривается не изолированно, а как участник разнообразных сетей обмена ресурсами, со своими правилами, иерархиями, предпочтениями. Политические сети в современных зарубежных исследованиях принято считать горизонтальными, кооперативными, однако концепцию лучше объясняет аналогия с «феодалной лестницей» или древнеримской клиентелой. Выявить связи между актерами (людьми и организациями), определить механизмы их взаимоотношений можно через второй элемент ресурсно-акторного анализа — *институты*.

Вслед за Д. Нортом целесообразно определить институты как правила игры для акторов, ограничения, создающие мотивацию к определенному поведению [7]. В таком понимании институты включают формальные — законы, уставы, кодексы, договоры и неформальные — традиции, «понятия», устные договоренности, способы фиксации ценностей, интерпретации смыслов, процедур и алгоритмов реализации действий. Один и тот же актер вовлечен в систему разных институтов политики, экономики, социальной и духовной

сферы. Акторы как физические и юридические лица, неформальные организации, группы интересов «играют» по ситуативным комбинациям формальных и неформальных институтов, создают новые институты, получают негативные или позитивные санкции за несоблюдение или следование определенным институтам. В частности, политология изучает институты функционирования ветвей власти, выборов, партий, элит, формирования идеологии, осуществления коммуникации. В качестве неформальных институтов изучаются коррупция, клановость, конкубинат, nepotизм.

Ресурсы можно определить как любые средства, используемые для достижения целей [8]. Как правило, ресурсы классифицируются по категориям. К политическим ресурсам относятся: должностные полномочия самого актора, возможность получать содействие от акторов государственных структур в рамках их должностных полномочий, а также легитимность — ожидание выполнения приказов, требований, просьб на основе обладания должностью, харизмой, традицией. К экономическим ресурсам относятся любые активы в собственности или под управлением акторов — деньги, ценные бумаги, основной и оборотный капитал компаний. К информационным ресурсам можно отнести доступ к источникам информации, ее полнота, надежность, эксклюзивность, скорость передачи, доступ к каналам коммуникации — СМИ, СМК. Данные категории могут быть дополнены другими видами ресурсов, например, символическими, принудительными, демографическими, кадровыми и т.д. [9, 10].

Для исследования положения формальной и неформальной политической организации, государственного учреждения в конкурентном политическом пространстве и определения возможных перспективных стратегий целесообразно использовать метод SWOT-анализа, который был разработан с целью изучения конкурентных преимуществ фирмы. Опираясь на теорию общественного выбора, установившую аналогию экономического и политического рынков, представляется возможным применить экономические категории для исследования политики, естественно, наполнив их политическим содержанием.

SWOT-анализ начинается с изучения внешней среды организации, которую можно представить моделью пяти сил М. Портера: клиенты, поставщики, реальные конкуренты, потенциальные конкуренты, субституты (товары, услуги-заменители) [11].

Клиентами политической организации являются физические и юридические лица, которые пользуются ее услугами, потребляют произведенную ею продукцию. При анализе клиентов можно осуществить их сегментацию по ключевым признакам (количество, социальный статус, идеология, география, доход). Также исследуется иерархия мотивов клиентов (почему они поддерживают именно эту организацию), неудовлетворенные потребности клиентов (что им можно предложить, чтобы они не ушли от организации), лояльность клиентов по отношению к организации (издержки переключения клиента на другую организацию и издержки организации по удержанию клиента).

Поставщики представляют собой совокупность физических и юридических лиц, поставляющих организации разнообразные ресурсы, используемые в основной деятельности (неспецифические ресурсы, которые можно быстро заменить аналогичными; специфические ресурсы, которые невозможно быстро заменить чем-либо). Изучение поставщиков охватывает следующие вопросы: концентрация поставщиков специфических и неспецифических ресурсов (монополия, олигополия, монополистическая конкуренция), лояльность организации (издержки переключения поставщика на другую организацию и издержки организации по удержанию поставщика).

Субституты представлены товарами/услугами из другого продуктового ряда, но удовлетворяющими ту же самую или близкую потребность клиента. В определенных обстоятельствах клиент может переключиться на субституты. При этом изучаются издержки и возможности появления новых субституты.

Конкуренты представлены организациями, работающими на тех же рынках, с теми же сегментами клиентов, что и организация. Реальные конкуренты действуют в настоящее время, потенциальные конкуренты в настоящее время неактивны, но имеют возможности выйти на рынок. Поскольку организации-конкуренты по ряду параметров идентичны исследуемой организации, то для их изучения можно использовать критерии внутреннего анализа. При анализе конкурентов необходимо идентифицировать их группу, определить барьеры входа (выхода) организаций в политическое пространство (из него), особенности их деятельности, целей, управления, корпоративной культуры, ресурсного обеспечения, географии присутствия, имиджа, PR-технологий, стратегических альянсов с другими акторами.

После составления модели пяти сил М. Портера анализируются состояние и тенденции политических, экономических, социальных, культурных, технологических процессов, влияющих на работу организации. В частности, изучаются статистические данные различных сфер жизни, динамика и направленность их изменений, меры государственного регулирования, внешнеполитические процессы, уровень технологического развития.

После проведения анализа внешнего окружения организации осуществляется внутренний анализ [12]. Он включает изучение ресурсного потенциала организации (финансы, кадры, связи, технологии, имидж), продуктовой линейки и внутренней производственной технологии (что и как создает организация; технологическая цепочка деятельности; издержки производства; практики менеджмента), эффективности реализуемой стратегии, ресурсных и организационных ограничений. В менеджменте для этого используются инструменты, которые можно частично заимствовать для политологии: финансовые коэффициенты, матрица Бостонской консалтинговой группы, матрица «Дженерал электрик», цепочка создания стоимости и др. (табл. 1).

В основе классификации лежит модель жизненного цикла продукта:

- Выход на рынок («Знак вопроса»).
- Рост продаж («Звезда»).
- Зрелость рынка — стабилизация продаж («Дойная корова»).
- Спад продаж («Собаки»).

Эволюция товаров/услуг по Бостонской матрице и соответствующие стратегии:

«**Знаки вопроса**» превращаются в «**звезды**» при принятии товара рынком и достаточных инвестициях в производство и маркетинг. Сами «знаки вопроса» не дают большой прибыли. Часть «знаков вопроса» будет отвергнута рынком и превратится в «собак».

«**Звезды**» дают много выручки, но не всегда приносят значительную прибыль, так как требуют больших затрат. После насыщения рынка превращаются в «дойных коров».

«**Дойные коровы**» обеспечивают наибольшую прибыль компании. Производство товаров на этой стадии стандартизировано, издержки сокращаются, маркетинговые кампании направлены на удержание старых клиентов. В идеале компания должна стремиться к максимально долгому сроку существования товара «дойной коровы». При переходе товара к последней стадии жизненного цикла «дойные коровы» становятся «собаками».

Таблица 1 / Table 1

Бостонская матрица — способ моделирования продуктового портфеля / The Boston Matrix as a way to model a product portfolio

		Доля рынка	
		большая	маленькая
Темпы роста	высокие	ЗВЕЗДЫ	ЗНАКИ ВОПРОСА
	низкие	ДОЙНЫЕ КОРОВЫ	СОБАКИ

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

«**Собаки**» сохраняются, пока приносят прибыль. Со временем они становятся убыточными — стратегия «снятия урожая» и выхода товара с рынка.

Достоинство Бостонской матрицы — наглядное распределение товаров/услуг по прибыльности, позволяющее планировать инвестиции. Сравнение продуктовой линейки компании с конкурентами позволяет наглядно представить свои и чужие источники прибыли, центры затрат, спрогнозировать ближайшие инвестиционные проекты. Слабая сторона матрицы в том, что она учитывает только два параметра — темп роста и долю рынка. Нет четких критериев для измерения (доля рынка оценивается по отношению к лидеру рынка, темпы роста рассчитываются для рынка товара/услуги). В политическом анализе Бостонская матрица позволяет «взвесить» ресурсы и институты акторов, участвующих в определенном кейсе. В частности, классифицировать имеющиеся ресурсы и используемые институты на инновационные («знаки вопроса»), принятые и развивающиеся («звезды»), стабильные и доминирующие («дойные коровы»), нисходящие («собаки»).

Особенно перспективной представляется цепочка создания стоимости М. Портера, представляющая производственный процесс в виде схемы: получение ресурсов от поставщика, производство товара (услуги), предоставление товара (услуги) клиенту с измерением затрат финансовых, материальных, человеческих, временных ресурсов. Количество звеньев в цепочке может

Таблица 2 / Table 2

Цепочка создания стоимости / Value-chain emergence

Внутренняя логистика	Производство	Маркетинг и розничная торговля	Внешняя логистика	Обслуживание
Получение, хранение, распространение ресурсов, расчет с поставщиками ресурсов	Превращение ресурсов в исходный продукт	Реклама, продвижение продуктов, выбор канала реализации, определение цены продукта	Сбор, хранение и доставка продукта клиентам	Обучение использованию продукта, сопровождение пользователя продукта
Инфраструктура (менеджмент, финансовый, блок, юридический блок, связи с органами государственной власти GR)				
Технологическое развитие (улучшение продукта и деловых процессов)				
Кадры (набор и обучение персонала, корпоративное обучение)				
Материально-техническое обеспечение (материальное обеспечение всех элементов цепочки)				

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

варьироваться от нескольких десятков до сотен. Данный вид анализа позволяет не только оценить деятельность организации, но и сравнить свою цепочку создания стоимости с аналогичными цепочками создания стоимости конкурентов. Данный инструмент анализа позволяет наглядно представить процесс принятия политических решений, механизм совершения определенных действий на основе измерения количества итераций с учетом материальных и временных издержек.

В табл. 2 представлена адаптация классической цепочки создания стоимости М. Портера под политический кейс. Под ресурсами в традиции Р. Даля понимаются любые объекты, используемые для достижения целей. Названия пяти базовых блоков цепочки создания стоимости взяты у М. Портера, третий и четвертый блок поменяны местами. Четыре сквозных строки показывают виды деятельности, которые сопровождают все стадии цепочки создания стоимости: инфраструктура, технологическое развитие, управление кадрами, материально-техническое обеспечение. В зависимости от специфики акторов кейсов и характера самого кейса пять базовых блоков могут изменяться. Декомпозиция до уровня отдельных операций (деловых процессов) может увеличить цепочку до нескольких десятков блоков, каждый из которых требует затрат человеческих, материальных, временных ресурсов.

Внешний и внутренний анализ выявляет ключевые активы и компетенции организаций определенной сферы деятельности, которые позволяют ответить на вопрос: почему лидер успешен, а аутсайдер нет? Если организация обладает ключевыми активами и компетенциями, то это составляет ее силу, если не обладает, то это образует ее слабость. Также экспертным способом выявляются реалистичные перспективы организации: возможности и угрозы, исходящие из внешнего окружения. Для идентификации возможностей используется матрица, ранжирующая ситуации по шкале вероятности (высокая, средняя, низкая) и силе воздействия на организацию (сильное, умеренное, малое). Для идентификации угроз используется матрица, ранжирующая ситуации по шкале вероятности (высокая, средняя, низкая) и возможным последствиям для организации (разрушительное, критическое, тяжелое).

Таким образом, силы и слабости организации выявляются в ходе внутреннего анализа, возможности и угрозы — в ходе анализа внешнего окружения. Полученные результаты заносятся в матрицу SWOT (табл. 3).

В экономическом анализе в поле Strength («Сила») могут располагаться финансовые источники, компетентность персонала, искусство конкуренции, качество товаров (услуг), доступ к уникальным ресурсам, бренд, производственные мощности, распределительная сеть, эффективная

Матрица SWOT-анализа / SWOT-analysis matrix

		О 1. 2. 3.	Возможности	Т Угрозы 1. 2. 3.
S	Сильные стороны			
1. 2. 3.		Силы и возможности (основа разработки стратегии)		Силы и угрозы (использование силы для устранения угроз)
W	Слабые стороны			
1. 2. 3.		Слабости и возможности (преодоление слабостей за счет возможностей)		Слабости и угрозы (минимизация слабостей и угроз)

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

реклама, уникальная технология, надежное управление, надежные поставщики, надежные клиенты, современное оборудование, знание потребителей, ценовое преимущество, четкая стратегия, административный ресурс, монопольное положение.

В поле Weakness («Слабость») могут быть указаны высокие издержки, износ оборудования, высокая стоимость товаров (услуг) в сравнении с конкурентами, недостаток финансирования, низкая мотивация персонала, низкий уровень сервиса, отсутствие четкой стратегии, плохой имидж, слабая гибкость управления, слабая политика продвижения на рынке, слабая сеть распределения, устаревшие технологии, узкий ассортимент товаров (услуг), низкий уровень менеджмента.

В поле Opportunities («Возможности») попадают следующие элементы: снижение торговых барьеров, рост спроса, расширение ассортимента товаров, появление новых технологий, ослабление ограничивающих законов, низкая активность конкурентов, доступность ресурсов, возможность обслуживания дополнительных групп потребителей, благоприятный сдвиг в валютных курсах, бюджетная поддержка, альянс с лидером рынка, открытие доступа к дешевым финансовым ресурсам, обслуживание новых крупных клиентов.

В поле Threats («Угрозы») указывают замедление роста рынка, неблагоприятный сдвиг в курсах валют, усиление конкуренции, появление альтернативных товаров, появление новых конкурентов, новые законодательные ограничения, рост налогов, ужесточение требований поставщиков, угрозу национализации, угрозу недружествен-

ного поглощения, появление новых технологий, несовместимых с основным бизнесом компании, неблагоприятную конъюнктуру мирового рынка.

Для политического анализа целесообразно составить свой список элементов, который распределяется между четырьмя полями матрицы. Часть элементов можно заимствовать из экономического анализа либо непосредственно, либо, наполнив политическим содержанием.

На базе проведенного SWOT-анализа организации можно предложить стратегические альтернативы. Они основываются на сочетании выявленных сильных сторон и возможностей. Риски организации заключены в сочетании слабостей и угроз. Организация разрабатывает план действий, чтобы силы и возможности нейтрализовали и перевесили слабости и угрозы.

План действий акторов с учетом имеющихся ресурсов составляет последний элемент ресурсно-акторного анализа — *стратегию*. При выборе стратегии «кооперация» оба игрока получают выигрыш, при выборе стратегии «конфликт» — убытки. Комбинация стратегий «кооперация-конфликт» ведет к игре с нулевой суммой, когда выигрыш одного актора означает проигрыш другого. В упрощенной модели каждый актор играет против каждого актора, но чаще всего формируются коалиции, которые возможно рассматривать как отдельных акторов. Используя матрицу теории игр, можно предложить следующие стратегии (табл. 4).

При выборе стратегии целесообразно учитывать две концепции. Первая — минимальная выигрышная коалиция [13, 14]. Она предполагает,

Таблица 4 / Table 4

Платежная матрица «кооперация»-«конфликт» / Payment matrix “cooperation”-“conflict”

		Игрок 1	
		кооперация	конфликт
Игрок 2	кооперация	Игра с положительной суммой 2:2	Игра с нулевой суммой 0:4
	конфликт	Игра с нулевой суммой 4: 0	Игра с отрицательной суммой -1: -1

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

что все акторы нацелены на максимальный результат при минимальных затратах; количество ресурсов ограничено и за них борются те, кто ими обладают. Владельцы ресурсов защищают их; те, кто хочет приобрести ресурсы — нападают; борьба может идти за освоение новых ресурсов (колонизация новых сфер). Для победы необходимо объединиться в минимальную выигрышную коалицию. Суть концепции в том, что минимальное число победителей разделит выигрыш на меньшее число игроков, чем если бы была

сформирована большая коалиция. Вторая — это концепция вето-игроков Дж. Цебелиса [15]. Она описывает акторов, которые в силу собственных предпочтений могут либо способствовать изменению статус-кво, либо противиться этому. На исход игры будут влиять такие факторы, как количество вето-игроков, диапазон их идеологических установок, готовность к кооперативным действиям. Преимущество приобретает тот вето-игрок, который первым формулирует повестку дня.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гельман В., Рыженков С., Бри М., ред. Россия регионов: трансформация политических режимов. М.: Весь мир, Берлин: Berliner Debatte; 2000. 374 с.
2. Туровский Р.Ф. Политическая регионалистика. М.: Издательский Дом ГУ ВШЭ; 2006.
3. Персональный сайт Н. Баранова. Анализ регионального политического режима. URL: <https://www.nicbar.ru/politology/study/kurs-politicheskaya-regionalistika/189-lektsiya-10-analiz-regionalnogo-politicheskogo-protssesa>
4. Белоконов С. Ю., Игнатовский Я. Р., Печенкин Н. М. Динамика общественно-политических настроений и анализ результатов выборов в Республике Хакассия в 2018. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2019;9(4):19–24.
5. Авдонин В. С., Семёнов А. В., Гилёв А. В. Проблемы и направления российских исследований субнациональной политики. *Политическая наука*. 2017;(4):18–19.
6. Скопин А. Ю., Климов А. И., Зайцев Д. Г. Акторный подход в современных социальных науках: экономике, социологии и политологии. URL: <https://www.hse.ru/data/2012/12/16/1300987726/Скопин%20А.Ю.,%20Климов%20А.И.,%20Зайцев%20Д.Г.%20Ак..в%20современных%20социальных%20науках.pdf>
7. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. Пер с англ. М.: Фонд экономической книги «Начала»; 1997.
8. Dahl R. *Who Governs? Democracy and Power in an American City*. New Haven: Yale University Press; 1961.
9. Etzioni A. *A Comparative Analysis of Complex Organizations: On Power, Involvement, and Their Correlates*. New York: Free Press; 1961.
10. Rogers M.F. Instrumental and Infra-resources: The Bases of Power. *American Journal of Sociology*. 1974;(9):1418–1433.
11. Портер М. Конкурентное преимущество: как достичь высокой результативности и обеспечить его устойчивость. Пер. с англ. М.: Альпина Паблишер; 2019. 716 с.
12. Аакер Д. Бизнес-стратегия. От изучения рыночной среды до выработки беспроигрышных стратегий. М.: Эксмо; 2007. 464 с.
13. Gamson W. A theory of coalition formation. *American sociological review*. 1961;26(3);373–382;

14. Riker W.H. The theory of political coalitions. New Haven: Yale univ. press; 1962. 300 p.
15. Tsebelis G. Veto players and institutional analysis. *Governance: an international journal of policy and administration*. 2000;13(4):441–474.

REFERENCES

1. Gelman V., Ryzhenkov S., Bree M., eds. Russia of regions: transformation of political regimes. Moscow: Ves mir, Berlin: Berliner Debatte; 2000. 374 p. (In Russ.).
2. Turovsky R.F. Political regionalism. Moscow: HSE Publishing House; 2006. (In Russ.).
3. Baranov N. [Personal site]. Analysis of the regional political regime. URL: <https://www.nicbar.ru/politology/study/kurs-politicheskaya-regionalistika/189-lektsiya-10-analiz-regionalnogo-politicheskogo-protssesa>. (In Russ.).
4. Belokonev S. Yu., Ignatovsky Ya.R., Pechenkin N.M. Dynamics of socio-political sentiments and analysis of the election results in the Republic of Khakassia in 2018. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2019;9(4):19–24. (In Russ.).
5. Avdonin V.S., Semenov A.V., Gilev A.V. Problems and directions of Russian studies of subnational policy. *Political science*. 2017;(4):18–19. (In Russ.).
6. Skopin A. Yu., Klimov A. I., Zaitsev D.G. Actor approach in modern social sciences: economics, sociology and political science. URL: <https://www.hse.ru/data/2012/12/16/1300987726/Skopin%20A.Yu.,%20Klimov%20A.I.,%20Zaitsev%20D.G.%20Ak.in%20modern%20social%20sciences.pdf>. (In Russ.).
7. North D. Institutions, institutional changes and the functioning of the economy. Per from English. Moscow: Foundation of the economic book “Nachala”; 1997. (In Russ.).
8. Dahl R. Who Governs? Democracy and Power in an American City. New Haven: Yale University Press; 1961.
9. Etzioni A. A Comparative Analysis of Complex Organizations: On Power, Involvement, and Their Correlates. New York: Free Press; 1961.
10. M.F. Instrumental and Infra-resources: The Bases of Power. *American Journal of Sociology*. 1974;(9):1418–1433.
11. Porter M. Competitive advantage: how to achieve high performance and ensure its sustainability. Transl. from Eng. Moscow: Alpina Publisher; 2019. 716 p. (In Russ.).
12. Aaker D. Business strategy. From studying the market environment to developing win-win strategies. Moscow: Eksmo; 2007. 464 p. (In Russ.).
13. Gamson W. A theory of coalition formation. *American Sociological Review*. 1961;26(3):373–382;
14. Riker W.H. The theory of political coalitions. New Haven: Yale University Press; 1962. 300 p.
15. Tsebelis G. Veto players and institutional analysis. *Governance: An International journal of Policy and Administration*. 2000;13(4):441–474.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сергей Викторович Расторгуев — доктор политических наук, профессор департамента политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0003-1185-9374>
SRastorguev@fa.ru

ABOUT THE AUTHOR

Sergey V. Rastorguev — Doctor of Political Science, Professor of the Department of Political Science, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0003-1185-9374>
SRastorguev@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 27.01.2022; принята к публикации 10.02.2022.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The article was received on 27.01.2022; accepted for publication on 10.02.2022.
The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-2-53-60
УДК 323.2(045)

Современная трактовка политического радикализма в гражданской активности

Р.В. Парма

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье произведен обзор современных исследований политического радикализма в контексте гражданской активности. Автором рассмотрены модели радикализации, выраженной во мнениях и действиях граждан. Выделены основные направления политического радикализма и обозначены разграничения с другими идейными течениями. Политическая радикализация рассматривается как многофакторный процесс кардинальных изменений в обществе, которые обусловлены историческим контекстом, назревшими социально-экономическими проблемами и возникающими вызовами. Политической радикализации общества способствует расширение влияния цифровых коммуникаций, которые образовали изначально неконтролируемое государством онлайн-пространство взаимодействия граждан и распространения контента. Перспективы исследования политического радикализма видятся в изучении когнитивной мотивации действий, взаимосвязи между поведенческими установками, намерениями и действиями, конверсии настроений из пространства онлайн в офлайн.

Ключевые слова: политический радикализм; протестные настроения; гражданская активность; офлайн; онлайн

Для цитирования: Парма Р.В. Современная трактовка политического радикализма в гражданской активности. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(2):53-60. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-2-53-60

ORIGINAL PAPER

Contemporary Interpretation of Political Radicalism in Civil Activity

R.V. Parma

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article presents an overview of modern studies of political radicalism in the context of civic activism. The author considers models of radicalization expressed in the opinions and actions of citizens. He singled out the main directions of political radicalism and marked the demarcations with other ideological currents. The author sees the process of political radicalization as a multifactorial process of fundamental changes in society, which are figured out by the historical context, urgent socio-economic problems, and emerging challenges. The expansion of the influence of digital communications, which formed an initially uncontrolled by the state online space for the interaction of citizens and the distribution of content, facilitated the political radicalization of society. The author sees the prospects for the study of political radicalism in the study of cognitive motivation of actions, the relationship between behavioral attitudes, intentions and actions, the conversion of moods from online to offline spaces.

Keywords: political radicalism; protest moods; civic activity; offline; online

For citation: Parma R.V. Contemporary interpretation of political radicalism in civil activity. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(2):53-60. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-2-53-60

МОДЕЛИ РАДИКАЛИЗМА

Следствием возросшего междисциплинарного интереса к политическому радикализму являются разногласия исследователей в отношении его содержания, концептуализации и моделирования [1]. Теоретической основой для построения современных моделей политического радикализма служит концепция социальной аномии Р. Мертона,

в которой общественное поведение индивидов классифицировано по порожденным культурой целям и обусловленным институтами средствам. Диспозиции принятия или непринятия поставленных целей и средств их достижения образуют пять вариантов поведения сообществ:

1. *Подчинение* характеризуется принятием целей и средств.

2. *Инновация* отличается принятием целей и непринятием средств достижения и вносит обновление в общественные отношения.

3. *Ритуализм* состоит в непринятии целей и принятии средств.

4. *Ретритизм* заключается в уходе от социального взаимодействия, неприятии целей и средств без обновления их содержания.

5. *Мятеж* включает непринятие прежних целей и средств и замену их на новые установки.

По мнению Р. Мертона, результатом достижения цели неинституционными способами является формирование антисоциального поведения и вовлечение в революционную деятельность, а «равновесие между определяемыми культурой средствами и целями становится весьма неустойчивым по мере того, как усиливается акцент на достижении имеющих значение целей любыми средствами» [2].

Исходя из концепции социальной аномии, К. Макколи и С. Москаленко создают модель радикализации, изображая ее в виде двух пирамид — мнений и действий. Каждый последующий уровень в пирамидах представляет собой более радикальную форму политических или религиозных убеждений и насильственных действий, но также и меньшую группу активных индивидов. Основу пирамиды мнений составляют массы, придерживающиеся достаточно нейтральных убеждений в отношении спорных политических и/или религиозных тем. Средний уровень пирамиды включает группы активистов, которые выступают сторонниками определенной идеи. Верхний уровень представляет собой малую группу убежденных индивидов, которые твердо настроены на выполнение морального долга. Пирамида действий имеет схожую структуру: в основе — относительно инертные к политическому насилию массы, а наверху — небольшая группа, которая активно участвует в незаконных насильственных действиях политического характера [3].

Кроме того, С. Москаленко и К. Макколи вводят шкалы намерений активизма и радикализма (ARIS). Методика ARIS изучает, как отдельные лица переходят от политических взглядов и убеждений к политическим действиям. Шкала намерений активизма оценивает готовность к участию в законных и ненасильственных политических действиях, тогда как шкала намерений радикализма оценивает готовность участвовать в незаконных и/или насильственных полити-

ческих действиях. При этом распространенная «конвейерная» гипотеза радикализации, обозначающая гражданскую активность средой для формирования большинства радикалов, находит лишь частичную поддержку в результатах исследований [4].

РАДИКАЛЬНОЕ ТЕЧЕНИЕ

Исследователи разграничивают политический радикализм с другими идейными течениями. Т. Джордан отмечает в гражданском активизме три линии, различные по степени требуемых изменений социального порядка. Первая характеризуется как агитационный активизм, который состоит в умеренных протестных действиях оппозиции, включая манифестации, забастовки и др. Вторая охватывает проявления активной реформистской деятельности, которая выражается в создании альтернатив доминирующей системе власти через конструирование новых способов и структур социального поведения. Третья состоит в революционном активизме, который выражен в стремлении разрушить существующую систему власти, кардинально изменить общественный порядок и политические институты [5].

В свою очередь, С. Харреби особо выделяет в гражданском активизме радикальное и конфронтационное направления. Радикальный активизм использует насильственные методы для демонстрации своего недовольства в достижении поставленных целей. Радикалы составляют меньшинство, но их жесткие конфликты вызывают большой общественный резонанс и получают большую огласку в СМИ. Конфронтационный активизм характеризуется тем, что представители данной группы не отчуждены от общественности, а способы донесения их идей обсуждаются в более широких кругах. Гражданское неповиновение является предпочтительным методом протеста для этой группы активных граждан. В этом аспекте гражданское неповиновение понимается как публичные, ненасильственные, сознательные, политические действия, совершаемые для внесения изменений в действующие законы или принятые решения правительства. Конфронтационный активизм противостоит радикальному активизму, который не отвечает требованию достижения общественного согласия и необходимости соблюдения универсальных прав граждан [6].

В современных российских исследованиях в понимании политического радикализма

прослеживается ряд разночтений. Некоторые российские исследователи видят в радикализме проявление экстремизма на том основании, что в эпоху модерна политические системы породили множество крайних теорий и практик. В истории радикализм выступает основанием появления экстремистских идеологий, провоцируя политические конфликты. Исходя из этого, И. Л. Морозов определяет политический радикализм как жесткое неприятие других позиций и отказ от достижения компромисса [7]. Другие исследователи разграничивают взаимосвязанные понятия: радикализм и экстремизм. С. Н. Чирун утверждает, что радикализм скорее обозначает «стремление», а экстремизм — «приверженность». Радикал является субъектом намерения, а экстремист способен реализовать свою субъектность в действии. Радикализм характеризуется как крайние, скорее легальные, политические идеи, а экстремизм — как крайние и нелегальные политические действия [8]. Таким образом, политический радикализм имеет явные отличия от экстремизма и может быть противопоставлен консервативным и либеральным стратегиям устойчивого развития.

ПРОЦЕСС РАДИКАЛИЗАЦИИ

Большинство ученых сходятся во мнении, что радикализация — это не линейные и поэтапные изменения, а скорее многофакторный и контекстуальный процесс кардинальных перемен. Радикализация рассматривается как сложная политическая ситуация, в которой действуют совместно несколько факторов риска. Совокупный вес факторов риска увеличивает вероятность принятия значительной частью общества радикальных установок и убеждений [9].

Так, Ю. Вуйич отмечает, что проявления политического радикализма, как левого, так и правого толка, обусловлены историческим контекстом и общественно-политической ситуацией. Также проявления радикализма предопределены сложившимися в стране ценностями и традициями политической культуры. Кроме того, экономический кризис, выступая фактором радикализации, создает тревожные настроения в обществе и несет негативные последствия, которые находят выражение в росте безработицы, бедности, криминала, иммиграции и падении доверия к власти. В европейских странах, по мнению Ю. Вуйича, проводится политика национал-популизма в условиях расширения коррупции и безволия политической

элиты. Общий популистский набор характерен как для правого, так и для левого радикализма и включает в себя антиглобализм, национализм, сепаратизм и антилиберализм. Политические радикалы декретируют институты парламентской демократии и рыночной экономики, а также структуры НАТО и ЕС, считая их неспособными решить нарастающие социальные проблемы граждан. В кризисных условиях, когда слабое коррумпированное государство оказывается недееспособным, происходит процесс «черно-красной конвергенции», состоящий в сближении правых и левых радикалов [10].

В поле внимания российских исследователей оказались процессы политической радикализации в зарубежных странах. А. И. Бурмули отмечает, что с 90-х гг. прошлого века крайний национализм и правый радикализм превращаются в одну из выраженных тенденций развития стран современной Европы. Во многих странах электорального успеха добились политические партии, использующие националистическую риторику [11]. В настоящее время, согласно исследованиям А. Е. Шапарова и Е. В. Синьковой, в странах ЕС происходит включение радикальных движений в легальный политический процесс. Размежевание с экстремистскими политическими силами, использование легальных методов достижения власти позволили праворадикальным партиям в конце XX в. стать частью европейского политического процесса.

Электоральные успехи правых радикалов в большинстве европейских стран в начале XXI в. объясняются комплексом факторов. Во-первых, кризисными явлениями в европейском политическом проекте, в частности, в диктате евробюрократии. Во-вторых, социально-экономическими тенденциями в обществах европейских стран, процессами прекаризации, обострения конкуренции за рабочие места вследствие свободного движения рабочей силы внутри ЕС. В-третьих, кризисными социокультурными процессами, последствиями доминирования парадигмы мультикультурализма в иммиграционной политике. Выборы в Европарламент в мае 2019 г. подтвердили тенденцию демаргинализации правого радикализма, которая выступает частью запроса граждан на изменения в социальной, миграционной и других, чувствительных для общества направлениях государственной политики. Главную причину электорального успеха правых радикалов в 2010-е гг. исследователи

видят в происходящих изменениях в социальной структуре наиболее развитых стран Евросоюза. На смену процессам пауперизации пришли процессы прекаризации. Углубление социального неравенства влечет за собой рост популистских движений, лидеры которых обещают «вернуть» избирателям их голоса, которые были «конфискованы» элитами [12].

На изменение сложившегося политического порядка также влияет смена поколений, которая несет угрозу прежним приоритетам государственного курса на устойчивое развитие. Преобладающая политическая индифферентность и лояльность молодежи к власти может смениться на радикальные настроения, которые будут проявляться в нарастающих протестных действиях. Причем опыт ряда стран показывает, что провоцируемое социальное недовольство прорывается в радикальные акции на этапе преодоления кризиса. Для молодежи характерны максимализм и ориентация на радикальные перемены, склонность к стремительным и кардинальным общественным сдвигам вместо постепенных преобразований. Формирование сплоченных групп и больших сообществ молодежи, имеющей социальные проблемы и настроенной на активное политическое участие, представляет угрозу для стабильного развития государств [13].

Молодежь, в силу возрастного периода становления личности, выступает социальной группой, склонной к политической радикализации, выраженной в требованиях переустройства «старого порядка». Радикализм и экстремизм молодежи Е. О. Васильчук рассматривает как следствие недовольства существующими формами политического участия, а также — открывшихся возможностей действий и доминирующей в обществе модели политической культуры. Политические действия рассматриваются как возможность заявить об общественных потребностях и интересах. Разочарование молодежи в процессе политической социализации в существующих традициях и ценностях подвигает к поиску альтернатив развития, что приводит к выражению политического участия в креативных акциях, эстетизации и карнавализации вызывающих действий. Расширение маргинальности в молодежной среде переопределяет нарастание отрицания существующего порядка, вызванного недовольством социальным статусом, отводимым государством молодым людям. Противление сложившимся нормам поведения в обществе

детерминирует асоциальные настроения и радикальные действия молодежи [14].

Вместе с тем Т. Гарр экспериментально подтверждает «вирусную природу» зарождения радикальных настроений и социального протеста: «Агрессивные отклики имеют тенденцию к возникновению лишь тогда, когда они провоцируются внешним воздействием, то есть, когда разгневанный индивид видит перед собой объект, достойный атаки, или личность, которую он ассоциирует с источником фрустрации. Разгневанный индивид склонен нападать не на любой объект в своем окружении, а только на те цели, которые он считает ответственными за свою фрустрацию» [15]. В свою очередь, Б. Вагонер, Ф. Могаддам, Дж. Вальсинер исследуют социально-психологические условия возникновения «народных восстаний», радикальных событий «Арабской весны», рассматривая преемственность и разрывы между прошлыми и настоящими революциями. Исследователи уделяют внимание, прежде всего, таким аспектам процесса радикализации, как организация толпы и коллективных действий, изменение идентичности и общественного мнения, пластичность политического поведения [16]. Таким образом, процесс радикализации политических настроений и гражданских действий носит не столько социальный, сколько психологический характер.

РАДИКАЛИЗАЦИЯ ОНЛАЙН

В современных исследованиях нарастание политического радикализма многие связывают с эффектом поляризации социальных медиа [17]. Однако некоторые исследователи приходят к заключению, что интернет как таковой не формирует радикальные установки. В контексте когнитивной радикализации главное значение имеет преимущественное поведение человека в активном поиске материалов, его моральная отстраненность и участие в предыдущих акциях. Пошаговый линейный регрессионный анализ и модель структурных уравнений подтверждают гипотезу о том, что процесс когнитивной радикализации представляет собой сложную, поэтапную траекторию от активного поиска материалов до симпатий к радикальному политическому поведению [18]. Радикализация проходит по фазной траектории, при которой индивид с течением времени переходит к более девиантным формам поведения [19].

На основании исследования массовых демонстраций протеста после думских выборов 2011–2012 гг. в России Д. Гайноус, К. Вагнер и Ч. Зиглер пришли к заключению, что социальные медиа способствовали радикализации общественных настроений. Широко распространяемые блоги оппозиционеров в социальных сетях формировали негативные отношения к правящей партии, и таким образом многие граждане поверили, что выборы были сфальсифицированы. Исходя из этого авторы пришли к заключению, что социальные медиа стимулируют поддержку радикальной оппозиции в авторитарных государствах [20]. Кроме того, в современном мире радикализация настроений в целом обусловлена происходящей медиатизацией общества, в котором эффективные политические действия происходят из-за предвкушения зрелищности. По мнению А.И. Щербина, радикальные изменения, такие как революция, воспринимаются как впечатляющие события, «оформленные в спектакль, где есть сцена, актеры, театральное действо, в котором существует карнавальная возможность для массы превратиться из зрителей в участников спектакля» [21].

При этом агентами радикализации общества В.Д. Мансурова считает профессиональных журналистов, которые производят тенденциозный контент. Результаты исследования содержания публикаций топовых информационных сайтов выявили направленность на возбуждение протестных настроений и радикальных действий граждан. Ключевые сообщения подрывают доверие к власти и общественные традиции, а темы экстремизма обставлены с иронией и эпатажем. Профессиональные журналисты вбрасывают в социальные медиа контент, вызывающий эффект прайминга — создания установок на социальное поведение. Вирусное распространение контента радикального содержания формирует состояние «относительной депривации» граждан, которое проявляется в тотальном разочаровании и безысходности. Сформированный негативный общественный фон становится «подготовленной почвой» для твиттер-революций [22].

Отдельные исследователи предметно рассматривают проявления радикализма в информационном экстремизме. По мнению В.А. Пономарева, радикалы используют информационные диверсии в борьбе за власть. Диверсионные технологии направлены на разрушение коммуникаций и на подрыв ценностей общества. Субъекты инфор-

мационного экстремизма используют PR-технологии для распространения в СМИ и интернете радикальных идей, а социальные медиа упростили работу по вербовке сторонников и пропаганде радикализма [23]. Е.В. Бродовская и Т. Хуанг отмечают, что особенность цифрового гражданства российской молодежи отражает интенсивность и направленность информационных потоков в социальных медиа, способствующих актуализации протестных настроений [24]. Сформированные в социальных медиа протестные настроения граждан выливаются в радикальные действия на улицах городов, таким образом происходит конверсия из онлайн-пространства в офлайн [25].

Исследователи выявляют ряд особенностей проявлений онлайн-радикализма в России. Анализ текстового контента и дискурсов сообществ в социальных медиа обнаружил расхождение структуры контента в идеологических течениях радикалов. Радикализация сообществ происходит по основным идеологическим направлениям: правых и левых, протестующих против власти; исламистов, ратующих за чистоту веры. Разработанный индекс радикальной активности онлайн может использоваться в качестве метрики статичной и динамичной оценки, что позволяет измерить масштаб и интенсивность действий в социальных медиа. Результаты исследования показывают более широкое распространение контента левых и правых радикалов по сравнению с исламистами [26]. Исследователи обозначают ключевые характеристики и идеологические платформы ультраправых экстремистских сообществ, угрозы и риски онлайн-радикализации.

Российские исследователи пытаются разработать методологию отслеживания процесса онлайн-радикализации в социальных медиа. Одна из методик работы с большими данными посредством алгоритмов выявляет предикторы радикализации. Применяемые методы позволяют разработать критерии отбора и маркировки триггеров, выявить ультрарадикальные сообщества в социальных медиа, создавать социальные графы взаимодействия, а также прогнозировать риски распространения радикальных идей в цифровой среде [27]. Гибридный метод календарно-корреляционного анализа сочетает скорость компьютерного анализа больших данных, чувствительный к обнаружению ультраправых сообществ, математическую модель для выявления целевой группы по характерному изменению активности аудитории в «окрестности» ключевых событий

и базу полученных сведений [28]. Очевидно, что методы социомедийной аналитики больших данных будут находить широкое применение в исследовании общественных настроений в цифровой среде коммуникаций.

ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

В целом исследования факторов риска радикализации представляют собой бурно развивающуюся область. Проведенный М. Вулфовицем метаанализ ключевых эмпирических исследований позволил выявить наиболее важные факторы когнитивной и поведенческой радикализации. Социально-демографические переменные чаще всего рассматриваются как antecedentes политического процесса, но для рассмотрения тенденций радикализации они являются наименее прогностическими. Наиболее значимыми факторами риска когнитивной радикализации оказались сила связей в социальных сетях и наличие авторитарной либо фундаменталистской личности. Тогда как наиболее важными защитными факторами выступают общественное доверие к институтам и соблюдение гражданами законов [29].

С учетом строгой методологии и результатов, основанных на больших данных, исследования ведутся в направлении анализа психологических факторов динамики состояния общества, связанных с радикальными изменениями характеристик индивидуального поведения. В настоящее время анализ таких факторов ограничивается изучением двух компонентов когнитивной радикализации: установок и намерений. Однако в литературе отсутствуют глубокие исследования отличий насильственных и ненасильственных радикалов, сравнивающие тех индивидов, которые придерживаются радикальных взглядов, с теми, кто демонстрирует радикальные действия. Сравнение этих двух групп может стать эффективной методикой определения факторов риска и триггеров, которые позволят объяснить переход от радикальных установок к радикальному поведению [30]. В дальнейших исследованиях по избранной теме следует сосредоточиться на определении взаимосвязи между радикальными ценностями, намерениями и поведением, конверсии радикальных настроений из онлайн- в офлайн-пространство.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Schmid A. P. Radicalisation, de-radicalisation, counter-radicalisation: A conceptual discussion and literature review. ICCT Research Paper. The Hague. 2013. URL: <https://www.icct.nl/download/file/ICCT-Schmid-Radicalisation-De-Radicalisation-Counter-Radicalisation-March-2013.pdf>
2. Мертон Р. Социальная структура и anomia / Социология преступности (Современные буржуазные теории). Пер. с франц. М.: Издательство «Прогресс»; 1966.
Merton R. Social structure and anomie. *Sociology of crime. (Modern bourgeois theories)*. Transl. from French. Moscow: Progress Publishing House; 1966. (In Russ.).
3. McCauley C., Moskaleiko S. Understanding political radicalization: The two-pyramids model. *American Psychologist*. 2017;72(3):205–216. DOI: 10.1037/amp0000062
4. Moskaleiko S., McCauley C. Measuring Political Mobilization: The Distinction Between Activism and Radicalism. *Terrorism and Political Violence*. 2009;21:2:239–260. DOI: 10.1080/09546550902765508
5. Jordan T. *Activism! Direct action, hactivism and the future of society*. London: Reaktion Books; 2002.
6. Harrebye S. Global civil society and international summits: new labels for different types of activism at the COP15. *Journal of Civil Society*. 2011;4(7):407–426.
7. Морозов И.Л. Экстремистские политические идеологии в условиях глобализации от концептуальной рациональности к религиозному экстремизму. *Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения*. 2009;(15):148–155.
Morozov I. L. Extremist political ideologies in the context of globalization from conceptual rationality to religious extremism. *Vestnik VolGU. Series 4, History. Regional studies. International relationships*. 2009;(15):148–155. (In Russ.).
8. Чирун С.Н. Молодёжный политический экстремизм: причины и формы. *Вестник Пермского университета. Политология*. 2016;(2):105–117.
Chirun S. N. Youth political extremism: causes and forms. *Bulletin of the Perm University. Politology*. 2016;(2):105–117. (In Russ.).
9. Hafez M., Mullins C. The radicalization puzzle: A theoretical synthesis of empirical approaches to homegrown extremism. *Studies in Conflict & Terrorism*. 2015;38(11):958–975. DOI: 10.1080/1057610X.2015.1051375

10. Vujić J. Radikalna misao. Fenomenologija politickog radikalizma. Zagreb; 2016. 294 p.
11. Бурмули А.И. Правый радикализм в Европе. *Современная Европа*. 2005;(4):86–98.
Burmuli A.I. Right-wing radicalism in Europe. *Modern Europe*. 2005;(4):86–98. (In Russ.).
12. Шапаров А.Е., Синькова Е.В. Демаргинализация праворадикализма в европейском политическом процессе. *Современная Европа*. 2020;(5):182–192. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope52020182192>
Shaparov A.E., Sinkova E.V. Demarginalization of right-wing radicalism in the European political process. *Modern Europe*. 2020;(5):182–192. (In Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope52020182192>
13. Чуев С.В., Тимохович А.Н. Политические ценности российской молодежи: материалы исследования. *Власть*. 2017;(11):54–60.
Chuev S.V., Timokhovich A.N. Political values of Russian youth: research materials. *Vlast = Power*. 2017;(11):54–60. (In Russ.).
14. Васильчук Е.О. Социокультурное содержание молодежного политического радикализма и экстремизма на Украине. *PolitBook*. 2014;(3):93–100.
Vasilchuk E.O. Sociocultural content of youth political radicalism and extremism in Ukraine. *PolitBook*. 2014;(3):93–100. (In Russ.).
15. Гарр Т. Почему люди бунтуют. СПб.: Питер; 2005. 461 с.
Garr T. Why people rebel. St. Petersburg: Peter; 2005. 461 p. (In Russ.).
16. Wagoner B., Moghaddam F., Valsiner J. The Psychology of Radical Social Change: From Rage to Revolution. Cambridge: Cambridge University Press; 2018. 294 p.
17. Sunstein C.R. Going to extremes: How like minds unite and divide. New York: Oxford University Press; 2009.
18. Frissen T. Internet, the great radicalizer? Exploring relationships between seeking for online extremist materials and cognitive radicalization in young adults. URL: <https://reader.elsevier.com/reader/sd/pii/S0747563220302995?token=96DB9F3A7201D5A995ACD7C7409E9122B1F1B9C5357B1318CDE54C43C749491DF601542C49A1D64E342C7BFAF65C094D&originRegion=eu-west-1&originCreation=20220401075251>
DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2020.106549>
19. Klausen J., Libretti R., Hung B., Jayasumana A. Radicalization trajectories: An evidence-based computational approach to dynamic risk assessment of “homegrown” jihadists. *Studies in Conflict & Terrorism*. 2018:1–28. DOI: [10.1080/1057610X.2018.1492819](https://doi.org/10.1080/1057610X.2018.1492819)
20. Gainous J., Wagner K., Ziegler C. Digital media and political opposition in authoritarian systems: Russia’s 2011 and 2016 Duma elections. *Democratization*. 2017;(25):1–18. DOI: [10.1080/13510347.2017.1315566](https://doi.org/10.1080/13510347.2017.1315566)
21. Щербинин А.И. Революционный спектакль: опыт и современная постановка. *Вестник Томского государственного университета Философия. Социология. Политология*. 2014;(3):65–73.
Shcherbinin A.I. Revolutionary performance: experience and modern production. *Bulletin of the Tomsk State University Philosophy. Sociology. Political science*. 2014;(3):65–73. (In Russ.).
22. Мансурова В.Д. «Злоба дня» в онлайн-стратегии журналистики: актуализация проблемы научного исследования. *Вопросы теории и практики журналистики*. 2016; 5(3):359–369. DOI: [10.17150/2308-6203.2016.5\(3\).359-369](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2016.5(3).359-369)
Mansurova V.D. “The topic of the day” in the online strategy of journalism: actualization of the problem of scientific research. *Questions of theory and practice of journalism*. 2016;5(3):359–369. (In Russ.). DOI: [10.17150/2308-6203.2016.5\(3\).359-369](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2016.5(3).359-369)
23. Пономарев В.А. Информационный экстремизм и информационный терроризм в пространстве PR-технологий, СМИ и открытой информационной сети (Интернет): концептуальный аспект. *Вопросы теории и практики журналистики*. 2018;7(2):301–319. DOI: [10.17150/2308-6203.2018.7\(2\).301-319](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2018.7(2).301-319)
Ponomarev V.A. Information extremism and information terrorism in the space of PR-technologies, mass media and open information network (Internet): conceptual aspect. *Questions of theory and practice of journalism*. 2018;7(2):301–319. (In Russ.). DOI: [10.17150/2308-6203.2018.7\(2\).301-319](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2018.7(2).301-319)
24. Бродовская Е.В., Хуанг Т. Цифровое поколение: гражданская мобилизация и политический протест российской молодежи. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2019;5(153):3–18. DOI: [10.14515/monitoring.2019.5.01](https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.01)
Brodovskaya E.V., Huang T. Digital generation: civil mobilization and political protest of Russian youth. *Monitoring public opinion: economic and social changes*. 2019;5(153):3–18. (In Russ.). DOI: [10.14515/monitoring.2019.5.01](https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.01)

25. Пырма Р.В. Восстание поколения Z: новые политические радикалы. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2017;2(26):43–50.
Pyrma R. V. Generation Z Rise: The New Political Radicals. *Humanitarian sciences. Bulletin of the Financial University*. 2017;2(26):43–50. (In Russ.).
26. Кашпур В.В., Барышев А.А., Чудинов С.И. Репрезентация радикальных сообществ в российских социальных медиа: специфика контента и индекс активности. *Вестник Томского государственного университета*. 2021;(467):133–143. DOI: 10.17223/15617793/467/17
Kashpur V. V., Baryshev A. A., Chudinov S. I. Representation of radical communities in Russian social media: content specificity and activity index. *Bulletin of Tomsk State University*. 2021;(467):133–143. (In Russ.). DOI: 10.17223/15617793/467/17
27. Карпова А.Ю., Савельев А.О., Вильнин А.Д., Чайковский Д.В. Изучение процесса онлайн-радикализации молодежи в социальных медиа (междисциплинарный подход). *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2020;(3):159–181. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1585>
Karpova A. Yu., Saveliev A. O., Vilnin A. D., Tchaikovsky D. V. Studying the process of online radicalization of youth in social media (interdisciplinary approach). *Monitoring public opinion: economic and social changes*. 2020;(3):159–181. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1585>
28. Карпова А.Ю., Савельев А.О., Вильнин А.Д., Чайковский Д.В. Новые технологии выявления ультраправых экстремистских сообществ в социальных медиа. *Вестник Томского государственного университета Философия. Социология. Политология*. 2019;(52):138–146. DOI: 10.17223/1998863X/52/14
Karpova A. Yu., Saveliev A. O., Vilnin A. D., Tchaikovsky D. V. New technologies for identifying far-right extremist communities in social media. *Bulletin of the Tomsk State University Philosophy. Sociology. Politology*. 2019;(52):138–146. (In Russ.). DOI: 10.17223/1998863X/52/14
29. Wolfowicz M., Litmanovitz Y., Weisburd D., Hasisi B. A field-wide systematic review and meta-analysis of putative risk and protective factors for radicalization outcomes. *Journal of quantitative criminology*. 2020;(6):407–447. DOI: 10.1007/s10940-019-09439-4
30. Wolfowicz M., Litmanovitz Y., Weisburd D., Hasisi B. What Is the State of the Quantitative Literature on Risk Factors for Radicalization and Recruitment to Terrorism? Springer, Cham; 2020.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Роман Васильевич Парма — кандидат политических наук, доцент департамента политологии, Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-3413-4264>
rvparma@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Roman V. Parma — Cand. Sci, (Politology), Associate Professor of Department of Political Science, Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-3413-4264>
rvparma@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 12.01.2022; принята к публикации 15.02.2022.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The article was received on 12.01.2022; accepted for publication on 15.02.2022.
The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-2-61-66
УДК 82(045)

Проблема фундаментальных социальных констант в гуманитарном знании

Е.Г. Панов

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В последние десятилетия в отечественной литературе особое внимание уделяется категории «фундаментальные социальные константы» (ФСК), позволяющей выделить основополагающие характеристики цивилизационного развития. Причем в исследованиях подобного рода возможно дополнить уже установившиеся черты материально-вещественного плана развития культурно-исторических общностей символическими аспектами. Они позволяют оперировать такими понятиями естествознания, как «код» или «матрица», создавая концепции «социокода», «культурного кода» или «институциональной матрицы», обладающими богатым эвристическим потенциалом. Гуманитарные исследования с позиций ФСК демонстрируют своеобразное «перевооружение» оснований, принятое в традиционном социально-философском анализе. Исследование различных ФСК в развитии российской цивилизации стало основной темой научных разработок в департаменте гуманитарных наук Финансового университета.

Ключевые слова: цивилизация; фундаментальные социальные константы; гуманитарное знание; формация; константа; культурный код; социокод; институциональная матрица

Для цитирования: Панов Е.Г. Проблема фундаментальных социальных констант в гуманитарном знании. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(2):61-66. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-2-61-66

ORIGINAL PAPER

The Issue of Fundamental Social Constants in Humanitarian Knowledge

E.G. Panov

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

In recent decades, in Russian literature, special attention has been paid to the category of “fundamental social constants”, which makes it possible to highlight the fundamental characteristics of civilizational development. Moreover, in studies of this kind, it is possible to supplement the already established features of the material-material plan for the development of cultural and historical communities with symbolic aspects. They make it possible to operate with such concepts of natural science as a code or a matrix, creating the concepts of “sociocode”, “cultural code” or “institutional matrix” that have rich heuristic potential. Humanitarian research from the standpoint of fundamental social constants demonstrates a kind of “reversal” of the foundations, adopted in the traditional socio-philosophical analysis. The study of various fundamental social constants in the development of the Russian civilization has become the main topic of scientific developments in the Department of Humanities of the Financial University.

Keywords: civilization; fundamental social constants; humanitarian knowledge; formation; constant; cultural code; sociocode; institutional matrix

For citation: Panov E.G. The issue of fundamental social constants in humanitarian knowledge. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(2):61-66. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-2-61-66

Ключевые постулаты гуманитарного знания изначально формировались на основе принципов, уже сформулированных в естественных науках. Само представление о научности гуманитарного знания рождалось в рамках классической научной рациональности, по образу и подобию уже открытых законов

Природы. Эта тенденция ярко выражена в истории возникновения различных вариантов наук об обществе и формулировке его законов. Один из идейных вдохновителей научных взглядов на общественное развитие Анри де Сен-Симон считал, что «...общество... — это прежде всего настоящая слаженная машина, все части кото-

рой по-разному способствуют движению целого. Объединение людей образует настоящее Существо, крепкое или слабое в зависимости от того, насколько регулярно его органы выполняют порученные им функции» [1].

Развивая его взгляды, О. Конт выделил особую сферу научного знания — социологию — включив ее в число шести основных наук. Наиболее близкой к новой науке он считал современную ему физику, поэтому и социология воспринималась ее создателем как «социальная физика». Это отразилось в структуре социологии, в которой выделялась «социальная статика» как некое подобие анатомического исследования «тела общества», а также «социальная динамика» — в качестве исследования функциональности общественного организма. Эта традиция была закреплена одним из основателей социального дарвинизма Г. Спенсером, опубликовавшим в 1851 г. работу «Социальная статика: изложение социальных законов, обуславливающих счастье человечества» (*Social Statics, or The Conditions essential to Happiness specified, and the First of them Developed*). Таким образом в рамки гуманитарного знания вводились не только представления, но и категории бурно развивавшихся физики и биологии.

Другим хрестоматийным примером является введение в социальную теорию марксизма понятия «формация», ставшего основной категорией исторического материализма. Еще со второй половины XVIII в. в геологии и ботанике этот термин стал использоваться в стратиграфических и историко-генетических описаниях слоев земной коры. Концепция «формаций» связывается с работами немецких ученых Г. Х. Фюкселя «История Земли и моря, установленная по истории Тюрингских гор» (1762 г.) и А. Г. Вернера «Краткая классификация и описание различных типов Горных пород» (1777 г.).

На аналогию между представлениями о формациях в естествознании и в социальном анализе неоднократно указывал сам К. Маркс в материалах своих экономических исследований [2]. Также он обращался к ней в своих трудах: «...подобно геологическим образованиям и в этих исторических образованиях есть ряд типов первичных, вторичных, третичных и т.д.», «...Архаическая или первичная формация земного шара состоит из целого ряда напластований различных периодов, из которых одни ложились на другие. Точно так же архаическая общественная формация открывает нам ряд различных этапов, отмечающих

собой последовательно сменяющие друг друга эпохи» [3].

В конечном счете понятие «формация» утратило свое определяющее значение для естественнонаучного знания, а в гуманитарной сфере стало обозначать один из основополагающих подходов к истории развития человечества. В отечественной научной литературе формационный подход продолжает иметь существенное влияние на представления об историческом процессе в различных профессиональных сферах. В силу своей однозначности он активно конкурирует с многообразными концепциями цивилизационного развития истории. Напротив, представления о «цивилизации» активно использовали иное понятие естествознания — «константа» — как некую математически или физически определяемую величину, неизменную в рамках изучаемых процессов и фиксируемую в ее количественном выражении.

В большинстве теоретических построений цивилизационного формата понятие «константа» связывалось и связывается с изучением культурных традиций различных исторических обществ. Причем первоначально исследователи пытались таким образом выделить устойчивые величины, существующие в неизменном виде во всех традициях и позволяющие формулировать общие черты культуры человечества. Затем внимание переключилось на константы как отличительные черты каждой из культурно-исторических традиций, позволяющие им сохраняться в неизменном виде в течение длительного периода [4]. Для характеристики такого рода констант как системы отличительных социальных основ каждой из «локальных цивилизаций» стали употреблять такие понятия естествознания, как «код» и «матрица».

В отечественной научной литературе особое значение приобрело понятие «социокод», введенное в лексикон гуманитарного знания в работах М. К. Петрова [5]. Для типологизации культурно-исторических сообществ также стали использоваться представления о «культурном коде» как «институциональной матрице» определенной цивилизации, прежде всего российской. На основе этой «матрицы» формируется конкретный тип социальной организации, обозначаемый понятием «онтологические константы». «...институциональная матрица (культурный код) ... в ходе исторического развития... воспроизводит один и тот же тип социального устройства об-

щества. Одни константы при этом проявляют себя в ослабленном режиме, другие, напротив, приобретают большую значимость и сложность» [6]. В то же самое время высказываются идеи о соотносимости институциональных матриц с двумя типами хромосом как X- и Y-матрицы, представляющих собой альтернативные формы социальной организации [7]. Далее в отечественных исследованиях отмечаются различные характерные черты культурного кода российской цивилизации [8], а также ее способность к самоидентификации, выраженная в глубоких изысканиях представителей ее творческой интеллигенции [9]. Наиболее существенными чертами признается геополитическое единство [10] и менталитет как «моделеобразующая константа» [11].

Особенно отчетливо связь с представлениями естествознания прослеживается с введением в гуманитарные и социальные науки понятия «фундаментальные социальные константы» (ФСК) по образу и подобию «фундаментальных физических констант» (ФФК). Основание такого рода корреляции кроется в антропном принципе теории «Большого взрыва», принятой в современной физике как концепции возникновения нашей Вселенной [12]. Возникшее сочетание именно таких фундаментальных физических констант (ФФК) обусловило появление Человека, что можно также принять за основополагающую причину самого «Большого взрыва» [13]. Основная дискуссия ведется по поводу определения ФСК как «жизнеутверждающих» ценностей, которые наделяются «ответственностью за фиксированность общественных структур в цивилизационной системе отношений» [14]. Поэтому, с одной стороны, ФСК служат для определения характеристик «социальности», свойственной любому «оптимальному устройению» общественной жизни, обозначаемому понятием «цивилизация». С другой стороны, конкретизация ФСК создает возможность анализировать условия стабильного существования конкретной социальной общности, позволяющей ей сохранять целостность при любых исторических обстоятельствах, преодолевая «точки бифуркации» исторического развития [15].

Сходство рассмотрения ФСК в каждом из этих аспектов фиксирует внимание исследователей на особенностях культурно-исторического преобразования той части природной среды, на которой устойчиво существует социальная общность. Прежде всего, это относится к географическим характеристикам природно-климатического

характера, определяющим наиболее эффективный тип и ритм ведения хозяйственной деятельности. Также необходимо фиксировать уровень освоения этого пространства в ходе исторического развития, выраженный в накопленном и сохраняемом в «общественном богатстве» в его материально-вещественном выражении. Второй стороной анализа является достигнутый общностью уровень осознанности всех процессов собственной жизнедеятельности, дающий представление о сформированных в общественном сознании понятиях о «социальной реальности». Она в концентрированном виде содержит взгляды на ценности и мировоззренческие ориентиры, на основании которых формируются не только непосредственные цели социальной практики, но и долговременные перспективы общественной жизни, выражаемые в утвердившихся взглядах на «социальный идеал» как желаемое, возможное и достижимое будущее [16].

Несомненным итогом обсуждения в отечественной литературе особенностей применения понятия ФСК для анализа различных аспектов цивилизационного развития является достаточно парадоксальное утверждение, которое как бы «переворачивает» традиционные взгляды исторического материализма о первичности «общественного бытия» по отношению к «общественному сознанию». Исследование ФСК выявляет выработанную цивилизацией способность осознанно строить стратегию своего развития и реализовывать ее в различных внешних и внутренних обстоятельствах, отвечать на «вызовы» исторического процесса. При этом упор делается на существенность сохранения целостности и самосознания или «самоидентичности» общности в условиях глобализации ряда процессов в развитии человечества.

Наглядным примером может служить различие в стратегиях развития в условиях энергетического кризиса 70-х гг. прошлого века («нефтяной кризис»), выработанных государствами, обладающими собственными ресурсами энергоносителей. Наибольшую социальную эффективность продемонстрировала стратегия «всеобщего благоденствия», принятая в Норвегии. Проблемной признается стратегия Саудовской Аравии, определяемая как «островки эффективности в море расточительности» [17]. Для современной России стратегия использования собственных энергоресурсов, принятая по образцу СССР, угрожает социальной стагнацией и нарастанием нерешаемых

проблем [18], что постоянно обсуждается российскими политиками и общественностью [19].

Собственные исследования автора, посвященные истории и философии налогообложения, также демонстрируют эту тенденцию к изменению акцентов анализа цивилизационного развития. Признавая налогообложение одной из характерных черт цивилизации как определенного этапа развития человечества [20], можно считать фундаментальной социальной константой сложившуюся в конкретном обществе структуру налогообложения, обобщаемую понятием «налоговая культура». Это обусловлено тем, что налогообложение напрямую связано с формированием представлений о социальной реальности данной общности. В его основании — не общественное производство, а представление о том явлении, которое олицетворяет для всех членов сообщества их социальное единство. Налогообложение исторически призвано отделять «своих» от «чужих» и создавать для них различные условия жизнедеятельности внутри общности. Поэтому в истории налогообложения присутствует как протест против навязываемых извне налогов, так и борьба за право их выплачивать, делавшая плательщиков полноправными членами общества.

Такого рода выводы возможно сделать при исследовании теократических налоговых систем, существовавших в истории человечества и существующих сегодня [21]. Признание уплаты налогов основной обязанностью верующего создает специфическое идейное основание всей жизнедеятельности, которое выражается в социальном идеале особого рода — создании «Царства Божьего на Земле». Он реализуется в возведении за счет общественных средств или труда членов общности грандиозных са크ральных сооружений, храмов и дворцов, зримо воплощающих в глазах верующих перспективы иной социальной реальности, сосуществующей с повседневной жизнью. Примером служит византийская система налогообложения, просуществовавшая более тысячелетия и существенно

повлиявшая на социальные отношения (в том числе и в России) не только в окружающем ее историческом пространстве, но и вплоть до современности [22].

Именно исследование ФСК позволяет гуманитарному знанию дополнить исследования материально-вещественного аспекта социальных явлений и процессов анализом их символических форм. Каждое из явлений материального мира обладает различным символическим значением в каждой из культурно-исторических традиций, что обуславливает распространение этого подхода в культурологических исследованиях и при анализе языковой картины мира цивилизации [23]. Сложившаяся тенденция к цифровизации различных аспектов гуманитарного знания требует развития символического аспекта и в отношении анализа таких сфер жизни общества, как политика, экономика и т.п. Современный мир все больше связывает реальные процессы с виртуальными, социальные институты с сетевыми структурами, информационное пространство с «опредмеченной» средой жизнедеятельности.

Новизна подходов в рамках выявления ФСК для рассмотрения перспектив развития российской цивилизации делает эту проблему одной из самых актуальных для всех сфер гуманитарного знания. Два десятилетия общественной дискуссии по этой проблеме в отечественной литературе вылились в формирование научных коллективов, сделавших ФСК российской цивилизации предметом концептуальных изысканий. В 2019 г. «Российский проект цивилизационного развития» стал мегатемой для Института философии РАН, объединившей крупнейших представителей современного российского философского знания под руководством директора Института А.В. Смирнова. Итоги работы публикуются в периодическом издании «Проблемы цивилизационного развития» [24]. В 2021 г. ФСК российской цивилизации стали новой темой научной школы департамента гуманитарных наук Финансового университета при Правительстве РФ.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Saint-Simon C.-H. *La Physiologie Sociale. Oeuvres choisies*, introduction de Georges Gurvitch. Paris, P.U.F.; 1965. 160 p.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. т. 23. М.: Госполитиздат; 1961.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. т. 19. М.: Госполитиздат; 1961.
4. Ионин Л.Г. *Социология культуры*. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ; 2004. 427 с.
5. Петров М.К. *Язык. Знак. Культура*. М.: Едиториал УРСС; 2004. 328 с.

6. Шевченко В.Н. Онтологические константы России как государства-цивилизации в контексте всемирной истории. *Философские науки*. 2019;62(1):29–47.
7. Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России: введение в X-Y-теорию. М.; СПб.: Нестор-История; 2014.
8. Яковенко И.Г. Теоретические основания цивилизационного анализа России. В поисках теории российской цивилизации. М.: Новый хронограф; 2009.
9. Расторгуев В.Н. Русская цивилизационная идентичность. Цивилизационное развитие России: наследие, потенциал, перспективы. Монография. М.: Издатель Воробьев А.В.; 2018.
10. Цымбурский В.Л. Идентичность геополитическая. Новая философская энциклопедия в 4-х т. Т. 2. М.: Мысль; 2001.
11. Кузнецова М.Ф. Менталитет как моделирующая константа. *Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева*. 2011;(4):192–195.
12. Barrow J.D., Tipler F.J. *The Anthropic Cosmological Principle*. Clarendon Press, Oxford; 1986.
13. Ильин В.В. Аксиология. М.: Изд-во МГУ; 2005. 216 с.
14. Ильин В.В. Теория познания. Символика. Теория символических форм. М.: Изд-во МГУ; 2013. 384 с.
15. Козин В.В. Константы регионального развития. *Вестник Мордовского университета*. 2014;(3):159–164.
16. Истамгалин Р.С. Социальный идеал: формирование и развитие цивилизационных стратегий Российской империи. *Философия и общество*. 2009;2(54):119–134.
17. Сравнительная история нефтезависимых экономик конца XX — начала XXI века. М.: Московский Центр Карнеги; 2017. 206 с.
18. Гражданцев С.И., Метелев С.Е., Шарипова Н.А. Российская «нефтяная игла». *Сибирский торгово-экономический журнал*. 2016;2(23):10–12.
19. Прокофьев Д. Куда мы слезем с нефтяной иглы. «Новая Газета» № 79. 21 июля 2021 г.
20. Альбедиль М.Ф. Протоиндийская цивилизация. Очерки культуры. М.: Восточная литература; 1994. 295 с.
21. Панов Е.Г. Социальная реальность теократических налоговых систем. М.: Финансовая академия при Правительстве РФ; 2009. 200 с.
22. Панов Е.Г. История налогов: Средние века. М.: ЛЕНАНД; 2019. 200 с.
23. Концепты и константы: тонкая пленка цивилизации. Языковые параметры современной цивилизации. Сборник трудов первой научной конференции памяти академика РАН Ю.С. Степанова. М.: Институт языкознания РАН; 2013. 560 с.
24. Проблемы цивилизационного развития. тт. 1–3. М.: Институт философии РАН; 2019–2021.

REFERENCES

1. Saint-Simon C.-H. *La Physiologie Sociale. Oeuvres choisies*. Introduction de Georges Gurvitch. Paris, P.U.F.; 1965. 160 p.
2. Marx K., Engels F. *Collected works*. Vol. 23. Moscow, Gospolitizdat; 1961. (In Russ.).
3. Marx K., Engels F. *Collected works*. Vol. 19. Moscow: Gospolitizdat; 1961. (In Russ.).
4. Ionin L.G. *Sociology of culture*. Moscow, Publishing house. House of the State University Higher School of Economics; 2004. 427 p. (In Russ.).
5. Petrov M.K. *Language. Sign. Culture*. Moscow: Editorial URSS; 2004. 328 p. (In Russ.).
6. Shevchenko V.N. Ontological constants of Russia as a state-civilization in the context of world history. *Philosophical sciences*. 2019;62(1):29–47. (In Russ.).
7. Kirdina S.G. *Institutional Matrices and Development in Russia: An Introduction to X&Y Theory*. Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Istoriya; 2014. (In Russ.).
8. Yakovenko I.G. Theoretical Bases of the Civilization Analysis of Russia. In: Dmitriev A.P., ed. *In Search of the Theory of the Russian Civilization*. Moscow: Novy Khronograf; 2009 (In Russ.).
9. Rastorguyev V.N. Russian Civilizational Identity. In: Chereshev V.A., Rastorguyev V.N., eds., *Civilization Development of Russia: Heritage, Potential, Prospects*. Moscow: A.V. Vorobyev Pub. 2018. (In Russ.).
10. Tsymbursky V.L. Geopolitical Identity. In: *New Encyclopedia of Philosophy*. In 4 vols., vol. 2. Moscow: Mysl; 2001. (In Russ.).
11. Kuznetsova M.F. Mentality as a model-forming constant. *Bulletin of the Krasnoyarsk State Pedagogical University*. 2011;(4):192–195. (In Russ.).

12. Barrow J.D., Tipler F.J. The Anthropic Cosmological Principle. Oxford: Clarendon Press; 1986. 706 p.
13. Плын В.В. Аксиология. Москва: Московский государственный университет; 2005. 216 с. (In Russ.).
14. Плын В.В. Теория знания. Символика. Теория символических форм. Москва: Издательство Московского государственного университета; 2013. 384 с. (In Russ.).
15. Kozin V.V. Constants of regional development. *Bulletin of the Mordovian University*. 2014;3:159–164. (In Russ.).
16. Istamgalin R.S. Social ideal: formation and development of civilizational strategies of the Russian Empire. *Philosophy and Society*. 2009;2(54):119–134. (In Russ.).
17. Comparative history of oil-dependent economies of the late XX — early XXI century. Moscow: Carnegie Moscow Center; 2017. 206 p. (In Russ.). URL: https://carnegieendowment.org/files/200317_CarnegieReport_2017_layouts.pdf.
18. Grazhdantsev S.I., Metelev S.E., Sharipova N.A. Russian “oil needle”. *Siberian trade and economic journal*. 2016;2(23):10–12. (In Russ.).
19. Prokofiev D. Where will we get off the oil needle. *Novaya Gazeta*. 2021, July 21:79. (In Russ.). URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/07/18/kuda-my-slezem-s-neftianoi-igly>.
20. Albedil M.F. Proto-Indian civilization. Essays on culture. Moscow: Vostochnaya literatura; 1994. 295 p. (In Russ.).
21. Panov E.G. Social reality of theocratic tax systems. Moscow: Financial Academy under the Government of the Russian Federation; 2009. 200 p. (In Russ.).
22. Panov E.G. History of Taxes: The Middle Ages. Moscow: LENAND; 2019. 200 p. (In Russ.).
23. Concepts and constants: a thin film of civilization. In: Linguistic parameters of modern civilization. Proceedings of the first scientific conference in memory of Academician Yu. S. Stepanov. Moscow: Institute of Linguistics RAS; 2013. 560 p. (In Russ.).
24. Problems of civilizational development. In 3 vols. Moscow: Institute of Philosophy RAS; 2019–2021. (In Russ.). URL: <https://j.iphras.ru/index.php/civs/about>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Евгений Генрихович Панов — кандидат философских наук, доцент, доцент департамента гуманитарных наук, Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-4879-3092>
EPanov@fa.ru

ABOUT THE AUTHOR

Evgeny G. Panov — Cand. Sci. (Philosophical Sciences), Associate Professor, Associate Professor at the Department of Humanities, Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-4879-3092>
EPanov@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 19.01.2022; принята к публикации 15.02.2022.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The article was received on 19.01.2022; accepted for publication on 15.02.2022.
The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-2-67-74
УДК 378(045)

Развитие методологии формирования международных рейтингов в условиях глобализации мирового образовательного пространства*

В.А. Юдина, В.В. Бондаренко, М.А. Танина

Финансовый университет, Пензенский филиал, Пенза, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются направления развития методологии формирования международных рейтингов высших учебных заведений. Выделены элементы методологии, включающие принципы, системы показателей, методики сбора и преобразований данных, источники финансирования. Сделаны выводы о трансформации рейтингов как совокупности методов оценки результативности высших учебных заведений в один из инструментов влияния на управление университетами, в том числе через механизмы государственного финансирования.

Ключевые слова: международная конкурентоспособность; глобализация образовательных процессов; международный рейтинг высших учебных заведений; предметный рейтинг; принципы рейтингования

Для цитирования: Юдина В.А., Бондаренко В.В., Танина М.А. Развитие методологии формирования международных рейтингов в условиях глобализации мирового образовательного пространства. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(2):67-74. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-2-67-74

ORIGINAL PAPER

Development of Formation Methodology of International Ratings in the Context of the World Educational Space Globalization**

V.A. Yudina, V.V. Bondarenko, M.A. Tanina

Financial University, Penza branch, Penza, Russia

ABSTRACT

The article considers the directions of development of methodology for international rankings of higher education institutions. We highlighted the elements of methodology, including principles, systems of indicators, methods of data collection and transformation, and sources of funding. Finally, we concluded about the transformation of rankings as a set of methods for assessing the performance of institutions of higher education in one of the tools to influence the management of universities, including through public funding.

Keywords: international competitiveness; globalization of educational processes; international rating of higher education institutions; subject rating; rating principles

For citation: Yudina V.A., Bondarenko V.V., Tanina M.A. Development of formation methodology of international ratings in the context of the world educational space globalization. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(2):67-74. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-2-67-74

* Публикация подготовлена по результатам исследования в рамках государственного задания на тему «Повышение международной конкурентоспособности российских вузов в условиях глобальных трансформаций и эпидемиологических угроз» (ВТК-ГЗ-ПИ-42 – 21).

** The publication was prepared based on the results of a study within the framework of the state task on the topic “Improving the international competitiveness of Russian universities in the context of global transformations and epidemiological threats” (VTK-GZ-PI-42 – 21).

ВВЕДЕНИЕ

Глобализация образовательных процессов и цифровизация экономики знаний актуализировали необходимость повышения конкурентоспособности национальных систем образования. При этом одним из определяющих факторов становится уровень высшего образования, оцениваемый, в том числе на основе критериев различных международных рейтингов.

Понятие международной конкурентоспособности вуза учитывает способность вуза привлекать абитуриентов из других стран и готовить востребованных высококвалифицированных специалистов для иностранных рынков труда, а также осуществлять научно-исследовательские проекты мирового уровня.

Вхождение в глобальные рейтинги Quacquarelli Symonds (QS), Times Higher Education (THE) и Academic Ranking of World Universities (ARWU) являлось обязательным условием для получения российским вузом особого статуса — «национальный опорный вуз». Однако в связи с изменением международной экономической и политической обстановки в 2022 г., многие аспекты сотрудничества с международными рейтинговыми компаниями будут существенным образом пересмотрены. В первую очередь необходимо развивать объективную систему оценивания ежегодных достижений вузов, исходя из традиций российского образования, специфики трансформаций научно-образовательной среды с учетом геополитических и экономических интересов. Поэтому представляется вполне закономерным изменение целей деятельности и задач российского академического сообщества, коммерческих и некоммерческих организаций, специализирующихся на работе с рейтингами вузов, в части оценки достоверности показателей, обоснованности принципов включения того или иного критерия, индикатора оценки, а также понимания ценности существующих рейтингов как инструмента международной конкурентоспособности вузов в условиях структурных преобразований в национальной экономике и нарастания напряженности в международных отношениях с некоторыми странами.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Исследование отечественных и зарубежных концепций повышения международной кон-

курентоспособности показало, что основными факторами, влияющими на положение вузов в авторитетных мировых рейтингах, являются следующие:

1. Реализация стратегии интернационализации.

2. Вхождение в ведущие позиции международных образовательных рейтингов (THE, QS, ARWU).

3. Наличие центров передовых исследований на базе крупных научных подразделений, успешно сочетающих фундаментальные и прикладные исследования, создающих интеллектуальные продукты мирового уровня.

4. Трансформация вузов в научно-образовательные центры, трансляция результатов передовых исследований в образовательный процесс.

5. Наличие развитой материально-технической базы, социально-культурной инфраструктуры.

6. Качество образования, подтвержденное высоким процентом трудоустройства выпускников.

7. Высокий уровень публикационной активности научно-педагогического персонала.

8. Наличие образовательных программ, в том числе совместных, признаваемых и востребованных в мировом сообществе.

9. Активное сотрудничество с работодателями, наличие системы содействия трудоустройству выпускников.

10. Наличие цифровой образовательной среды, инновационных технических средств обучения.

11. Реализация программ академической мобильности.

12. Функционирование на базе университетов международных исследовательских коллабораций.

13. Формирование устойчивой академической репутации и академического бренда.

Методология оценки деятельности высших учебных заведений основана на соблюдении Берлинских принципов ранжирования высших учебных заведений¹, принятых в 2006 г. на конференции Международной экспертной группы по ранжированию (IREG), использовании методик количественной и качественной

¹ IREG — International Observatory on Academic Ranking and Excellence. URL: <https://www.ireg-observatory.org>

Рис. / Fig. Классификация международных рейтингов IREG (IREG Inventory of International Rankings) / Classification of International Ratings IREG (IREG Inventory of International Rankings)

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

оценки результатов научно-исследовательской, финансово-экономической, образовательной и других видов деятельности высших учебных заведений.

По данным Обсерватории по академическому ранжированию и превосходству (IREG), на 01.01.2021 г. зарегистрировано 45 систем оценивания². При этом «Перечень международных рейтингов IREG» («IREG Inventory of International Rankings»), состоит из 6 групп (см. рисунок).

В «Перечень национальных рейтингов IREG», по состоянию на 01.01.2021 г., входит 59 систем оценивания по 35 странам. Основные целевые группы международных рейтингов высших учебных заведений — студенты и родители; правительства и финансовые агентства; работодатели; организации по обеспечению качества, аккредитации и признанию; высшие учебные заведения.

В научной литературе понятия «международный рейтинг», «глобальный рейтинг», «мировой рейтинг», «национальный рейтинг» очень часто используются как синонимы. Мы будем использовать следующее определение: «Международный рейтинг — это количественная и качественная оценка результативности инновационной, образовательной, научно-исследовательской, финансово-экономической, международной деятельности, основанная на

согласованной методологии, признаваемая мировым академическим сообществом».

В методологии рейтингования различают глобальные, региональные, национальные, предметные, репутационные и другие рейтинги.

В условиях интернационализации образования глобализации мирового образовательного пространства значительно возрос интерес потенциальных абитуриентов к предметным рейтингам, которые ранжируют университеты по отдельным отраслям и предметам, в зависимости от принятой методологии.

Особое место в классификации международных рейтингов занимают рейтинги бизнес-школ, предназначенные для целевой аудиторией, заинтересованной в образовании в сфере управления бизнесом. В методологии этих рейтингов показатели, связанные с «рыночной стоимостью» образования, играют особенно важную роль.

Элементы методологии формирования международных рейтингов высших учебных заведений, в соответствии с Берлинскими принципами, результатами исследований отечественных и зарубежных специалистов [1–3] можно представить следующим образом:

1. Принципы рейтингования (ранжирование на основе агрегированного показателя; ранжирование на основе системы индикаторов, горизонтальное распределение объектов по группам на основе их характеристик).

² URL: <https://ireg-observatory.org/en>

Эволюция развития университетских рейтингов / The evolution of university rankings

Этапы	1870–1982 гг. 1 этап Построение рейтингов, оценивающих отдельные элементы университетской деятельности в соответствии с политическими, экономическими, образовательными критериями	1983–2002 гг. 2 этап Построение системы национальных рейтингов	2003–2020 гг. 3 этап Построение системы глобальных (общемировых) рейтингов университетов, в которых сопоставляются показатели лучших вузов мира	с 2021 г. 4 этап Развитие методологии рейтингования как инструмента реализации геополитических, экономических интересов
Наиболее значимые достижения	Публикация ежегодного статистического отчета о результатах деятельности и классификации вузов (1870 г., США). Составление первого рейтинга образовательных программ (1925 г., США)	Составление в 1983 г. первого рейтинга, оценивающего образовательную организацию (университет) в целом. Впервые рейтинг был составлен коммерческой организацией (американский новостной журнал US News and World Report). Массовое создание национальных рейтингов Развитие подходов к независимой оценке	Разработка ведущих международных рейтингов QS, THE (2003 г.), ARWU (2010 г.) Создание экспертной группы по ранжированию (IREG) (2004 г.). Применение «сквозной» методики оценивания. Разработка Берлинских принципов (2006 г.). Разработка первого многомерного рейтинга (U-Multitrack, 2014 г.)	Создание образовательным фондом «Перспектива» обновленной версии экспертной группы «IREG Inventory of International University Rankings 2021». Попытка оценить весь перечень существующих глобальных, предметных, региональных рейтингов, рейтингов бизнес-школ, рейтингов национальных систем высшего образования и выделить из них ключевую группу (Реестр международных рейтингов IREG)

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

2. Системы показателей, индикаторов, их веса.

3. Инструментарий методик сбора, обработки и анализа данных.

4. Технологии преобразования полученных данных в рейтинги (квантификация полученных данных, измерение и придание полученному результату численного значения).

5. Система финансирования рейтинга (гранты, бюджетное и внебюджетное финансирование, средства коммерческих организаций и др.).

Наиболее важными с точки зрения методологии формирования рейтинга являются выбор источников и методов получения и обработки данных, определение весовых коэффициентов и ключевых показателей оценки или факторов.

Отдельные аспекты эволюции развития университетских рейтингов представлены в табл. 1.

В настоящее время существует достаточно большое количество методических подходов к классификации рейтингов. Часть авторов [4] предлагают все многообразие рейтингов условно разделить на четыре группы:

1) традиционные, основанные на оценке большого числа объективных показателей деятельности университетов (китайский ARWU, тайваньский PRSP, голландский LR);

2) репутационные или персонифицированные, основанные на экспертных оценках (британский WRR);

3) виртуальные или интернет-рейтинги, которые основаны на показателях популяр-

Таблица 2 / Table 2

Ведущие международные рейтинги вузов / Leading international university rankings

№ п/п	Название рейтинга	Страна, составитель	Критерии	Цель рейтинга	Целевая аудитория
1	Академический рейтинг мировых университетов (ARWU)	Шанхайский университет Цзяо Тун Shanghai Ranking Consultancy	Индекс наград выпускников/преподавателей, индекс цитирования, публикации по естественным, социологическим наукам, индекс на одного сотрудника	Рейтинг нацелен на оценку выдающихся достижений в научно-исследовательской работе университетов	Студенты, родители, высшие учебные заведения, политики, правительства и финансовые агентства
2	QS World University Rankings	Великобритания Quacquarelli Symonds	Академическая репутация, индекс цитирования одного преподавателя, репутация среди работодателей, соотношение студент/преподаватель, % иностранных преподавателей и студентов	Рейтинг нацелен на формирование представления об университетах как многоаспектных организациях (исследование, преподавание, трудоустройство, интернационализация)	Студенты, родители, высшие учебные заведения, политики, правительства и финансовые агентства, работодатели
3	Times Higher Education	Великобритания Британское издательство Times Higher Education	Качество образования, востребованность выпускников на рынке труда, качество научно-преподавательского состава, уровень научной деятельности, качество публикаций, авторитет и цитируемость	Рейтинг оценивает университеты по уровню влияния на социальное и экономическое развитие и вовлеченности в процесс достижения глобальных целей устойчивого развития	Студенты, родители, высшие учебные заведения, политики, правительства и финансовые агентства

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

ности университетских сайтов в интернет-среде [испанский Webometrics (Web), армянский «АркаЛер» и анонимный рейтинг World Universities Web Ranking (4ICU)];

4) смешанные (гибридные) рейтинги, в основе которых лежат принципы, методы и показатели предыдущих трех групп (синтез традиционных репутационных рейтингов — английские THE и QS, американские NTGU, WBU и российский RUR).

И. И. Борисова [5] и Д. А. Штырно [6] отмечают, что есть общепризнанные рейтинги, рассчитанные на разного рода целевые аудитории, а есть специфические. В зависимости от национальных особенностей и целей исследования рейтинги могут быть классифицированы по следующим признакам:

1) по типу — с начислением единого итогового балла (применяются для ранжирования вузов в целом); по конкретным дисциплинам, программам обучения или по отдельным

предметам; с комбинированным подходом при ранжировании;

2) по структуре — порядковый (вузам присваиваются порядковые номера, в соответствии с которыми они располагаются в рейтинге); кластерный (разбивка по группам с лучшими, средними, худшими показателями); комбинированный (дается количественная оценка, но публикуется информация только по лучшим вузам, модификация порядкового и кластерного подхода);

3) по источникам данных — по имеющимся данным; по собранным на основе опросов студентов, преподавателей, работодателей, выпускников.

Таким образом, одномерные рейтинги оценивают эффективность деятельности вуза в соответствии с одним набором показателей, каждому из которых присваивается определенный вес.

Многомерные рейтинги представляют собой совокупность таблиц оценок, а не одну общую

таблицу. Это позволяет пользователям взвешивать показатели в соответствии со своими предпочтениями и составлять персонализированные рейтинги.

Наиболее репрезентативными с методологической точки зрения принято считать рейтинги ARWU, QS World University Rankings, «Times Higher Education», U. S. News Best Global Universities rankings, Webometrics, RUR, U-Multirank, где в основе расчета интегрального показателя лежат критерии, учитывающие разные группы факторов университетской деятельности:

1) результаты исследований [при этом в одних рейтингах учитываются только показатели цитирования, количество публикаций (в разных источниках и базах данных — Thomson Reuters, Scopus, Web of Science, Elsevier и др.)], в других добавляются количественные показатели дохода от НИР, уровень организации и репутация НИР);

2) результаты оценки качества образования (дифференциация показателей значительная — от количества выпускников, получивших Нобелевскую премию, репутации среди работодателей до оценки условий преподавания и обучения);

3) результаты оценки уровня преподавателей (в основном показатели учитывают уровень профессиональной компетенции через количество наград, качество публикаций, цитируемость);

4) результаты оценки уровня международной деятельности (показатели более или менее стандартизированы — в основном оценивается процент иностранных преподавателей и студентов).

Однако есть существенные различия в методике сбора и обработки информации. Так, в большинстве международных рейтингов в качестве источников наукометрической информации выступают базы данных WoS или Scopus. При получении данных об академической, образовательной репутации различия в подходах к формированию базы экспертов, методики оценивания мнений экспертов существенно отличаются. При этом необходимо отметить, что часть рейтингов разработана коммерческими компаниями (например, QS, THE), часть — представителями академического сообщества (например, ARWU, U-Multirank).

Наиболее признанными в мировом сообществе считаются Quacquarelli Symonds (QS), Times Higher Education (THE) и Academic Ranking of World Universities (ARWU) (табл. 2). Данные рейтинги используют «прозрачную» методологию, достоверные показатели и формы обработки данных, публикуются регулярно в открытых источниках, имеют широкую целевую аудиторию.

Необходимо отметить, что набор оцениваемых факторов и система весовых коэффициентов в существующих рейтингах имеют существенные различия. Более того, выбор многих показателей и их весов недостаточно обоснован с точки зрения репрезентативности, согласованности, объективности и др. В качестве источника информации часть рейтингов используют объективные, статистические данные, а часть — иные, репутационные данные, полученные в результате экспертных опросов.

Несмотря на жесткую конкуренцию между глобальными рейтингами, они должны восприниматься в качестве комплиментарных, а не взаимозаменяемых информационных агрегатов и давать объективную оценку университетов с учетом исторических, экономических, лингвистических и культурных аспектов систем образования разных стран.

Нельзя говорить о взаимозаменяемости указанных рейтингов, поскольку у каждого из них своя целевая аудитория, особенности публикации полученных рейтинговых таблиц или данных, доступ пользователей сети Интернет к ранжированию, уровень сравнения, целевые группы, основные критерии, индикаторы и показатели оценки, источники и репрезентативность данных, система качества построения итоговых рейтингов и пр.

Тем не менее методология формирования ведущих мировых рейтингов (QS, THE, ARWU) постоянно меняется в соответствии с изменениями, происходящими в мировом образовательном пространстве, геополитическими и социально-экономическими процессами, необходимостью повышения конкурентоспособности и привлекательности национальных образовательных систем.

ВЫВОДЫ

Таким образом, происходит трансформация рейтингов как совокупности методов оценки результативности высших учебных заведений

в один из инструментов влияния на управление университетами, в том числе через механизмы государственного финансирования. При этом основной целью государственного управления системой высшего образования должна стать не только оценка интеллектуального потенциала университетов, но и разработка стратегии повышения привлекательности национальных систем высшего образования на международном уровне, обеспечение высокого качества образовательных программ в соответствии с социально-экономическими запросами конкретной страны, обеспечение целенаправленных и последовательных инвестиций в научно-исследовательскую и опытно-экспериментальную базы, обновление производственных фондов.

Государственная политика в области поддержки образования и науки должна формироваться с учетом увеличения научно-исследовательского, инновационного, кадрового,

образовательного потенциала высших учебных заведений, стимулирования вхождения их в ведущие международные рейтинги.

С учетом тенденций в мировом научно-образовательном пространстве, происходящих на фоне негативного влияния внешнеэкономических факторов, оптимальным вариантом отечественной системы оценки результативности высших учебных заведений можно считать рейтинг «Три миссии университета». При этом внесение изменений в систему критериев и методику расчета должно осуществляться с учетом предложений академического сообщества, изменений в нормативно-правовой документации, регламентирующей требования к наличию публикаций, индексируемых в международных базах данных, и других факторов, влияющих на результативность образовательной, научно-исследовательской, социально-экономической деятельности вузов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Салми Д., Сароян Э. Рейтинги и ранжирования как инструмент политики: политические аспекты экономической политики отчетности в высшем образовании. URL: http://logosbook.ru/educational_book/dses.html#_ftn1
2. Тарадина Л.Д. Рейтингование как инструмент оценки деятельности университетов. URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=277715>
3. Ларионова М.В. Методология сравнительного анализа международных подходов к ранжированию высших учебных заведений. *Вестник международных организаций*. 2012;1(36):34–69.
4. Балацкий Е.В., Екимова Н.А. Сравнительная надежность глобальных рейтингов университетов. *Журнал Новой экономической ассоциации*. 2011;(11):127–142.
5. Борисова И.И. Рейтинг как инструмент повышения конкурентоспособности вузов: учебно-методическая разработка. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; 2012.
6. Штыхно Д.А. О значимости для вуза международных рейтингов. *Человеческий капитал и профессиональное образование*. 2014;3(11):75–80.

REFERENCES

1. Salmi D., Saroyan E. Ratings and ranking as a policy tool: political aspects of economic accountability policies in higher education. URL: http://logosbook.ru/educational_book/dses.html#_ftn1. (In Russ.).
2. Taradina L. D. Ranking as a tool for assessing the performance of universities. URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=277715>. (In Russ.).
3. Larionova M. V. Methodology of comparative analysis of international approaches to ranking of higher education institutions. *Bulletin of international organizations*. 2012;1(36):34–69. (In Russ.).
4. Balatsky E. V., Ekimova N. A. Comparative Reliability of Global University Rankings. *Journal of the New Economic Association*. 2011;(11):127–142. (In Russ.).
5. Borisova I. I. Rating as a tool to improve the competitiveness of universities: educational and methodological development. N. Novgorod: Publishing house of Nizhny Novgorod State University; 2012. (In Russ.).
6. Shtykhno D. A. On the Significance of International Ratings for Higher Education Institutions. *Human Capital and Professional Education*. 2014;3(11):75–80. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Вера Александровна Юдина — кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента, информатики и общегуманитарных наук, Финансовый университет, Пензенский филиал, Пенза, Россия
<https://orcid.org/0000-0001-9835-9430>
vayudina@fa.ru

Владимир Викторович Бондаренко — доктор экономических наук, профессор кафедры менеджмента, информатики и общегуманитарных наук, Финансовый университет, Пензенский филиал; Пенза, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-6716-1963>
bond40@bk.ru

Мария Алексеевна Танина — кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента, информатики и общегуманитарных наук, Финансовый университет, Пензенский филиал, Пенза, Россия
<https://orcid.org/0000-0001-7311-6280>
margo10@inbox.ru

ABOUT THE AUTHORS

Vera A. Yudina — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Department of Management, Information Science, and Humanitarian Science, Financial University, Penza Branch, Penza, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-9835-9430>
vayudina@fa.ru

Vladimir V. Bondarenko — Dr. Sci. (Econ.), Professor, Department of Management, Information Science, and Humanitarian Science, Financial University, Penza Branch
<https://orcid.org/0000-0002-6716-1963>
bond40@bk.ru

Maria A. Tanina — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Department of Management, Information Science, and Humanitarian Science, Financial University, Penza Branch, Penza, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-7311-6280>
margo10@inbox.ru

Заявленный вклад авторов:

Юдина В. А. — постановка проблемы, разработка концепции статьи.

Бондаренко В. В. — критический анализ литературы.

Танина М. А. — описание результатов и формирование выводов исследования.

Authors' Declared Contributions:

Yudina V. A. — statement of the problem, development of the concept of the article.

Bondarenko V. V. — critical analysis of literature.

Tanina M. A. — description of the results and formation of the conclusions of the study.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 12.12.2021; принята к публикации 15.01.2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 12.12.2021; accepted for publication on 15.01.2022.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-2-75-83
УДК 82(045)

О мотивах ада, чистилища и рая в творчестве Ф.М. Достоевского

Е.С. Бужор, О.В. Шевченко

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье сопоставляются философско-метафизические идеи Достоевского и образы «Божественной комедии» Данте. Основой сопоставления является присущий обоим художникам теургический подход к искусству, предполагающий, что оно призвано служить преобразению человека и действительности. Одновременно искусство призвано сообщать человеку конкретную смысложизненную истину, которая способна стать действенной программой его жизнедеятельности. Такой истиной является состояние всеединства или всеобщей любви. Для того чтобы показать содержание этой истины и способы ее достижения, Достоевский представляет в своем творчестве панораму ада, чистилища и рая не как отдельных областей бытия, а как трех измерений единой действительности. В статье имеются отсылки к трудам Вячеслава Иванова, убедительно обосновавшего сопоставление Достоевского с Данте, и к работам Владимира Соловьева, воплотившего идеи Достоевского о всеобщей любви в философскую концепцию всеединства.
Ключевые слова: Данте; Достоевский; Владимир Соловьев; Вячеслав Иванов; истина; всеединство; теургия

Для цитирования: Бужор Е.С., Шевченко О.В. О мотивах ада, чистилища и рая в творчестве Ф.М. Достоевского. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(2):75-83. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-2-75-83

ORIGINAL PAPER

About the Motives of Hell, Purgatory, and Paradise in the Works of F.M. Dostoevsky

E.S. Buzhor, O.V. Shevchenko

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article examines the philosophical and metaphysical ideas of Dostoevsky in comparison with the images of Dante's "Divine Comedy". The comparison is based on the theurgic approach to art advocated by both artists, which assumes that art is designed to serve the transformation of man and reality. At the same time, art is called upon to communicate to a person the truth of life, which can become an effective program for his life. Such a truth is the state of universal unity (All-in-One), which is also the state of universal love. Aiming to show the content of this truth and the ways to achieve it, Dostoevsky unfolds in his work a panorama of hell, purgatory, and paradise not as separate areas of being, but as three dimensions of a single reality. The above considerations were accompanied by references to the works of Vyacheslav Ivanov, who convincingly substantiated the comparison of Dostoevsky with Dante, as well as reminiscences from the works of Vladimir Solovyov, who embodied Dostoevsky's ideas about universal love into the philosophical concept of universal unity.

Keywords: Dante; Dostoevsky; Vladimir Soloviev; Vyacheslav Ivanov; purgatory; universal unity; theurgy

For citation: Buzhor E.S., Shevchenko O.V. About the motives of hell, purgatory, and paradise in the works of F.M. Dostoevsky. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(2):75-83. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-2-75-83

Русский поэт и теоретик символизма Вячеслав Иванов в своей итоговой работе о Достоевском «Достоевский. Трагедия-миф-мистика», написанной в 1931 г., в ретроспективе пятидесяти лет, прошедших со дня смерти писателя, говорит о величии его творчества и о продолжающемся живом воздействии его произведений на современного человека. При этом Иванов

в традиционном ключе подчеркивает значимость Достоевского как психолога, показавшего всю «не разгаданную многосложность, многослойность, многосмысленность современного человека» [1, с. 488]. Благодаря художественной интуиции Достоевского, считает Иванов, перед ним открылись самые тайные импульсы, самые скрытые извилины и бездны человеческой личности.

Однако Иванов говорит не только о психологическом, но и метафизическом аспекте величия Достоевского, называя его глашатаем «наших высочайших и отдаленнейших надежд на исполнение богоносной миссии “всечеловечества” и свободной соборной теократии Христова духа» [2]. В этом отношении Вячеслав Иванов сопоставляет Достоевского с Данте. Ибо для обоих творцов цель художественного творчества состоит в раскрытии истины. Причем эта истина имеет не отвлеченно-умозрительный, а непосредственный и конкретный характер. Истина эта настолько конкретна, что ее можно узнать в то или иное время и в том или ином месте. Как говорит герой «Сна смешного человека», истину он узнал «в прошлом ноябре, и именно третьего ноября», вернувшись к себе домой после некоего события, произошедшего с ним ненастным петербургским вечером. Помимо этого, конкретность истины означает также доступность ее каждому человеку и очевидную несомненность. Так, «смешной человек» убежден, что «если раз узнал истину и увидел ее, то ведь знаешь, что она истина и другой нет и не может быть, спите вы или живете» [3, с. 503].

Конкретная истина имеет экзистенциальный характер и призвана служить практической программой жизнестроительства каждого человека. Такой экзистенциальный характер истины был очевиден для Вячеслава Иванова, поэта-символиста и духовного ученика Владимира Соловьева. Именно Соловьев ввел в русскую философию экзистенциальное измерение истины. Соловьев выступал за преобразование философии из «философии школы», занимающейся абстрактно-теоретическими теориями, в «философию жизни», долженствующую «стать образующей и управляющей силой жизни» [4], способной давать человеку смыслы, следуя которым, он может сознательно осуществлять свой жизненный выбор. Чтобы соответствовать этому долженствованию, необходимо, чтобы смыслы, формулируемые «философией жизни», покоились на незыблемом фундаменте истины, т.е. правильном понимании существа действительности или мира. В свою очередь, истина о мире имела для Владимира Соловьева двоякую природу: с одной стороны, она констатировала, что мир в его актуальном состоянии имеет искаженный характер разобщенного бытия, с другой, провозглашала, что мир может и должен быть переведен в гармоничное всеединое устройство. Эта императивная трансформация мира получила у Соловьева

наименование «теургия», под которой сам философ подразумевал осуществление человеком «божественного начала во всей эмпирической, природной действительности, осуществление человеком божественных сил в самом реальном бытии природы» [5].

При этом Соловьев считал, что эта трансформация мира, призванная приблизить его «к... финальному преображению» [6], перевести из разобщенного во всеединое устройство, может быть реализована лишь средствами художественного творчества, искусства (а не, скажем, прогрессом техники, ростом научного знания или же развитием морального сознания). Это обстоятельство придавало искусству теургический характер, выводящий его за рамки художественной необязательности и предполагающий «возможность преображения бытия через эстетическую сферу» [7]. Именно искусством, приобретшим теургическую природу, можно преобразить мир, создать «вселенский духовный организм» [8]. Согласно современной исследовательнице, «у Соловьева искусство было впервые возведено на предельную, ему еще неведомую высоту и не просто поставлено в один ряд с теургией, но и названо этим до конца непостижимым именем» [9]. Однако, на наш взгляд, хотя Соловьев, возможно, был первым, кто теоретически обосновал понятие искусства как теургии, само понимание теургического значения искусства существовало задолго до него. Один из самых ярких примеров такого понимания дал тот же Данте, признавшись в письме к Кан Гранде, что он писал свою «Комедию» с целью «освободить живых еще при жизни от их несчастного состояния и привести их к блаженству» [10]. Такое же понимание назначения искусства, по мнению Вячеслава Иванова, было присуще и Достоевскому. Обратим внимание на слова Данте о том, что привести человека к блаженству можно еще при жизни, т.е. в земном существовании, хотя, казалось бы, Данте описывает в «Комедии» внеземное бытие. Что касается Достоевского, то к нему эти слова применимы уже в прямом смысле, ибо Достоевский показывает и доказывает, что человек может стать блаженным или освобожденным, т.е. может достичь преображенного сверхчеловеческого состояния и, соответственно, привести к «финальному преображению» всю действительность, именно в эмпирическом существовании.

Но между теми путями, которыми Данте и Достоевский шли в поисках конкретной жизненной

истины, были большие различия, вызванные, как пишет Вячеслав Иванов, разными «обстоятельствами культурной обстановки» [1, с. 553]. Данте жил в эпоху торжества и кажущейся неизблемости католической догмы, Достоевский же — в период кризиса христианства, невозможности верить по-старому. Поэтому Достоевский искал способы обновления веры. Он, в отличие от Данте, был практически свободен от догматики и выступал как экзистенциальный реформатор христианства, — не в том смысле, что хотел учредить новую церковь, а в том, что стремился придать христианству живые питательные ключи. Это различие проявляется в одной примечательной детали: Данте, как известно, на каждом из этапов своего странствия по загробным мирам введом надежными проводниками, Достоевский же лишен этого блага. Вячеслав Иванов именуется Достоевского «сумрачным и зорким вожатым в душевном лабиринте нашей души» [11], т.е., в отличие от Данте, Достоевский ведет себя сам. При этом он руководствуется идеалом Христа, который сам себе создает. Христос у Достоевского не столько бог, сколько совершенный человек, новый Адам, восстановивший истинную человеческую природу. Он является неким маяком, компасом, сверяясь с которым, человек может идти лабиринтами души и мира. Здесь можно упомянуть, что Христос являлся идеалом и для другого русского писателя, сопоставимого с Достоевским по масштабу гения, — Льва Толстого. Однако, если для Толстого предметом внимания к Христу было его учение, то для Достоевского — сам Христос как личность в своей духовной красоте, что и нашло отражение в знаменитом и парадоксальном высказывании Достоевского, что он пошел бы за Христом, даже если Христос был вне истины (замечание, совершенно невысказанное в устах традиционного верующего).

Вячеслав Иванов также указывает в своей работе, что Достоевский считал человека не только свободным, но и трагичным существом, поскольку он «не то, что он есть» [1, с. 488]. Соответственно, человек должен стать тем, «что он есть», и эта возможность открывается для него его свободой, которая и позволяет ему изменить себя. На этом пути человек руководствуется идеалом Христа, но совершает это преобразование по преимуществу сам, поскольку он свободен.

Таким образом, творчество Достоевского выходит за рамки только искусства, художества, эстетики, оно приобретает теургический характер

и призвано оказать онтологически преобразующее воздействие на земное бытие. Для того чтобы помочь людям достичь блаженства уже при жизни, Данте, как известно, изображает в своей «Комедии» три основных плана действительности — ад, чистилище и рай. Достоевский также разворачивает перед читателями (но уже не в одном произведении, а во многих) онтологию действительности, которая у него, как и у Данте, состоит из ада, чистилища и рая.

В исследовательской литературе достаточно подробно рассмотрены ад и рай [12–14]. Остановимся коротко на каждой из этих сфер. При этом сразу оговорим, что, в отличие от Данте, где эти сферы представляют собой разные области загробного мира, потусторонней действительности, у Достоевского они взаимопроникают друг друга и являются характеристиками или измерениями единой «посюсторонней» действительности, которую можно назвать миром или Землей.

На Земле есть ад. В литературе, сравнивая ад Достоевского с адом Данте, обычно говорят о «Записках из мертвого дома», в котором описывается жизнь каторжников [15]. Однако это внешнее физическое сближение, связанное с некоторыми натуралистическими подробностями. В более глубоком смысле ад у Достоевского — это не какие-то сгущенные области зла на Земле (такие как каторга, тюрьма, лечебница и т.д.), а особое измерение Земли, это ее темное лицо, понимаемое не столько в физическом, сколько в душевном и даже духовном плане. Понятие ада емко раскрывается в словах старца Зосимы о том, что ад — это «страдание о том, что нельзя уже более любить» [16, с. 380]. Однако думается, что слово «страдание» здесь избыточно. Ад — это просто сама невозможность любить как таковая. Ад существует там и тогда, где и когда любовь оказывается невозможной.

Казалось бы, почему любовь невозможна, ведь люди сплошь и рядом любят? Но это не так. На самом деле во вселенной Достоевского (как и во вселенной Соловьева) любовь — это чрезвычайно редкое явление. Об этом со всей определенностью говорит тот же Зосима: «Раз, в бесконечном бытии, неизмеримом ни временем, ни пространством, дана была некоему духовному существу, появлением его на земле, способность сказать себе: «Я есмь и я люблю». Раз, только раз, дано было ему мгновение любви деятельной, живой, а для того дана была земная жизнь, а с нею времена и сроки, и что же: отвергло сие счастли-

вое существо дар бесценный, не оценило его, не возлюбило, взглянуло насмешливо и осталось бесчувственным» [16, с. 380].

В этих словах звучит зачин великой темы духовной любви русской религиозной философии, которая исключала из области своего рассмотрения любовь родственную, свойственную и животным, и сосредотачивалась на проблематике любви между двумя «духовными существами», которые в некоторый момент встречаются, узнают друг о друге впервые. Как возможна любовь между таким существами? И далее: как возможно, чтобы такая любовь не ограничивалась только несколькими участниками, но распространялась на всех людей? На наш взгляд, духовная любовь распадается на две части: любовь братская (или любовь-филия) и любовь, по словоупотреблению Дмитрия Мережковского, брачная (или любовь-эрос). Первая восходит к христианской любви, заложенной Христом, сказавшим своим спутниками, что по тому узнают их, что они ученики его, что между ними будет любовь. Эта любовь исключает эротический момент. Брачная любовь — это любовь между мужчиной и женщиной. Ее преображающую силу впервые в русской мысли развил Владимир Соловьев. Как братская, так и брачная разновидности любви не представляют собой явления естественного порядка. Христианская традиция пришла к выводу, что подлинная любовь к брату невозможна без веры в Бога и любви к Богу, так что любовь к Богу первична и опосредует любовь к ближнему. Что касается брачной любви, то ее потенциал расширения до всего человечества более проблематичный, чем у братской любви, однако непременным условием этого является исключение плотского момента, т.е. та любовь между мужчиной и женщиной, о которой возвещал Соловьев, должна иметь в подлинном смысле платонический характер [17].

Таким образом, речь и у Достоевского, и у его последователей идет о духовной, естественным образом невозможной любви. По какой причине невозможной? По причине эгоистической установки, в которой пребывает естественный человек. В условиях эгоистической разобщенности, которая, согласно тому же Соловьеву, является основной характеристикой здешнего бытия, любовь к другому человеку оказывается невозможной в силу того, что сердце, так сказать, занято любовью к себе [18].

Во «Сне смешного человека» читаем: «Вот что говорили они, и после слов таких каждый

возлюбил себя больше всех, да и не могли они иначе сделать. Каждый стал столь ревнив к своей личности, что изо всех сил старался лишь унижить и умалить ее в других, и в том жизнь свою полагал» [3, с. 518].

Вячеслав Иванов, считавший себя духовным учеником как Достоевского, так и Соловьева, проводил настолько резкое разделение любви к себе и любви к другому, что для излечения от болезни любви к себе, которая выступала непреодолимым заслоном на пути духовного преображения мира, он предлагал радикальные меры, а именно: он считал, что тем единственным шагом, который способен вывести человека из злоторного плена любви к себе в благословенный плен любви к другому, служит решительный и полный отказ от своего «я», полный перенос центра своего существа в другого [1, с. 502].

В любом случае, опираясь как на Достоевского, так и на его духовных учеников, скажем, что ад у Достоевского — это именно невозможность любить в силу эгоцентрической установки как доминирующего настроения (в хайдеггеровском смысле этого слова) естественного человека. Именно поэтому над Землей, миром довлеет темное измерение, ад, так что можно согласиться с теми исследователями, которые говорят, что земля для Достоевского пребывает во аде. Нужно только понимать, что ад не является единственным измерением Земли.

Рай у Достоевского понять сравнительно легко именно по контрасту с адом. Если ад — это невозможность любить, то рай — это именно возможность любить, причем возможность полностью реализованная, совершенная. Если во аде, следуя терминологии Иванова, человек любит себя до ненависти к другим (так что когда он пытается любить кого-то, то это любовь-ненависть или любовь-ревность, любовь-мучение, которую так хорошо постиг и выразил в своем творчестве Пушкин [19]), то в раю человек любит других до самозабвения себя.

Самым поразительным в концепции рая у Достоевского является его быстрая, если угодно, моментальная достижимость. Это одна из излюбленных мыслей Достоевского: рая можно достичь мгновенно при выполнении некоторых условий. Это определенно подчеркивает, что ад и рай не онтологически разные горизонты, а модусы одного и того же бытия, который мы называли миром или Землей. Выше со ссылкой на «Сон смешного человека» упоминалось, что

истина у Достоевского настолько конкретна, что ее можно увидеть в определенное время и в определенном месте. В этом же рассказе Достоевский говорит нам и том, что представляет собой эта истина содержательно: «Я видел истину, я видел и знаю, что люди могут быть прекрасны и счастливы, не потеряв способности жить на земле» [3, с. 520]. То есть истина состоит в том, что люди еще при жизни могут быть освобождены и приведены к блаженству, как это, собственно, и возвестил Данте за 500 лет до рождения Достоевского.

Далее, в «Сне смешного человека» читаем о том, каким образом может осуществиться истина или каким образом может устроиться рай: «А между тем так это просто: в один бы день, в один бы час — все бы сразу устроилось! Главное — люби других как себя, вот что главное, и это все, больше ровно ничего не надо: тотчас найдешь как устроиться. Если только все захотят, то сейчас все устроится [3, с. 521].

Таким образом, если все будут любить других, как себя, то все сразу же и устроится — тут же ад обернется раем. Потому что рай — это именно полнота осуществленной возможности любить других.

У Достоевского есть и другие замечательные высказывания о том, как просто можно достичь рая, особенно много их в «Братьях Карамазовых». Так, молодой Зосима говорит: «...только мы одни безбожные и глупые и не понимаем, что жизнь есть рай, ибо стоит только нам захотеть понять и тотчас же он настанет во всей красоте своей, обнимем мы и заплачем...» [16, с. 353]. Подобным же образом понимает рай и брат старца Зосимы, Маркел. Находясь на пороге смерти, он открывает для себя удивительную мысль, что стоит лишь захотеть, и рай тут же настанет: «Мама, не плачь, жизнь есть рай, и все мы в раю, да не хотим знать того, а если бы захотели узнать, завтра же и стал бы на всем свете рай» [16, с. 340]. Об этом же говорит «таинственный гость» Зосимы, Михаил: «Рай, в каждом из нас затаен, вот он теперь и во мне кроется, и, захочу, завтра же настанет он для меня в самом деле и уже на всю мою жизнь» [16, с. 357].

Определив, что ад есть отсутствие любви, а рай есть любовь, скажем также о других определениях рая у Достоевского. В романе «Идиот» рай именуется «высшим синтезом жизни» [20, с. 240]. Исходя же из платоновской онтологии, мы можем сказать, что высшая степень какого-либо явления и есть само это явление в его существе

или истине. Поэтому высший синтез жизни есть попросту сама жизнь в своей истине, в своем существе или, на платоновском языке, в своей идее. Соединяя толкования истинной жизни с его толкованием любви, получаем, что подлинная жизнь есть любовь.

В романе «Идиот» есть еще одна характеристика рая: там, в раю, пишет Достоевский, пребывают «красота и молитва» [20, с. 240], что характеризует «высший синтез жизни» как мир напряженного духовного делания, поскольку в христианской традиции молитва — и главное условие достижения блаженного состояния, и само это состояние, т.е. блаженные пребывают в любви, молитве и красоте. Молящийся человек именно красив — эстетика здесь входит составной частью в икономию духовной реальности.

Если вернуться к вопросу о том, что рая можно достичь мгновенно, стоит только пожелать, то следует обратить внимание на то, что здесь есть скрытый план, который обуславливает все же трудность достижения рая. Если достичь рая можно сразу же, в одно мгновение, то почему же рай не наступает, почему никто не хочет или не может решиться захотеть рая? Очевидно потому, что для того, чтобы этот момент настал, ему должна предшествовать некая работа. Да, сам переход совершается в один момент, но чтобы подойти к этой невидимой духовной границе, для пересечения которой нужен всего один шаг, нужны усилия, подготовка.

Об этом тоже сказано у Достоевского, хотя, может быть, менее заметно, чем радостотворные описания рая. Тот же «таинственный гость» Зосимы в «Братьях Карамазовых» говорит о том, что к своему желанию, к своему «стоит только захотеть» он шел долгие годы, в течение которых он, по его собственному признанию, пребывал во аде [16, с. 363]. Эта долгая работа представляет собой покаяние и очищение, которые необходимо осуществить, чтобы прийти к такому состоянию, когда «стоит только захотеть и все устроится». На наш взгляд, эта трудная работа, предваряющая достижение рая, и есть средний элемент трехчастного измерения мира или стихия чистилища.

У Данте момент перехода от ада к чистилищу связан с прозрением к свету. Несмотря на то что ад тоже освещен, это, так сказать, внутренне присущий аду свет, подобный свету факелов в платоновой пещере. Если представить себе платонову пещеру замкнутой, то освещается она исключительно имманентным ей светом факелов.

Подлинный свет, который есть высшее бытие, высшая жизнь или попросту бытие и жизнь, в это замкнутое пространство ада-пещеры не проникает. Поэтому в ней все призрачно и мнимо, как призрачны вещи в неверном свете факелов в темном помещении. Переход из ада в чистилище тождественен первому прозрению, отверзанию взгляда, когда впервые становится виден свет истинной жизни. Путь к преображению равносильно приобщению к свету, — сперва в малой степени, затем во все большей. Странствие по чистилищу у Данте предполагает постепенное прозревание души, открытие ее свету.

У Данте и Достоевского присутствует совершенно одинаковый образ этого первичного узрения света — звезда на темном небе. Так, при переходе к чистилищу первое, что видит Данте — это точки небесного света — звезды [21, с. 179]. Звезды суть тонкие отверстия, сквозь которые пробивается небесный свет, первый, который способен увидеть выходящий из душевного мрака человек. В свою очередь, у Достоевского в рассказе «Сон смешного человека» читаем примечательные строки: «Небо было ужасно темное, но явно можно было различить разорванные облака, а между ними бездонные черные пятна. Вдруг я заметил в одном из этих пятен звездочку и стал пристально глядеть на нее» [3, с. 504]. Ужасное темное небо в этой фразе символизирует беспросветную замкнутость ада, отсутствие в нем света. Ад можно сравнить с глухим сводом. Звездочка же, внезапно прорезавшаяся на глухом своде, — это первый проблеск небесного света, света иной действительности или, точнее, иного состояния действительности. Глядя на эту звездочку, «смешной человек» приходит к узрению истины, которая формулируется Достоевским предельно конкретно и просто: раньше пребывавший в аду самозакнутости «смешной человек» исповедовал убеждение, что «на свете везде *все равно*» [3, с. 503]. Третьего же ноября, после глядения на звездочку и встречи с девочкой, просящей о помощи, ему вдруг открывается, что «на свете везде *не все равно*». Это становится началом духовного просветления «смешного человека», венцом которого является откровение, что зло не является нормальным состоянием людей, люди могут быть прекрасны и счастливы, не потеряв способности жить на земле, и как только все станут любить других как себя, так тотчас же все и устроится.

Таким образом, чистилище — это еще одно измерение мира у Достоевского наряду с из-

мерениями ада и рая, — срединное. Ад и рай в известном смысле — экстремумы, конечные и замкнутые состояния. Хотя у Достоевского ад, конечно же, не замкнут. В аду находятся все люди без исключения в том смысле, что они пребывают в установке любви к себе, доходящей до забвения других. Рай — это также состояние, в котором может находиться любой человек, поскольку он пребывает в состоянии любви к другим, доходящей до забвения себя. Чистилище же — это не состояние, но процесс, путь, переход из состояния любви к себе в состояние любви к другому, в пределе — ко всем. Оно не самодостаточно, но нам, людям фаустовской культуры, ценящим прежде всего динамику, развитие и преодоление, наиболее близко, понятно и ценно. Оно также имеет особое значение и для Достоевского, ибо в нем реализуется сокровенная для писателя тема очищения через страдание. В аду также существует страдание, — вспомним вновь формулу Зосимы, что ад есть страдание от того, что нельзя более любить. Однако это страдание беспросветное, не имеющее выхода из круга замкнутости и одиночества, на которое обрекает себя человек, неразумно распорядившийся предложенным ему даром любви, загасивший огонь любви. Страдание же «чистилищное» — очищающее и преобразующее человека. Если в аду человек страдает за свои собственные проступки, то в чистилище человек страдает не за себя, а за всех по формуле Достоевского — «всякий пред всеми за всех и за все виноват» (слова Маркела, старшего брата Зосимы) [16, с. 340].

Эта формула выражает именно преодоление эгоистической установки, свойственной измерению ада. Человек несет вину не только за свои проступки и преступления, но и за преступления другого человека, где бы и когда бы тот ни жил. Соответственно, страдание и искупление проступка может осуществляться не только виновником, но и любым другим человеком. Как пишет Вячеслав Иванов, подобно тому, как «вина каждого всех связывает», так и освящение каждого «всех святит и его страдание всех искупляет» [1, с. 488].

У Достоевского описан образ великого грешника: это не столько тот, кто сам совершил много преступлений, сколько тот, кто умеет чувствовать свою вину за преступления других людей и искупать их своим страданием. Эта позиция, что «всякий за всех виноват», по мере ее реализации приводит человека из установки уединенной

пустоты сердца (то есть из ада) к установке соборности или всеединства (то есть в рай). Именно это преодоление разобщенности и одиночества и составляет суть чистилища у Данте. По мере восхождения люди не только прозревают и становятся способными видеть свет истинной жизни, но все больше осознают свое единство с другими людьми. На горе чистилища люди уже молятся не только за себя, но и всех других. Как пишет Данте, души чистилища «молятся только о том, чтобы молились другие» [22, с. 27]. Эта молитва за всех, невозможность молиться только за себя и означает вживание в новую установку всеединства. Каждый в чистилище чувствует, что его вина — это вина всех других, а вина всех других — это и его собственная вина. Души чистилища терпят страдания потому, что хотят этого, и на новые уступы чистилища входят не со стоном, а с пением. Таким образом, и Данте, и Достоевский, как духовные учителя, раскрывают перед нами истину всеединства.

Предположим в этой связи, что то моментальное преобразование, мгновенный переход в рай, о котором возвещает Достоевский, происходит не напрямую из ада, а подготавливается именно этой невидимой работой, происходящей в измерении чистилища, — работой страдания и искупления грехов, собственных и чужих. Один из возвестителей мгновенной достижимости рая, «таинственный гость» Зосимы, Михаил, совершил убийство и 14 лет его никому не открывал. Это были 14 лет непрерывного страдания, в течение которых он, видимо, пришел к убеждению, что это не только его грех, но и грех всего мира, а грехи бесчисленного множества людей — такие же его проступки, как то убийство, которое он совершил. И хотя сам Михаил говорит, что эти 14 лет он был в аду, на самом деле это, скорее, были годы чистилища. Результатом этого многолетнего страдания стало решение открыть свой грех людям, после чего Михаил почувствовал, что именно теперь он, наконец, может захотеть, возжелать рая и понял, что стоит ему только сделать это, как рай наступит. Михаил открывает людям правду об убийстве после того, как оно уже им искуплено и не только им самим, но и теми, кто молился за него, кто шел путем очистительного страдания и более не разделял свои грехи и грехи других.

Размышляя на эту тему, Вячеслав Иванов замечает, что писатель «в каждом жизненном опыте открывает знание ответственности всех

за всех и о вине всех за всех, страдалец как они, как первый из вероотступников и бунтарей, он ищет во тьме своей души и чужих душ свет, не объятый тьмой, и как увидит его, всем громко возвещает, что увидел» [1, с. 554]. Тот свет, который, по мнению Иванова, ищет в людях Достоевский — это не природный, всегда имеющийся в них свет, а свет, возгоревшийся из греховной тьмы, свет, который эти грехи сжигает, что означает достижение освобождения и блаженства. И чудо этого события достойно громогласного возмещения, ибо тот, кто чувствует и говорит, что рай может наступить в любой момент, — это человек, совершивший переход из разобщенного состояния в состояние всеединства. Эта мысль тоже находит свои аналогии в «Комедии», когда описывается торжество окончательного освобождения одной лишь души: вся гора чистилища содрогается, и все души радостно поют [21, с. 281]. Таким образом, освобождение человеческой души предстает перед нами как у Данте, так и у Достоевского, не как событие индивидуальной жизни, а как событие вселенское, имеющее значение для всего человеческого рода. Комментируя этот удивительный момент «Комедии», Ольга Седакова пишет, что «общий хор душ говорит о том, что разъединенность ада кончена: в торжестве участвуют все, и те, кому еще долго ждать своего часа. Это событие принадлежит всем» [22, с. 27].

И последний штрих. Как известно, у Данте есть образ земного рая. Земной рай отличается от рая небесного, трансцендентного. Он находится на вершине горы чистилища, является, так сказать, венцом, главой чистилища. У Достоевского рай, который он знает, — это именно земной рай. Не зря сокровенное учение Достоевского о мгновенном достижении рая сопровождается представлением, что люди могут достичь рая, не потеряв своей способности жить на Земле, т.е. представлением о преобразении мира. Именно это состояние в метафизике Достоевского является наивысшим, в трансцендентный рай он не заглядывает, ибо он превосходит человеческие возможности постижения и достижения. В трансцендентный рай человек попадает по неизреченной воле Бога, земного же рая можно достичь собственными усилиями человека. В этом и состоит, на наш взгляд, учение Достоевского о достоинстве человека, где «достоинство» понимается в ренессансном, гуманистическом духе, т.е. именно как метафизическое достоинство, дарованное человеку Богом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Иванов В.И. Достоевский. Трагедия — Миф — Мистика. Собрание сочинений. Т. 4. Брюссель; 1987.
2. Иванов В.И. Байронизм как событие в жизни русского духа. Родное и вселенское. М.: Республика; 1994.
3. Достоевский Ф.М. Сон смешного человека. Собрание сочинений в двенадцати томах. Т. 12. М.: Издательство «Правда»; 1982.
4. Соловьев В.С. Философские начала цельного знания. Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Мысль; 1990.
5. Соловьев В.С. Критика отвлеченных начал. Сочинения в 2 т. Т. 1. М.: Мысль; 1990.
6. Хоружий С.С. Диптих безмолвия. Аскетическое учение о человеке в богословском и философском освещении. М.: Центр психологии и психотерапии; 1991. 135 с.
7. Зеньковский В.В. Эстетические воззрения Вл. Соловьева. Собрание сочинений. Т. 1: О русской философии и литературе: Статьи, очерки и рецензии (1912–1961). М.: Русский путь; 2008.
8. Соловьев В.С. Общий смысл искусства. Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Мысль; 1990.
9. Соболевская Е. Искусство и теургия в философско-эстетической концепции Вячеслава Иванова. URL: <https://refdb.ru/look/2790405.html>
10. Данте Алигьери. Письмо к Кангранде делла Скала. URL: <http://dante.velchel.ru/index.php?cnt=14&sub=12>
11. Иванов В.И. Достоевский и роман-трагедия. Родное и вселенское. М.: Республика; 1994.
12. Тоичкина А.В. Образ ада в «Записках из Мертвого дома» Ф.М. Достоевского (к теме «Достоевский и Данте»). СПб.: Дмитрий Буланин; 2012.
13. Любимская О.М. Мотив рая в творчестве Ф. М. Достоевского 1860-х — 1870-х гг. *Уральский филологический вестник. Серия: Драфт: Молодая наука.* 2015;(5):92–101.
14. Касаткина Т.А. Рай и ад в произведениях Ф.М. Достоевского 1860-х годов. URL: <https://www.ippo.ru/news/article/-ray-i-ad-v-proizvedeniyah-f-m-dostoevskogo-1860-h-202627>
15. Акелькина Е.А. Данте и Достоевский (рецепция дантовского опыта организации повествования в «Божественной комедии» при создании «Записок из мертвого дома»). *Вестник Омского университета.* 2012;(2):394–399.
16. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. Собрание сочинений в двенадцати томах. Т. 11. М.: Издательство «Правда»; 1982.
17. Бужор Е.С. Смысл любви в философии всеединства Вл. Соловьева. *Общество: философия, история, культура.* 2017;(9):43–47.
18. Соловьев В.С. Смысл любви. Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Мысль; 1990.
19. Бужор Е.С., Бужор В.И. Поэтические истины: К «лирической биографии» А.С. Пушкина. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ»; 2011. 488 с.
20. Достоевский Ф.М. Идиот. Собрание сочинений в двенадцати томах. Т. 6. М.: Издательство «Правда»; 1982. 367 с.
21. Данте Алигьери Божественная комедия. М.: Интепракс; 1992. 624 с.
22. Седакова О. Перевести Данте. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха; 2020. 128 с.

REFERENCES

1. Ivanov V.I. Dostoevsky. Tragedy — Myth — Mystic. In: Ivanov V.I. Collected Works. Vol. 4. Brussels; 1987. (In Russ.).
2. Ivanov V.I. Byronism as an event in the life of the Russian spirit. native and universal. Moscow: Republic; 1994. (In Russ.).
3. Dostoevsky F.M. Dream of a funny man. In: Dostoevsky F.M. Collected works in twelve volumes. Vol. 12. Moscow: Pravda Publishing House; 1982. (In Russ.).
4. Soloviev V.S. Philosophical principles of integral knowledge. Works in 2 volumes. Vol. 2. Moscow: Thought; 1990. (In Russ.).
5. Soloviev V.S. Criticism of abstract beginnings. Works in 2 volumes. Vol. 1. Moscow: Thought; 1990. (In Russ.).
6. Khoruzhy S.S. A diptych of silence. Ascetic doctrine of man in theological and philosophical coverage. Moscow: Center for Psychology and Psychotherapy; 1991. 135 p. (In Russ.).
7. Zenkovsky V.V. Aesthetic views of Vl. Solovyov. Collected works. Vol. 1: On Russian philosophy and literature: Articles, essays, and reviews (1912–1961). Moscow: Russian way; 2008. (In Russ.).
8. Soloviev V.S. The general meaning of art. Works in 2 volumes. Vol. 2. Moscow: Thought; 1990. (In Russ.).

9. Sobolevskaya E. Art and theurgy in the philosophical and aesthetic concept of Vyacheslav Ivanov. URL: <https://refdb.ru/look/2790405.html>. (In Russ.).
10. Dante Alighieri. Lettre to Cangrande della Scala. URL: <http://dante.velchel.ru/index.php?cnt=14&sub=12>. (In Russ.).
11. Ivanov V.I. Dostoevsky and the novel-tragedy. native and universal. Moscow: Republic; 1994. (In Russ.).
12. Toichkina A.V. The image of hell in “Notes from the House of the Dead” by F.M. Dostoevsky (on the topic “Dostoevsky and Dante”). St. Petersburg: Dmitry Bulanin; 2012. (In Russ.).
13. Lyubimskaya O.M. The motif of paradise in the works of F. M. Dostoevsky in the 1860s — 1870s. *Ural Philological Bulletin. Series: Draft: Young Science*. 2015;(5):92–101. (In Russ.).
14. Kasatkina T.A. Paradise and hell in the works of F.M. Dostoevsky in the 1860s. URL: <https://www.ippo.ru/news/article/-ray-i-ad-v-proizvedeniyah-f-m-dostoevskogo-1860-h-202627>. (In Russ.).
15. Akelkina E.A. Dante and Dostoevsky (reception of Dante’s experience of organizing the narration in the Divine Comedy when creating Notes from the Dead House). *Bulletin of Omsk University*. 2012;(2):394–399. (In Russ.).
16. Dostoevsky F.M. Brothers Karamazov. Collected works in twelve volumes. Vol. 11. Moscow: Pravda Publishing House; 1982. (In Russ.).
17. Buzhor E.S. The meaning of love in the philosophy of unity Vl. Solovyov. *Society: philosophy, history, culture*. 2017;(9):43–47. (In Russ.).
18. Soloviev V.S. The meaning of love. Works in 2 volumes. Vol. 2. Moscow: Thought; 1990. (In Russ.).
19. Buzhor E.S., Buzhor V.I. Poetic truths: Towards a “lyrical biography” of A.S. Pushkin. Moscow: Book house “LIBROKOM”; 2011. 488 p. (In Russ.).
20. Dostoevsky F.M. Idiot. Collected works in twelve volumes. Vol. 6. Moscow: Pravda Publishing House; 1982. 367 p. (In Russ.).
21. Dante Alighieri Divine Comedy. Moscow: Interpraks; 1992. 624 p. (In Russ.).
22. Sedakova O. Translate Dante. St. Petersburg: Ivan Limbakh Publishing House; 2020. 128 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Евгения Сергеевна Бужор — кандидат философских наук, доцент департамента гуманитарных наук, Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-2724-9565>
ESBuzhor@fa.ru

Ольга Викторовна Шевченко — кандидат философских наук, старший преподаватель департамента гуманитарных наук, Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-4883-603X>
OVShevchenko@fa.ru

ABOUT THE AUTHORS

Evgeniya S. Buzhor — Cand. Sci. (Philosophy), Senior Lecturer, Department of Humanitarian Sciences, Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-2724-9565>
ESBuzhor@fa.ru

Olga V. Shevchenko — Cand. Sci. (Philosophy), Senior Lecturer, Department of Humanitarian Sciences, Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-4883-603X>
OVShevchenko@fa.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 19.01.2022; принята к публикации 15.02.2022.
Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.
The article was received on 19.01.2022; accepted for publication on 15.02.2022.
The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-2-84-90
УДК 32.019.5(045)

Влияние социально-политической идентификации современной молодежи на представления о моральных ценностях и нормах

Т.В. Евгеньева

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Представители молодого поколения используют сегодня собственные оценки, основанные на моральных ценностях и нормах действий политических акторов. Однако при более детальном анализе можно заметить размытость критериев, по которым оценивается какое-либо политическое решение или действие. В связи с этим возникает вопрос о специфике понимания молодыми поколениями тех моральных ценностей и норм, которые служат обоснованием предлагаемых оценок. Эмпирическую базу исследования, о котором говорится в данной статье, составляют результаты проекта «Моральное и политическое в сознании российской молодежи: ценностные ориентации, этические представления и политические установки», проведенного в 2020–2021 гг. Предлагаемая статья затрагивает вопрос о влиянии социально-политической идентичности представителей молодого поколения на их моральные оценки политических явлений и процессов. Результаты исследования показывают особое внимание молодых респондентов к ценностям справедливости, свободы, прав человека и самореализации.

Ключевые слова: молодежь; моральные ценности; политические представления; идентификация; «свои»; «чужие»

Для цитирования: Евгеньева Т.В. Влияние социально-политической идентификации современной молодежи на представления о моральных ценностях и нормах. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(2):84-90. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-2-84-90

ORIGINAL PAPER

The Influence of the Socio-political Identification of Modern Youth on Notions of Moral Values and Norms

T.V. Evgenieva

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

Representatives of the younger generation today offer their own assessments of the actions of political actors based on moral values and norms. However, with a more detailed analysis of such assessments, one can notice the blurring of the criteria by which any political decision or action is evaluated. In connection with this, the question arises about the specifics of understanding by the young generations of those moral values and norms that serve as a justification for the proposed assessments. The empirical basis of the study is the results of the project “Moral and political in the minds of Russian youth: value orientations, ethical ideas and political attitudes”, implemented in 2020–2021. The proposed article touches upon the issue of the influence of the socio-political identity of the representatives of the younger generation on their moral assessments of political phenomena and processes. The results of the study show the special attention of young respondents to the values of justice, freedom, human rights, and self-realization.

Keywords: youth; moral values; political ideas; identification; “ours”; “aliens”

For citation: Evgenieva T.V. The influence of the socio-political identification of modern youth on notions of moral values and norms. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(2):84-90. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-2-84-90

ВВЕДЕНИЕ

Многие современные исследования политической культуры современной молодежи выявляют ее особый, часто обостренный интерес к вопросам морали.

Замечено также, что при всей размытости предлагаемых моральных критериев участников обсуждений в них присутствует тенденция оценивать действия отдельных субъектов в зависимости от позиционирования их в качестве принадлежности к некоторым очень условным общностям. Личности или группы, составляющие часть близкого к нам окружения (семья, друзья, группы постоянного общения в сети Интернет с похожими интересами и оценками), или те социальные, культурные или политические общности, идеи и представления которых кажутся близкими, воспринимаются нами в качестве условных «своих». При этом в качестве «чужих» часто выступают те субъекты, которые в той или иной степени связаны с властью, государством, его институтами и представителями. При этом «своим» приписываются более приемлемые моральные цели и мотивы, чем «чужим».

Проблема более подробного анализа содержания декларируемых молодежью моральных ценностей, критериев оценки конкретных политических действий и событий стала главной в исследовании «Моральное и политическое в сознании российской молодежи: ценностные ориентации, этические представления и политические установки», проведенном в 2020–2021 гг. под руководством доктора политических наук А.В. Селезневой. Подробные результаты исследования были представлены в сборнике «Новая политическая этика российской молодежи» [1]. Предлагаемая статья затрагивает одно из направлений анализа — вопрос о влиянии социально-политической идентичности представителей молодого поколения на их моральные оценки политических явлений и процессов.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Первая часть проблемы, связанная со спецификой восприятия современным молодым поколением моральных ценностей и влиянием ее на оценку политических процессов, опирается как на концептуальный политико-философский анализ современного морального сознания [2–5], так и на исследования, проводимые в рамках научного направления, получившего

в последние десятилетия название «политическая этика» [6–9].

Вторая часть — ответ на вопрос, каким образом социально-политическая самоидентификация личности влияет на критерии оценки происходящего в качестве морального или аморального, опирается на современные концепции идентичности, в том числе социально-политической и групповой [10–14].

Эмпирическая часть исследования проводилась с помощью качественных и количественных методов (анкетный опрос, фокус-групповые дискуссии, экспертные опросы и дискуссии) в 63 регионах Российской Федерации. Всего были опрошены 1705 респондентов в возрасте 18–30 лет. Фокус-групповые дискуссии проводились с участием молодежи в возрасте от 14 до 30 лет из 16 субъектов РФ.

АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

Результаты исследования показывают особое, обостренное внимание молодых респондентов к ценности справедливости. Каковы же критерии, на основании которых они определяют конкретное действие в качестве справедливого или несправедливого?

Лишь небольшая часть респондентов (16%) критерием справедливости назвала следование правде, честность и порядочность, т.е. справедливое поведение каждой отдельной личности.

Примерно одна четверть респондентов (27%) критерием справедливости называет равенство перед законом.

Значительная часть респондентов (58%) подчеркивает равные возможности, равенство в распределении, воздаяние за содеянное. Все названные критерии обладают одной важной характеристикой. В них подразумевается наличие субъекта, обеспечивающего это равенство, осуществляющего распределение и воздаяние («Если одна группа людей, работая столько же, сколько и другая, а то и больше, получает меньшее вознаграждение, то стоит предпринимать меры для выравнивания этого положения»). В качестве такого субъекта, как правило, называется или просто подразумевается государство («Справедливая политика государства нивелирует стартовые возможности для детей из разных групп населения с помощью доступного качественного образования, медицины и обеспечения базовых потребностей»).

В российской политической культуре исторически сложилось своеобразное двойственное отношение к государству, его институтам или представителям. С одной стороны, это отчуждение и недоверие как к некоему слишком далекому и не до конца понятному субъекту, с другой — вера в то, что этот субъект почему-то должен решить наши проблемы, обладает достаточными ресурсами для их решения, а если не решает — то просто не хочет, и его нужно попросить или заставить (эту ориентацию принято определять как патерналистскую).

Государство само часто не стремилось объяснить обществу подробности тех или иных принимаемых решений, информировать об их мотивах или возможных последствиях. И сегодня решения, принимаемые государственными институтами, часто выглядят в глазах граждан непонятными и, следовательно, необоснованными. А даваемые пояснения либо сложны для понимания массовым сознанием, либо носят откровенно рекламно-агитационный характер. С другой стороны, значительная часть граждан особенно и не стремится к глубокому пониманию происходящего в политике.

В результате восприятие государства, его институтов или шире — абстрактной власти — это восприятие некоего далекого и чуждого субъекта, «чужого». Незнание, непонимание вызывает недоверие. Образ «чужого», непонятного и потому опасного сохранился в сознании современного человека со времени архаического сообщества и может актуализироваться (стихийно или целенаправленно) в определенные периоды под влиянием настроений тревоги и неуверенности.

Исследования последних лет показывают, что восприятие государства, его институтов и представителей («чиновник», «депутат») в качестве своеобразных «чужих» особенно характерно для молодежи [11, 12]. «Свои» же — это семья, друзья (в том числе из сети Интернет), близкое окружение. Интересно, что значительная часть респондентов в качестве аморального поступка оценила «предательство соратников», в то время как «измена Родине» оказалась по значимости на одном из последних мест [1, с. 52].

Что касается патернализма, то обращение к власти «за справедливостью» тоже можно назвать традиционной формой ориентации граждан. Сегодня эта форма чаще носит персонафицированный характер. На фоне «чужих» во власти некоторые руководители или политики

(стихийно или в результате целенаправленной PR-активности) формируют образ своеобразного «своего», защитника народа, справедливости.

Это могут быть, например, руководители регионов или активные политические деятели, объявляющие себя в оппозиции к власти. В ответах респондентов можно отметить тенденцию оправдывать даже очевидные нарушения закона такими «народными защитниками». На вопрос о том, проголосовали бы участники фокус-групп за мэра или губернатора, нарушающего закон, значительная часть ответила «да», если этот человек действует в интересах жителей региона («Я бы его переизбрал... например, если взятки не вредят развитию самого региона»; «Мы помним, что Фургалу вменяли убийство в 2000-х. На самом деле, я этому верю, потому что подобные случаи и у нас в Приморском крае бывали... Скорее, проголосовал бы»).

В этих примерах можно заметить и специфическое отношение ко второму названному респондентами критерию справедливости — равенству перед законом. Многие респонденты, рассуждая о соотношении закона и справедливости, честно признаются в том, что законы знают очень плохо, воспринимают их как что-то относительное («Незаконно, но должно быть законно»; «Иногда нормы права, которые принимаются законодателем, могут, в том числе, нарушать принцип справедливости с той точки зрения, что они не соответствуют, например, Конституции»). Кроме того, респонденты предъявляют различные требования в отношении соблюдения законов к власти («чужим») и к тем, кого они воспринимают в качестве «своих». Показательный пример — при оценке степени каких-либо действий граждан нарушение Конституции или законов не оценивается как значимое. Но при оценке действий представителей власти респонденты часто обвиняют их именно в нарушении законов, даже если законы не были нарушены.

Можно говорить также о незнании гражданами структуры государственных институтов, непонимании их функций, сферы ответственности и того, как происходит взаимодействие между ними. Поэтому письма о помощи и защите пишутся на всякий случай одновременно во все возможные инстанции, при этом желательно к конкретному политику. Неслучайно так популярна была всегда «прямая линия» Президента В. В. Путина, к которому многие обращаются в поисках справедливости.

Обе эти тенденции — отчуждения и патернализма — часто действуют одновременно, что достаточно четко проявилось в результатах исследования.

Указанная выше тенденция восприятия моральных норм — влияние образа субъекта на оценку конкретных действий или событий — заметно проявляется и при анализе ответов респондентов, касающихся остальных ценностей — свободы, прав человека и потребности в самореализации, которые большинство называет в качестве наиболее значимых [1].

Сегодняшнее медийное пространство ориентирует молодого человека на неограниченное понимание свободы. При этом сама свобода представляется, прежде всего, как отсутствие каких-либо ограничений. То есть свобода — это «свобода от», что близко к понятию независимости. Понимание «свободы для» в ответах респондентов встречается намного реже. Можно предположить, что последние два года с их пандемийными ограничениями в определенной степени обострили не всегда четко рационализированные переживания, связанные с ощущением отсутствия свободы. Отсюда ответы типа: «Это когда я могу выйти на улицу, и мне за это ничего не будет». Более осмысленный вариант, как правило, связан с часто артикулируемой респондентами потребностью в самовыражении или в самореализации («Возможность совершать выбор, который сделает меня счастливым»; «Свобода — это возможность саморазвиваться, самосовершенствоваться»).

Важно отметить, что ни потребность в самореализации, ни желание свободы часто не связаны с необходимостью взять на себя ответственность. Субъектом реализации этих потребностей, тем, кто должен обеспечить необходимые условия для жизни и деятельности молодых людей, как правило, является государство.

Данная ориентация, определяемая как патерналистская, традиционно была свойственна российской культуре. Однако тенденция эта обостряется, когда мы начинаем анализировать именно молодое поколение, где чувство ответственности еще не до конца сформировано — как по объективным причинам (они еще всерьез ни за что не отвечали), так и под влиянием специфики медийного дискурса в целом, особенно в сети Интернет, где сама идея о том, что следует отвечать за свои слова или действия, не воспринимается достаточно серьезно.

Самовыражение в интернете не требует и не предполагает осуществления какой-либо реальной деятельности, — достаточно о ней заявить. А одним из способов привлечения к себе внимания становится нарушение привычных норм, высмеивание общепринятых критериев социально приемлемого/неприемлемого. Это внешне напоминает процесс, который М. Бахтин определял как «карнавализация». Однако то, что он понимал как способ своеобразного «принятия» трагического, дающий возможность пережить трагедию, сегодня превращается в технологию привлечения внимания к себе и своим высказываниям. А «веселая относительность», которую он считал адаптационной реакцией на проявления хаоса и нестабильности становится привычным образом взаимодействия.

С этой точки зрения интересно, что абсолютную неготовность к ответственности проявляют представители наиболее юной когорты молодежи, социализация которой происходит в пространстве сети Интернет. В этой когорте при ответе на вопрос о готовности жертвовать чем-либо был сформулирован ответ, наиболее четко отражающий восприятие по модели «свой»-«чужой» («Ради страны — ничем. Ради некоторых людей — жизнью»).

Те, кто постарше, чаще говорят об ответственности, но это ответственность за себя и своих близких («свои») и в меньшей степени — за «других»: общество или страну («Беру ответственность за будущее страны через ответственность за свое личное будущее в этой стране»; «Я хочу брать ответственность за свое будущее, то есть реализовать себя в деятельностном и личностном планах, иначе говоря, заниматься интересным для меня делом и быть в гармоничных отношениях с любимым человеком и людьми вообще. Брать на себя обязательство бороться за будущее страны сегодня попросту опасно»). Интересно, что при этом страна или государство воспринимается, скорее, как простое пространство, в котором человек в данный момент находится [«Я считаю, что никто никому ничего не обязан по умолчанию ...долг гражданина это, якобы, сделать что-то для государства, в котором ты родился и живешь только потому, что ты тут родился и живешь (хотя человек сам не выбирает, где родиться)»].

Желая быть свободным и независимым в своей самореализации, но не принимая на себя ответственности, молодой человек не чувствует себя полностью самостоятельным субъектом

и неосознанно пытается переложить ответственность на другие субъекты. Хотя это и не является предметом данного исследования, хочется вспомнить широко распространенную в последнее время формулировку «токсичные родители», на которых очень удобно переложить вину за собственные проблемы или неудачи.

Однако основным субъектом, который должен, по мнению респондентов, обеспечить им удовлетворение потребностей в свободе и самореализации, является государство. То самое государство, по отношению к которому у молодого человека обязанностей и ответственности нет. По отношению к государству используется слово «должно». Государство должно «создавать условия жизни», «обеспечить безопасность», «условия для образования», «качественную медицинскую помощь» и т.д., т.е. все условия для свободы и комфортной самореализации.

Таким образом, по отношению к ценности свободы и самореализации мы можем наблюдать ту же специфику восприятия, которая отмечалась выше по отношению к пониманию справедливости. Есть мы («свои»), которым требуется свобода и условия для самореализации, и государство («чужие»), частью которого я себя не воспринимаю (хотя и признаю иногда гражданином), но от которого жду обеспечения реализации моих потребностей. Очень похоже на типичное понимание жалующихся на «токсичных родителей» (те же «чужие») — они ничего не дали, но подавляют мою личность.

В понимании ценности прав человека мы можем увидеть похожую, но немного по-иному артикулируемую закономерность. По результатам опроса, эта ценность находится на одном из первых по значимости мест, наряду со свободой и самореализацией.

На первый взгляд может показаться, что здесь присутствует то же содержание, которое принято вкладывать в эту ценность в рамках либерального дискурса. Однако при конкретизации выбора в процессе обсуждения в фокус-группах респонденты обращают внимание на субъект, по отношению к которому возникает вопрос о правах: «Права человека — это права моей личности или права близкого (социально, культурно, политически) мне окружения, т.е. “своих”». О правах «других», например, различных меньшинств, которые всегда на первом месте в либеральном подходе, речи не идет. Если сравнивать оценки степени моральности/аморальности тех или

иных действий институтов власти, то при том, что нарушение прав или безразличие к проблемам народа в целом находится на одних из первых мест (выше только коррупция, насилие и убийства), нарушение прав конкретных социальных групп, характеризующихся в качестве меньшинств, оказывается на одном из последних [1, с. 52].

Еще в меньшей степени права человека действуют по отношению к тем, кого респонденты категоризируют как «чужих».

Говоря о проблеме прав человека, следует еще раз подчеркнуть, что большинство российских граждан, в том числе молодых, как уже было сказано выше, не обладает серьезными правовыми знаниями.

Еще одним примером действия дихотомии «свой»-«чужой» в восприятии моральных ценностей является оценка молодежью таких понятий, как правда, искренность и честность. Во всех ответах респонденты подчеркивают необходимость наличия данных качеств у политиков. И практически ни разу не шла речь об искренности и честности по отношению к себе. Информация, которую выкладывают пользователи, особенно молодые, в сети Интернет, может на первый взгляд показаться примером искренности и открытости, однако, если смотреть глубже, большинство из них предлагают нам сконструированную картинку (в данном случае не столь важно, насколько процесс конструирования является до конца осознанным), не всегда позволяющую представить себе реального человека. То есть делают ровно то же, что и политики, стремящиеся понравиться избирателям.

ВЫВОДЫ

Анализируя полученные результаты исследования моральных ценностей современной российской молодежи, можно сделать следующие выводы. Несмотря на то что в целом существует определенный консенсус по поводу степени значимости тех или иных ценностей, в том, что касается их смыслового наполнения, есть целый ряд противоречий. Серьезное влияние на представления молодых людей о содержании этих ценностей оказывает идентификационная модель «свой»-«чужой».

Т.В. Карадже объясняет это тем, что «политическое это особая конфликтогенная сфера, сфера столкновения интересов, где интересы являются тем водоразделом, который делит мир на “своих”/“чужих”, “друзей”/“врагов”,

«союзников»/«соперников» [7, с. 6]. Однако данная модель в сознании современной молодежи распространяется не только на политическую самоидентификацию.

Образ «своих» не связан напрямую с социальной, профессиональной или политической принадлежностью личности. Это скорее образ ближайшей к ней части социальной среды, в которую может входить (но не обязательно входит) семья, друзья и обязательно те, кто включен в привычный круг общения в рамках социальных сетей в интернете. Ему противопоставлен образ «чужих», в который входят субъекты, в той или иной степени связанные с властью или с государством, — государственные институты или люди, их представляющие.

В отличие от представителей старших поколений, у которых идентичность часто опирается на представления об определенной территории (город, регион), для молодежи, проводящей значительную часть времени в сети Интернет, образ «своих» соотносится скорее с их присутствием в группах на одних и тех же ресурсах. Именно в процессе взаимодействия в этих группах формируются основные представления о содержании моральных и иных ценностей — в целом очень размытые и плохо систематизированные.

При этом при анализе тенденций интерпретации моральных ценностей прослеживается закономерность, на основе которой происходит оценка событий или действий тех или иных социальных или политических акторов. Действия «своих» чаще воспринимаются как морально оправданные и соответствующие ценностям предпочтениям респондента, в то время как действия условных «чужих» (власти, государства) будут скорее негативно оцениваться с точки зрения этих предпочтений.

Эта тенденция, при слабом знании молодежью правовых норм, создает основу для манипулирования ее сознанием и поведением, предлагая под эгидой защиты моральных ценностей — справедливости, свободы или прав человека — участвовать или поддерживать политическую активность, направленную против государства, государственных законов и институтов («чужих») в защиту тех политических акторов, которые позиционируются в качестве «своих».

Эта тенденция, при слабом знании молодежью правовых норм, создает основу для манипулирования ее сознанием и поведением, предлагая под эгидой защиты моральных ценностей — справедливости, свободы или прав человека — участвовать или поддерживать политическую активность, направленную против государства, государственных законов и институтов («чужих») в защиту тех политических акторов, которые позиционируются в качестве «своих».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Селезнева А.В., ред. Новая политическая этика российской молодежи. М.: Аквилон; 2021. 206 с.
2. Гусейнов А.А. Мораль и политика: уроки Макиавелли. *Философский журнал*. 2014;2(13):5–23.
3. Сазонова А.А. Политическая этика как основание новой мировоззренческой парадигмы. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия*. 2016;(3):76–81.
4. Федорова М.М. Философия и политика. *Философский журнал*. 2012;2(9):17–26.
5. Прокофьев А.В. Моральная ответственность в политике: взгляд через призму этики меньшего зла. *Философский журнал*. 2011;(1):103–114.
6. Капустин Б.Г. Моральный выбор в политике. М.: Издательство Московского университета; 2004.
7. Карадже Т.В. Политическая этика как направление политической науки. *Вопросы политологии*. 2014;2(14):5–15.
8. Оболонский А.В. Этика в сфере публичной политики как фактор социокультурных изменений. *Общественные науки и современность*. 2015;(4):65–82.
9. Sutor B. Politische Ethik. Gesamtdarstellung auf der Basis der Christlichen Gesellschaftslehre. Ferdinand Schoningh: Paderborn — Munchen — Wien — Zurich; 1991.
10. Семенов И.С. Политика идентичности и идентичность в политике: этнонациональные ракурсы, европейский контекст. *Полис. Политические исследования*. 2016;(4):8–28.
11. Евгеньева Т.В., Селезнева А.В. Трансформация национально-государственной идентичности российской молодежи в постсоветский период: ценностные основания и символические репрезентации. *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз*. 2017;(4):48–64.
12. Евгеньева Т.В., Титов В.В. Формирование национально-государственной идентичности российской молодежи. *Полис. Политические исследования*. 2010;(4):122–134.
13. Dittmann R., Ropf-Beck J. The Meaning of Being German: An Inductive Approach to National Identity. *Journal of Social and Political Psychology*. 2019;(7):423–447.
14. MacCrone D. Bechhofer F. Understanding National Identity. Cambridge: Cambridge University Press; 2015. 226 p.

REFERENCES

1. Selezneva A.V., ed. New political ethics of Russian youth. Moscow: Akvilon; 2021. 206 p. (In Russ.).
2. Guseinov A.A. Morality and Politics: The Lessons of Machiavelli. *Philosophical Journal*. 2014; 2(13):5–23. (In Russ.).
3. Sazonova A.A. Political ethics as the basis of a new ideological paradigm. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Philosophy*. 2011;(1):103–114. (In Russ.).
4. Fedorova M.M. Philosophy and Politics. *Philosophical Journal*. 2012;2(9):17–26. (In Russ.).
5. Prokofiev A.V. Moral responsibility in politics: a look through the prism of the ethics of the lesser evil. *Philosophical Journal*. 2011;(1):103–114. (In Russ.).
6. Kapustin B.G. Moral choice in politics. Moscow: Moscow University Press; 2004. (In Russ.).
7. Karadzhe T.V. Political ethics as a direction of political science. *Questions of political science*. 2014;2(14):5–15. (In Russ.).
8. Obolonsky A.V. Ethics in the sphere of public policy as a factor of socio-cultural changes. *Social sciences and modernity*. 2015;(4):65–82. (In Russ.).
9. Bernhard Sutor. Politische Ethik. Gesamtdarstellung auf der Basis der Christlichen Gesellschaftslehre. Ferdinand Schoningh: Paderborn – Munchen – Wien – Zurich; 1991.
10. Semenenko I.S. Identity politics and identity in politics: ethno-national perspectives, European context. *Polis. Political studies*. 2016;(4):8–28. (In Russ.).
11. Evgenieva T.V., Selezneva A.V. Transformation of the National-State Identity of Russian Youth in the Post-Soviet Period: Value Foundations and Symbolic Representations. *Politia: Analysis. Chronicle. Forecast*. 2017;(4):48–64. (In Russ.).
12. Evgenieva T.V., Titov V.V. Formation of the national-state identity of Russian youth. *Polis. Political studies*. 2010;(4):122–134. (In Russ.).
13. Dittmann R., Ropf-Beck J. The Meaning of Being German: An Inductive Approach to National Identity. *Journal of Social and Political Psychology*. 2019;(7):423–447.
14. MacCrone D. Bechhofer F. Understanding National Identity. Cambridge. Cambridge University Press; 2015. 226 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Татьяна Васильевна Евгеньева — кандидат исторических наук, доцент, профессор департамента политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-4711-5476>
etv133@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Tatyana V. Evgenieva — Cand. Sci. (Historical Sciences), Associate Professor, Professor of the Department of Political Science, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-4711-5476>
etv133@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 19.12.2021; принята к публикации 05.02.2022.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was received on 19.12.2021; accepted for publication on 05.02.2022.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-2-91-96
УДК 070(045)

Цифровое комьюнити как фактор успешности медиапроекта*

Т.Л. Каминская

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются практики создания независимыми медиапроектами цифрового комьюнити, значимость которого во время пандемии выросла вследствие трансформационных процессов отношения медиа с аудиторией. Так, пандемия, подхлестнувшая переход всех акторов медиарынка в цифровую коммуникацию, снизила важность территориальной привязки редакции медиа к их аудитории, повысив при этом роль солидарности этой аудитории с журналистами в онлайн-пространстве. Задача статьи – выделить факторы и охарактеризовать наиболее успешные коммуникативные практики для создания комьюнити в российском медиапространстве на цифровых носителях информации. Автор указывает на развитие практики финансового и контентного соучастия аудитории в онлайн и выделяет факторы создания редакциями цифрового комьюнити. Обобщая анализ онлайн-практик медиа во время пандемии, контент-анализ сайтов и экспертных интервью с журналистами, автор подчеркивает, что виртуальное комьюнити сегодня быть может не только желательным, но и единственно возможным способом развития и выживания профессиональных независимых журналистских проектов, особенно если речь идет о крафтовых СМИ и самиздате.

Ключевые слова: комьюнити; цифровые платформы; аудитория; медиаконтент; ценности; мифология; солидарность

Для цитирования: Каминская Т.Л. Цифровое комьюнити как фактор успешности медиапроекта. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета.* 2022;12(2):91-96. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-2-91-96

ORIGINAL PAPER

Digital Community as a Success Factor of the Media Project**

T.L. Kaminskaya

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article discusses the practice of creating a digital community by independent media projects, the importance of which has grown during the pandemic due to the transformational processes of the “media-audience” relationship. Thus, the pandemic, which has accelerated the transition of all media market actors to digital communication, has reduced the importance of territorial binding of the media editorial office to its audience. At the same time, the role of solidarity of the audience with journalists online has increased. The research task of the article is to identify factors and describe the most successful communicative practices in the Russian media space, conducted through digital platforms for creating a community. The author points to the development of the practice of financial and content participation of the audience with the help of digital platforms and highlights the factors for the creation of such a community by editorial offices. Summarizing the analysis of online media practices during the pandemic and expert interviews with journalists, the author of the article emphasizes that the virtual community today is not only desirable, but also the only feasible way for the development and survival of professional journalistic projects.

Keywords: community; digital platforms; lecture hall; media content; values; mythology; solidarity

For citation: Kaminskaya T.L. Digital community as a success factor of the media project. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University.* 2022;12(2):91-96. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-2-91-96

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

** The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds on a state order to the Financial University.

Оптимальные модели существования медиа сегодня в научном мировом дискурсе обсуждаются, прежде всего, в связи с их взаимодействием с целевой аудиторией, и тут нет единства мнений. Норвежские исследователи Ханс, Нильсон и Джарль делают обзор всех способов финансирования медиа, где основными являются: 1) реклама; 2) подписка; 3) краудфандинг; 4) нерекламные проекты (организаторская деятельность); 5) государство; 6) крупные частные спонсоры (нередко связанные с государством) [1]. Очень важно отметить, что в США подписная модель в некоторых случаях трансформируется в клубную — за определенную сумму читатель получает некоторые привилегии, например право посещать редакцию и общаться с журналистами, состоять во внутренних рабочих чатах, получать эксклюзивные товары с фирменными знаками СМИ. Такой же принцип лежит в основе медиакраудфандинга с его спектром вознаграждений.

В большинстве русскоязычных исследований медиаконьюнити традиционно связывают с локальной прессой, объединением вокруг инициатив и идей, транслируемых медиа, неким сообществом, живущем на определенной территории. Так, А.Д. Борейко, говоря о коньюнити белорусских СМИ, имеет в виду, прежде всего, приверженность к прессе членов локальных и городских сообществ, выделяя в особый тип «коньюнити-журналистику», которая удовлетворяет «информационные интересы и потребности определенной аудитории с совпадающими ценностями и проблемами» [2].

Однако в условиях невозможности распространения бумажных тиражей (медиа, по всем экспертным оценкам, относится к наиболее пострадавшим от пандемии отраслям) и коммуникаций с целевой аудиторией в оффлайне цифровые коммуникативные практики становятся наиболее актуальными. Пандемия подхлестнула трансформационные процессы, касающиеся цифрового коньюнити акторов рынка, и медиаконьюнити — не исключение. Стремление банков и проектов типа «Яндекс» превратиться в экосистему связано, на наш взгляд, не только с созданием новых цифровых возможностей и развитием сервисов, но, прежде всего, с трансформацией отношения: актор рынка — потребитель/аудитория.

Цифровой трансформации стремительно подвергаются и отношения власти с обществом, что

выражено в концепции цифровой демократии, перспективы и формы которой рассматривает в своей статье М.Ю. Карапузов. Речь идет, в частности, о выдвижении инициатив и создании гражданских виртуальных сообществ на различных цифровых платформах [3].

Посредством цифровых форматов коммуникации можно успешно осуществлять политику общественного выбора, а впоследствии — политику финансирования тех или иных инициатив. Наилучшим образом это демонстрирует сегодня в России сфера медиа. Создание качественного контента при минимизации издержек за счет «мудрости толпы» и потенциала ее гражданского активизма меняет систему отношений в обществе, лежащих на оси «власть-аудитория-медиа». Можно отметить в этом плане, в частности, инициативы АСИ (Агентства стратегических инициатив)¹, а также региональные цифровые порталы по сбору идей для благоустройства населенных пунктов², выделение грантов Президента для реализации социально значимых идей и оценку в онлайн их результативности³.

Однако можно констатировать, что пока масштабные медиапроекты, созданные под эгидой власти, отличаются (при всех их положительных сторонах) односторонней коммуникацией и отсутствием прямого вовлечения пользователей в обсуждение и соучастие при создании контента (что необходимо в современной медийной ситуации). Провластные группы и аккаунты в социальных сетях и Telegram (содержащие в названии слово «нацпроект») просто дублируют контент из официальных источников и не имеют популярности у аудитории.

Что касается российских медиа, то в создании коньюнити в цифровом пространстве еще до пандемии первыми включились гражданские медиа, использующие контент аудитории и ее софинансирование. Один из примеров такого рода — медиаресурс «7×7. Горизонтальная Россия» с провозглашенной концепцией: «Пространство, свободное от государства». Рассматривая развитие данного СМИ в еще допандемийные годы, начиная с момента основания (в качестве регионального издания в Сыктывкаре в 2010 г.), А.А. Бешкарев отмечает, что «своим успехом сайт

¹ URL: <https://tass.ru/nacionalnye-proekty/6535626>; URL: <https://leader-id.ru/>

² URL: <https://vechevoikolokol.ru/>

³ URL: <https://xn-80ajpld2c.xn-80af5akm8c.xn-p1ai/award/search/>

не в последней мере обязан учетом ситуации WEB 2.0: использованием возможностей социальных сетей, мультимедийных аудиовизуальных жанров» [4]. К настоящему моменту ресурс существенно поднялся в рейтинге онлайн-СМИ страны и информационно охватил более 30 регионов с городами-немиллионниками⁴. Помимо организации многочисленных мероприятий в онлайн для своих читателей и подписчиков во время пандемии (баркемпы, дискуссии, семинары, виртуальные экскурсии в редакцию), журналисты осуществляют именную рассылку тематических подборок своих публикаций подписчикам по электронной почте, каждая из которых заканчивается призывом к ответной активности. Например, в конце тематической рассылки про активистов из разных регионов спрашивается: «А вы знаете в своем городе кого-то, кто сделал его лучше, проявив участие? Расскажите нам о классных людях из вашего региона, просто отправив историю в ответ на это письмо (7×7)». В конце краткого обзора новостей недели задается вопрос: «А вам какая новость на этой неделе запомнилась больше всего? Напишите нам об этом в ответ на письмо!».

Между тем, в экспертном интервью автору статьи директор онлайн-медиа Павел Андреев посетовал на негативное влияние пандемии на аудиторный фактор и рассказал о способах преодолеть его: «Пандемия скорее ограничила нас в возможностях коммуникации. Мы были тем СМИ, что активно делали офлайн-ивенты: как свои собственные, так и партнерские. Это направление деятельности вначале было полностью заблокировано, и сейчас не вернулось даже на 20% от доковидных времен. Нашим ответом на сокращение этого вида бизнеса был запуск собственной видеопродакш-студии и активное проведение онлайн-трансляций. В 2020 г. это вызвало большой интерес, поступали интересные заказы».

Роль журналиста в таких случаях вызывает вопросы: насколько автор профессионального медиаконтента должен находиться внутри своей аудитории? в какой мере соучаствовать в ее жизни? Однако в любом варианте процесс создания контента связывается в гражданской журналистике с выраженной позицией ее автора, с его тесным взаимодействием с аудиторией (зачастую — это выход к ней с различными ак-

циями за пределами собственно журналистского контента).

Ключевое слово упомянутого интервью в отношении фактора аудитории — *усталость* — казалось как состояния аудитории, так и сотрудников редакции, которые вынуждены не только использовать онлайн и гибридные форматы коммуникации, но и «работать в условиях правовой неопределенности и возможности отмены любого события в последний момент». Активность медиакомьюнити в пандемию редактор охарактеризовал следующим образом: «В начале пандемии был резкий всплеск аудитории к общественно-политическим новостям, всех интересовали локдауны, решения властей и реакция общества. Апрель 2020 г. — пиковый с точки зрения посещаемости и цитируемости. Затем наступил спад и охлаждение к общественной повестке. Сейчас я бы не сказал, что поведение сегодняшней аудитории как-то сильно отличается от докоронавирусной. Мы находимся в общем тренде онлайн-СМИ, когда аудитория сайтов падает, растет читаемость материалов и подписчиков СМИ в разных социальных сетях». Сращение традиционных медиа с социальными — общемировой тренд, который усилился в пандемию. Проявление гражданским журналистом политического и социального активизма особенно характерно для России.

Симптоматично, что достаточно масштабные медийные проекты, возникшие на основе краудфандинга, развились не в Москве, а в отдаленных регионах. Прежде автор статьи описывал развитие и возникновение в пандемийные годы новых цифровых платформ краудфандинга, использующихся медиапроектами («Сила слова»⁵, Planeta.ru⁶) [5], и краудсорсинга (Pressfeed.ru⁷), а сегодня все большее число людей демонстрируют готовность проявить солидарность с медиапроектами посредством онлайн-форматов. Симптоматично, что в 2020 г., в разгар пандемии, именно в России была запущена первая в мире специализированная крауд-платформа для журналистов и медиа, «Сила слова», которая сконцентрировала свои усилия на сборе средств для четырех видов проектов гражданской направленности:

- журналистские расследования;

⁵ URL: <https://word-power.ru/>

⁶ URL: <https://planeta.ru/>

⁷ URL: <https://pressfeed.ru/>

⁴ URL: <https://7x7-journal.ru/about>

- журналистские десанты в труднодоступные и отдаленные места для съемок;
- проекты медийной коллаборации нескольких редакций для освещения социально значимой в регионах тематики;
- поддержка журналистов (преимущественно на судебные расходы), лишенных работы и попавших в трудную жизненную ситуацию.

Данная платформа находится пока в стадии становления, и, по утверждению ее руководства, не готова работать с суммами более 100 тыс. руб.

Что касается контентного соучастия, то, помимо краудсорсинга на специализированной экспертной площадке Pressfeed.ru, сегодня оно связано еще с двумя моментами. Во-первых, это привлечение на сайт читателей, способных рассказать свою историю из жизни, например описать свой опыт воспитания и образования в формате сторителлинга в медиа «Мел»⁸. Лучшие истории попадают на главную страницу «Мела», а остальные отправляются в соцсети издания. Более тысячи авторов насчитывает и СМИ «Такие дела»⁹. Во-вторых, СМИ просветительской направленности активно привлекают к контентному соучастию медиаперсон и лекторов, готовых самовыражаться в форматах, свободных от бюрократических форм вузовской работы, и разделяющих ценности просветителей.

О сознательном строительстве медиа как комьюнити рассказал Григорий Туманов¹⁰, в то время — главный редактор популярного у поколения Z медиа «Батенька, да вы трансформер»¹¹. В выступлении Григорий Туманов говорил о концепции и ценностях издания: «Мы не идем за новостями... мы не сервис, мы изучаем трансформации общества и трансформируем своего читателя. В частности, как автора». «Батенька...» (как и медиапроекты типа «The Village») — это типичный представитель так называемых «крафтовых СМИ», которые создаются, по определению Т. В. Болдыревой, «малыми коллективами, сознательно отходящими от принципов журналистики как индустрии» [6]. Подобного рода медиапроекты объявляют себя самиздатом, принципиально не заявляясь на государственную регистрацию, подчас получая лицензию на другие, побочные сферы деятельности. Свое полулегальное существо-

вание объясняют репрессивным законодательством в отношении медиа, при этом они трудно подвергаются типологизации. Данные онлайн-медиа не найти ни в одном серьезном рейтинге, но они собирают многотысячную аудиторию, в том числе — в своих соцсетях. Принимая во внимание скорость обновления технологических медиаформатов, меняющиеся запросы аудитории в связи с выходом на авансцену поколений Y и Z и увеличение объема информации, мы вынуждены признать, что временное измерение «новизны» исчисляется уже не годами и днями, а минутами. Необходимо признать также, что гражданские активисты, блогеры и компактные редакции «крафтовой журналистики» гораздо быстрее и эффективнее справляются с использованием новых медийных инструментов, чем институты власти.

Особого внимания заслуживает виртуальный персонаж, Теодор Плаголев, придуманный редакцией издания «Батенька...». В истории журналистики России в связи с этим можно вспомнить Козьму Пруткову, литературную маску, под которой в журналах «Современник», «Искра» и других выступали в 50–60-е г. XIX в. поэт А. К. Толстой и три брата Жемчужниковы. Успех самиздатских медиапроектов зачастую базируется не только на передовых технологиях, но и на наличии мифологических элементов и артикулируемых ценностных установок.

Что касается ценностей, то многие исследователи отмечают рост солидарности во время пандемии в различных аспектах волонтерства перед лицом общей угрозы. При этом отмечается, что солидарность реализуется сегодня преимущественно посредством интернет-практик, и ее особенностью исследователи считают опору на потребности и интересы, озвученные в пространстве всемирной паутины, добровольность участия и способность к самоорганизации [7, 8]. Различные формы солидарности в журналистике последних лет многопланово рассмотрены Р. Г. Иванян, которая указывает, в частности, и на солидарность аудитории с журналистами как на гражданскую ценность: «Выражение поддержки лицам, находящимся под следствием или в заключении, краудфандинг для выплаты штрафов и многие другие примеры подчеркивают характерную черту современности — восприятие солидарности в качестве акта гражданского активизма» [9].

В отличие от популярных проектов самиздата, созданное выпускниками СПбГУ онлайн-медиа

⁸ URL: <https://mel.fm/>

⁹ URL: <https://takiedela.ru/>

¹⁰ URL: <https://www.youtube.com/watch?v=muLaCyvSnz4>

¹¹ URL: <https://batenka.ru/>

«Бумага»¹² относится к другого рода СМИ, оно зарегистрировано и имеет лицензию. Основанное как издание для петербуржцев и туристов города, оно переросло границы региона, указывается в рейтингах как федеральное издание и входит в 30 самых цитируемых российских онлайн-медиа. На сайте «Бумаги» сформулирована миссия издания, которая указывает на просветительскую и гражданскую направленность медиа: «Мы занимаемся журналистикой, чтобы привлекать внимание к важным для всех проблемам и влиять на их решение. Но кроме новостей и историй, мы делаем и другие медиапродукты. Мы организуем просветительские мероприятия в Петербурге и Москве». При всей своей коммуникативной открытости «Бумага» организовала «закрытое сообщество, клуб друзей», подписчики которого (за определенную плату) имеют некоторые преференции¹³, в частности «закрытые мероприятия и комьюнити единомышленников». Впрочем, поделиться своими советами с другими читателями можно, и не являясь членом клуба, а просто отправив тест в рубрику «Советы». Взаимодействие с аудиторией на принципах партнерства реализуется в последние годы в онлайн-форматах. Эти процессы стирают грань между региональными медиа, которые даже в свое название включают номер региона («53новости», «74.ру»), и медиа с изначально федеральной новостной повесткой: подписчики и члены «клуба друзей» больше не привязаны только к месту нахождения редакции.

¹² URL: <https://paperpaper.ru/>

¹³ URL: <https://paperpaper.ru/club-sale/#club>

Таким образом, для успешных медиапроектов необходимо создать цифровое медиакомьюнити. По нашим наблюдениям, этот процесс включает как минимум три условия:

1. Медиа должно огласить собственные ценности для своей аудитории, показать, что для него важно: трансформация (как это было у «Батюшка, да вы трансформер»), соучастие («Такие дела»), гражданская протестная активность («7*7») и т.д.

2. Медиа должно иметь собственный сторителлинг, своего рода мифологию (от виртуальных персонажей типа Теодора Глаголева из «Батеньки...» до реальных историй из личной жизни журналистов).

3. Необходима постоянная персонифицированная коммуникация с аудиторией, когда читатель знает авторов в лицо и может к ним обратиться.

Сегодня необходимо иметь несколько каналов коммуникации с адресатом — и это не только паблики, группы в социальных сетях, мессенджеры, но и рассылка личных писем, наличие адреса электронной почты автора текста.

Виртуальное комьюнити, не привязанное к территории проживания, как и цифровое гражданство, сегодня не просто желательный, но и единственно возможный способ развития и выживания независимых от бюджетного финансирования профессиональных журналистских проектов. Медиааудитории необходимо предоставить не только передовые цифровые инструменты, но и вовлечь ее в медиажизнь конкретного проекта.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Hans & Nilssen, Tore & Sørsgard, Lars. Business Models for Media Firms: Does Competition Matter for How They Raise Revenue. *Marketing Science*. 28. 10.1287/mksc.1090.0514. 2009. URL: https://www.researchgate.net/publication/45138115_Business_Models_for_Media_Firms_Does_Competition_Matter_for_How_They_Raise_Revenue
2. Борейко А. Д. Создание комьюнити вокруг медиа. Журналистика — Медиалогия — Наставничество. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 95-летию проф. Б. В. Стрельцова и 100-летию Белорусского государственного университета. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_45057744_34100930.pdf
3. Карапузов М. Ю. Перспективы развития механизмов прямой демократии с использованием информационно-коммуникационных технологий. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10;(2):36–39. DOI: 10.26794/2226–7867–2020–10–2–36–39
4. Бешкарев А. А. Информационный портал «7*7» как пример перспективного независимого межрегионального сетевого проекта. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2017;3–2(69):12–14.
5. Каминская Т. Л. Краудфандинг для медиапроектов: коммуникативные практики адресации. *Вопросы теории и практики журналистики*. 2021;10(3):487–499. DOI: 10.17150/2308–6203.2021.10(3).487–499
6. Болдырева Т. В. Феномен «крафтовых» медиа. *Поволжский педагогический вестник*. 2018;1(18):76–81.

7. Зубанова Л.Б., Зыховская Н.Л. Транзитная солидарность в современной сетевой культуре: между карнавалом и травмой. *Социологические исследования*. 2019;(5):119–128.
8. Юдина Е.Н., Алексеенко И.В. Солидарность в социальных сетях. *Коммуникология*. 2020;(1):114–127.
9. Иवानян Р.Г. Ценность солидарности в современной журналистике. *Гуманитарный вектор*. 2021;16(4):126–135.

REFERENCES

1. Hans & Nilssen, Tore & Sørsgard, Lars. Business Models for Media Firms: Does Competition Matter for How They Raise Revenue. *Marketing Science*. 28. 10.1287/mksc.1090.0514. 2009. URL: https://www.researchgate.net/publication/45138115_Business_Models_for_Media_Firms_Does_Competition_Matter_for_How_They_Raise_Revenue (accessed on 31.01.2022).
2. Boreiko A.D. Building a community around media. *Journalism – Medialogy – Mentoring. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 95th anniversary of prof. B. V. Streltsov and the 100th anniversary of the Belarusian State University*. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_45057744_34100930.pdf. (In Russ.).
3. Karapuzov M. Yu. Prospects for the development of direct democracy mechanisms using information and communication technologies. *Humanitarian sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(2):36–39. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226–7867–2020–10–2–36–39
4. Beshkarev A. A. Information portal “7*7” as an example of a promising independent interregional network project. *Philological Sciences. Questions of theory and practice*. 2017;3–2(69):12–14. (In Russ.).
5. Kaminskaya T. L. Crowdfunding for media projects: communicative addressing practices. *Questions of theory and practice of journalism*. 2021;10(3):487–499. (In Russ.). DOI: 10.17150/2308–6203.2021.10(3).487–499
6. T.V. The phenomenon of “craft” media. *Volga Pedagogical Bulletin*. 2018;1(18):76–81. (In Russ.).
7. Zubanova L. B., Zykhovskaya N. L. Transit solidarity in modern network culture: between carnival and trauma. *Sociological research*. 2019;(5):119–128. (In Russ.).
8. Yudina E. N., Alekseenko I. V. Solidarity in social networks. *Communicology*. 2020;(1):114–127. (In Russ.).
9. Ivanyan R. G. The value of solidarity in modern journalism. *Humanitarian vector*. 2021;16(4):126–135. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Татьяна Леонидовна Каминская — доктор филологических наук, доцент, профессор департамента массовых коммуникаций и медиабизнеса, Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-8371-787X>
tlkam1@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Tatyana L. Kaminskaya — Doctor of Philology, Professor of the Department of Mass Communications and Media Business, Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-8371-787X>
tlkam1@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 20.01.2022; принята к публикации 10.02.2022.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was received on 20.01.2022; accepted for publication on 10.02.2022.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-2-97-108
УДК 32.019.51(045)

Сетевая аудитория политической повестки в Республике Беларусь в 2020–2021 годах: цифровой портрет, мотивации и модели поведения*

Н.А. Тюков^а, Е.Р. Никулин^б, В.Л. Шаповалов^с

^{а, б, с} Московский педагогический государственный университет, Москва Россия; ^а Финансовый университет, Москва, Россия; ^с МГИМО МИД России, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена изучению особенностей протестной и провластной сетевой аудитории, вовлеченной в белорусскую протестную повестку в 2020–2021 гг. Актуальность данной темы обуславливается схожестью экономического, социального и культурного пространства Республики Беларусь и Российской Федерации, что дает основание предполагать взаимодействие неконвенциональных российских политических акторов с похожими группами в нашей стране. Методика исследования носит гибридный характер и состоит из когнитивного картирования, автоматизированного социально-медийного анализа и глубинного интервью. В статье представлены результаты, полученные при реализации разработанной методики. В качестве перспективы данного исследования следует отметить разработку инструментария и схемы формирования выборочной совокупности для проведения массового опроса для определения соотношения выявленных нами мотиваций и моделей поведения среди сторонников протеста и власти.

Ключевые слова: Республика Беларусь; сетевое пространство; протестная волна; релевантный цифроток; сетевая аудитория; структура аудитории

Для цитирования: Тюков Н.А., Никулин Е.Р., Шаповалов В.Л. Сетевая аудитория политической повестки в Республике Беларусь в 2020–2021 годах: цифровой портрет, мотивации и модели поведения. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(2):97-108. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-2-97-108

ORIGINAL PAPER

Network Audience of Protest Agenda in the Republic of Belarus in 2020–2021: Digital Portrait, Motivation, and Behavioural Models**

N.A. Tyukov^а, E.R. Nikulin^б, V.L. Shapovalov^с

^{а, б, с} Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia; ^а Financial University, Moscow, Russia; ^с MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article presents the study of the features of the protest and pro-government network audience involved in the Belarusian protest agenda in 2020–2021. The relevance of this topic is due to the similarity of the economic, social, and cultural space of the Republic of Belarus and the Russian Federation, which gives grounds to assume the interaction of unconventional Russian political actors with similar groups in our country. The research methodology is hybrid in nature and consists of cognitive mapping, automated social media analysis and in-depth interviews. The article presents the results obtained during the implementation of the developed methodology. As a prospect for this study, it should be noted the development of tools and a scheme for forming a sample population for conducting a mass survey to determine the ratio of the identified motivations and patterns of behaviour among supporters of protest and government.

Keywords: Republic of Belarus; network space; protest wave; relevant digital traffic; network audience; audience structure

For citation: Tyukov N.A., Nikulin E.R., Shapovalov V.L. Network audience of protest agenda in the Republic of Belarus in 2020–2021: Digital portrait, motivation, and behavioural models. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(2):97-108. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-2-97-108

* Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ № 21–011–31848 опн «Политический кризис в Белоруссии в 2020–2021 гг. (акторы, технологии, механизмы): вызовы для России».

** The study was carried out within the framework of the RFBR grant No. 21–011–31848opn “Political Crisis in Belarus in 2020–2021. (actors, technologies, mechanisms): challenges for Russia”.

Актуальность настоящего исследования обуславливается схожестью социально-экономической ситуации в Республике Беларусь (далее — РБ) и РФ, общностью языкового, исторического, а также информационного пространства, что способствует большему сближению ценностных и мировоззренческих особенностей граждан данных государств и их политического поведения. Подобного рода ситуация свидетельствует о высокой вероятности использования неконвенциональными политическими акторами стратегии мобилизации и масштабирования протестной волны для дестабилизации российского политического поля по белорусскому сценарию через формирование протестных установок у схожих групп российского населения.

Теоретическим объектом настоящего исследования является протест как массовое явление в части выражения в сетевом пространстве.

Предмет исследования — основные характеристики аудитории провластного и протестного цифротоков, посвященных событиям в РБ в 2020–2021 гг.

Эмпирический объект работы включает в себя релевантные тематике исследования цифротоки, состоящие из контента, продуцируемого как провластными и протестными медийными агентами, так и пользователями, вовлеченными в данную повестку; ответы респондентов в рамках глубинных интервью.

Целью данного исследования является портретирование пользователя, вовлеченного как в протестную, так и в провластную повестку в период с 01.06.2020 по 28.06.2021 г., в том числе — определение социально-демографических, языковых особенностей потребителей релевантного контента, их цифровой активности в сети и выявление мотиваций и моделей политического поведения.

Теоретическая база исследования состоит из работ М. Кастельса [1], П. Бергера и Т. Лукмана [2], Г. Рейнгольда [3] и Дж. Томпсона [4], с помощью которых мы определяем роль сетевого пространства в рамках неконвенциональных политических событий, а также исследований Е. В. Бродовской [5], А. Ю. Домбровской [6], А. А. Косорукова и В. С. Осипова [7], посвященных непосредственно изучаемому нами событийному ряду и позволяющих выявить особенности сетевого пространства РБ в контексте протестной волны в 2020–2021 гг. Также для выявления особенностей формирования массовой протестной повестки и механизмов

ее реализации считаем необходимым включить в теоретическую основу статьи работы Г. Лебона [8] и Х. Ортеги-и-Гассета [9].

Методологическая основа исследования состоит из двух научных подходов: сетевого, акцентирующего внимание исследователей политических процессов на роли сетевого пространства в их развитии, и когнитивной версии неонституционального подхода, определяющего в качестве ключевых мотиваций вовлечения пользователей в политическую активность не только рациональные, но и эмоциональные предпосылки.

Методика исследования носит гибридный характер и состоит из нескольких методов сбора эмпирических данных: когнитивного картирования, автоматизированного социально-медийного анализа и глубинного интервью.

Когнитивное картирование позволяет нам выявить реакцию пользователей на языковые и дискурсивные особенности контента, продуцируемого белорусскими политическими акторами, вовлеченными в повестку изучаемого событийного ряда, а также сформировать словарь поисковых запросов для реализации автоматизированного социально-медийного анализа. Матрица когнитивного картирования включает в себя следующие параметры: политическая позиция продуцента контента (два значения: «провластная позиция» и «протестная позиция»), дискурс единицы анализа, ее язык (три значения: «русский язык», «белорусский язык» и «английский язык»), число лайков и комментариев, а также семантическое ядро и дату публикации. Выборочная совокупность состоит из 668 исследовательских случаев, формировалась по принципу случайного отбора в рамках недельного интервала и квотировалась по политической ориентации продуцента и социально-медийной платформе (число контента распределялось по ним согласно степени их популярности и политизированности). Отдельного комментария требует параметр «Дискурс»: опираясь на трактовку дискурса П. Серио [10], в настоящем исследовании авторы рассматривают данную характеристику в качестве смыслового инструмента, позволяющего сетевым агентам путем актуализации определенных тематических блоков и интерпретации событийного ряда манипулировать мнением потребителей контента.

Автоматизированный социально-медийный анализ осуществлялся нами с помощью IQ Buzz. Матрица включала в себя следующие параметры: вес, пол, возраст (моложе 16 лет — 1; 16–25 лет —

2; 26–35 лет — 3; 36–45 лет — 4; 46–55 лет — 5; 56–65 лет — 6, старше 65–7), география (шесть областей РБ) и тип контента (бинарная шкала: комментарий рассматривается в качестве продукта вовлеченных в цифрпоток потребителей, а пост — результат активности сетевых агентов политических акторов).

Метод *глубинного интервью* реализовывался в онлайн-пространстве. Выборочная совокупность — 50 респондентов, которые отбирались в равной пропорции в провластных и протестных сообществах (по 25 чел.), т.е. интервьюировались только активно вовлеченные в повестку. В рамках интервью применялись ассоциативные и экспрессивные методики, сочетающие картиночные тесты с интервью по гайду. Респондентам предлагалось сначала выбрать вариант ассоциативной картинки, картинки-ситуации, затем объяснить, почему ими был сделан подобный выбор, а также описать собственное эмоциональное состояние. Отбор ассоциативных картинок и картинок-ситуаций проходил апробацию на фокус-группе, численностью 10 чел.

Первоочередной задачей в рамках данного метода является определение позиции респондента в белорусских политических процессах и его мотивации, приемлемой стратегии политической активности и ее обоснования.

В рамках **ассоциативного блока** участникам предлагалось выбрать референтный образ: успешного президента РБ, протестующего, приемлемые модели поведения, а затем выявить мотивации подобного выбора. Для определения наиболее привлекательного образа президента РБ нами были отобраны изображения, отражающие сложившиеся или формируемые образы политиков, стремящихся возглавить соседнее государство. Данные образы: «отец-кормилец», «мудрец», «мудрая мать» и «дева». Образы протестующих формировались с опорой на различные сегменты их политической активности («мыслитель», «защитник», «разрушитель» «нарцисс») и находили свое выражение в картинках, содержащих разные виды деятельности одного персонажа. Для выявления приемлемых моделей поведения в рамках протестной активности была составлена шкала картинок, отражающих неконвенциональное поведение как протестных, так и провластных активистов, их конвенциональное поведение, а также отстраненное наблюдение за релевантной повесткой.

Экспрессивный блок глубинного интервью состоял из анализа ситуации, отраженной на картин-

ке, и просьбы к респонденту описать свое место на этой картинке, роль, эмоциональное состояние и стратегию поведения. Данный раздел глубинного интервью включал в себя 6 вопросов, носящих бинарный характер (ситуации, позитивно влияющие на восприятие провластной и протестной риторики) и дифференцированных по степени их конвенциональности (от мирной акции протеста до жертв со стороны протестующих и правоохранителей).

Собранная эмпирическая база была проанализирована с помощью осевого, кросс-табуляционного, корреляционного анализа, определения средних, а также когнитивного картирования.

Результаты анализа структурированы по следующим сегментам:

- 1) выявление и сравнение основных территориальных, демографических (возраст, пол, регион) и языковых характеристик вовлеченной аудитории;
- 2) определение ведущих характеристик цифрового поведения потребителей релевантного контента;
- 3) описание референтных моделей поведения в совокупности с мотивационными установками.

ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АУДИТОРИИ

Анализ **возрастного параметра** (превалирующая возрастная группа, продуцирующая релевантный контент, *рис. 1*) показывает, что основная аудитория, вовлеченная как в провластную, так и протестную коммуникацию, схожа и представлена преимущественно пользователями в возрасте от 26 до 35 лет (значение «3»).

Половая структура аудитории (*рис. 2*) провластного и протестного цифрпотоксов схожа: на протяжении большей части анализируемого нами событийного ряда половое соотношение распределяется в равных пропорциях с превалированием одного или другого пола не более чем на 15%.

Примечательно, что пропорция мужских и женских профилей пользователей в обоих информационных потоках изменяется преимущественно синхронно, что указывает на единую ценностную базу пользователей, вовлеченных в них (триггеры, побуждающие пользователей оценивать событие, идентичны).

Анализ **территориального распределения** пользователей цифрпотоксов позволяет определить факт наличия (отсутствия) эпицентра протестной активности и ее периферии. Согла-

Рис. 1 / Fig. 1. Возрастные характеристики продуцентов релевантного цифротока / Age characteristics of the generators of the relevant digital stream

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

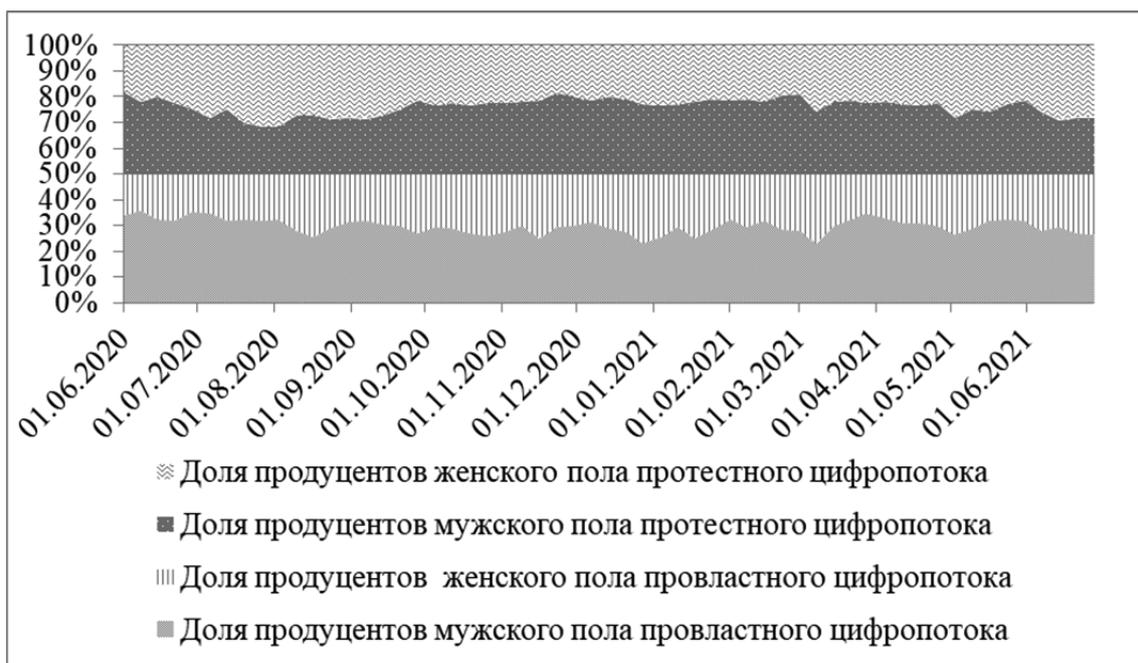

Рис. 2 / Fig. 2. Половые характеристики продуцентов релевантного цифротока / Sex characteristics of the generators of the relevant digital stream

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

сно данным, представленным в табл. 1, соотношение численности населения регионов РБ и распределение веса провластного и протестного цифротоков пропорционально с незначительными отклонениями. Подобного рода ситуация показывает, что протест не имел демографически обусловленного эпицентра и являлся равномерно распределенным.

Следовательно, территориальные и демографические показатели аудитории как протестного, так и провластного цифротоков схожи, что позволяет предполагать, что протест не носил территориального (поскольку нет противостояния центра и периферии), поколенческого и полового (так как половозрастная структура идентична) характера.

Таблица 1 / Table 1

Региональные характеристики релевантного цифротока / Regional characteristics of the relevant digital stream

Показатель	Минская область и город Минск	Брестская область	Витебская область	Гомельская область	Гродненская область	Могилевская область
Вес релевантного цифротока, %	Провластный цифротока 42	Провластный цифротока 11	Провластный цифротока 11	Провластный цифротока 18	Провластный цифротока 9	Провластный цифротока 9
	Протестный цифротока 41	Протестный цифротока 11	Протестный цифротока 12	Протестный цифротока 17	Протестный цифротока 9	Протестный цифротока 10
Население, %	37	15	12	15	11	11
Вес релевантного цифротока	Число единиц анализа, сегментированного по областям РБ (однозначно геолоцированного) Вес провластного внутреннего цифротока = 53 576 Вес протестного внутреннего цифротока = 83 849					

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

Отдельно необходимо рассмотреть **языковые предпочтения пользователей**, поскольку языковая специфика была ярко выражена в части дискурсов в исследуемый период.

Контент, продуцируемый провластными агентами, был полностью на русском языке, что естественно для его потребителей.

Цифровой менеджмент протестных цифровых агентов в языковом аспекте разнообразнее: активно использовался не только русский, но и белорусский, английский языки, доля контента на которых на некоторых этапах изучаемого событийного ряда доходила до 2/3 от общего объема. Однако реакция аудитории свидетельствует, что подобная языковая стратегия не оправдала ожиданий неконвенциональных политических акторов: среднее число лайков и комментариев на единицу контента: русскоязычного (1969 и 223 соответственно), белорусскоязычного (197 и 17 соответственно) и англоязычного (13 и 0 соответственно). Это показывает, что мотивы вовлеченных в протестную повестку не носят культурно-языкового характера, несмотря на то, что дискурсивное поле протестных сетевых агентов формировалось преимущественно из проблематик языкового вопроса, исторической и культурной идентичности, самости белорусской нации.

Таким образом, аудитория обоих цифротоков по территориальным, половозрастным и языковым характеристикам является достаточно однородной.

Анализ **ведущих характеристик цифрового поведения потребителей релевантного контента** позволяет определить уровень активности и степень вовлеченности в повестку, одобряемые и актуальные дискурсивные триггеры.

Как видно из *рис. 3, комментарии* преобладают на большей части хронологического ряда протестной волны. Это свидетельствует о высоком уровне вовлеченности пользователей в повестку протеста. Исходя из низкой амплитуды динамики возрастного параметра, следует полагать, что комментарии носили стихийный характер, что дополнительно указывает на высокую активность пользователей.

Также необходимо подчеркнуть, что корреляция изменчивости долевого соотношения комментариев и постов провластного и протестного цифротоков оценивается как высокая, что позволяют отметить схожесть **триггеров** для аудиторий, вовлеченных в повестку, а также их ценностных ориентаций.

Согласно динамике коэффициента вовлеченности, дающей возможность определить **цифровую активность белорусов** в сетевом пространстве в период протестной волны, до завершения периода эскалации вовлеченные в протестную повестку являлись активными комментаторами, как и потребители провластного контента, а после октября 2020 г. первые стали активно лайкающими, а вторые существенно снизили цифровую деятельность в рамках провластного цифротока.

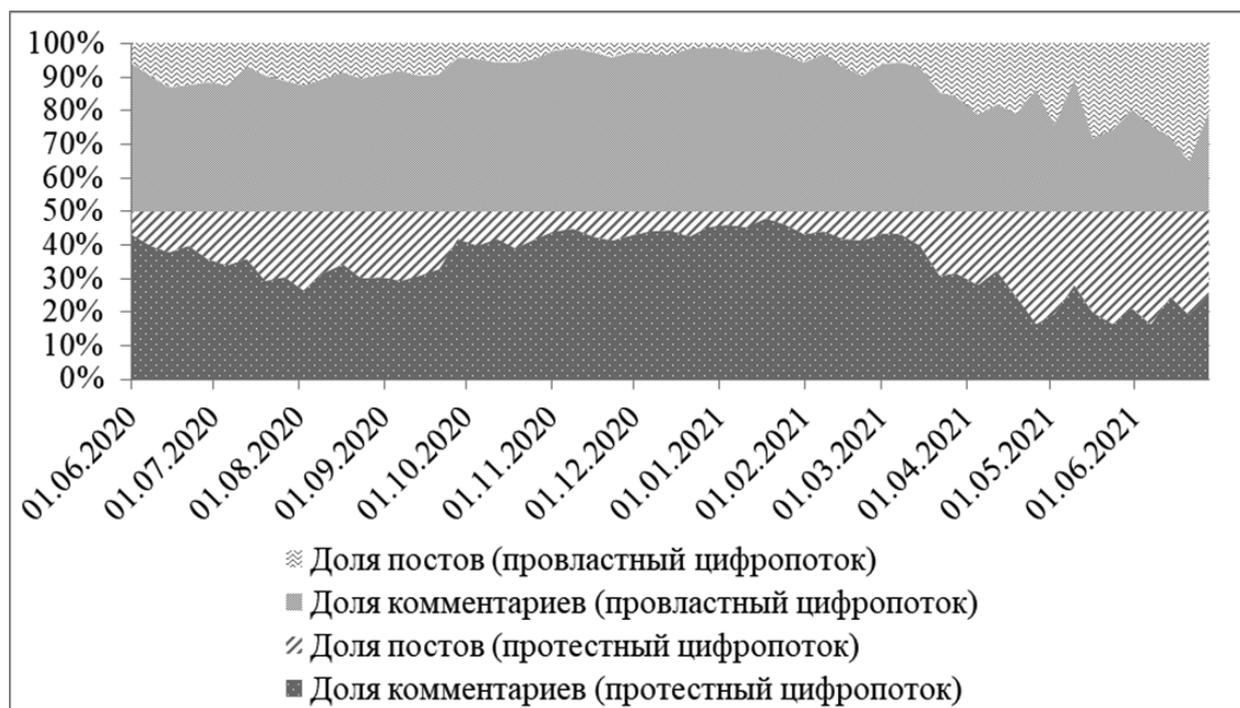

Рис. 3 / Fig. 3. Долевое соотношение типов релевантного цифрпоттока / Share ratio of relevant digital stream types

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

Для более подробного описания портрета провластной и протестной аудиторий в общем дискурсивном поле были выявлены одобряемые и актуальные **дискурсивные триггеры** (табл. 2).

В качестве дискурсивных триггеров отбирались дискурсы, набравшие 3/4 от максимального среднего числа лайков и репостов на один дискурс (более 3000 лайков и 500 комментариев). Дискурсивные триггеры были разделены на одобряемые и актуальные, исходя из характера реакции. Лайки и комментарии имеет несколько разные интерпретации реакции пользователей: лайк следует рассматривать в качестве сугубо одобрительного отношения потребителя к обозначенному дискурсу, а комментарий указывает на его актуальность, но не на безусловную симпатию к дискурсу.

Как видно из данных, представленных в табл. 2, одобряемые и актуальные дискурсивные триггеры в протестном цифрпоттоке идентичны и сосредоточены на дискредитации А. Лукашенко. Подобного рода ситуация указывает на успешный отбор транслируемых дискурсов протестными сетевыми агентами: они формируют актуальное для пользователей дискурсивное поле и успешно интерпретируют его в соответствии с запросом их аудитории. Однако стоит отметить, что из всего многообразия сформированной протестной дискурсивной

повестки успех у пользователей она получила только в сегменте дискредитации А. Лукашенко. Например, национально ориентированный ее сегмент не получил существенного отклика потребителей контента, что еще раз подтверждает тезис о единстве ценностного и языкового пространства вовлеченных в протест.

Сегменты провластных дискурсивных триггеров различаются, что свидетельствует о низкой степени эффективности встраиваемого цифрового менеджмента по дискурсивному полю.

Следует отметить, что большинство дискурсивных триггеров возникло в протестном сегменте цифрпоттока, что подтверждает высказанный выше тезис о цифровой активности потребителей протестного контента.

Для описания **референтных моделей поведения в совокупности с мотивационными установками** на основании анализа ответов респондентов в рамках глубинного интервью была построена смысловая карта (рис. 4, 5). В рамках ассоциативного блока определяются наиболее привлекательные для респондентов черты политического пространства (образ президента, протестующего, политической активности), отношение к различным моделям поведения в рамках протестной повестки в установленной ситуации и объяснение такого выбора.

Таблица 2 / Table 2

Дискурсивное поле релевантного цифротока / Discursive field of the relevant digital stream

Триггеры	Среднее число лайков (более 3000)	Среднее число комментариев (более 500)
Триггеры провластного цифротока	Агитация за Лукашенко (он мудрец); Протестующие разрушают страну	Дискредитация протестующих (их очень, очень мало, и они не имеют широкую социальную базу); ОМОН – люди (гуманизация, акцент на их чувства)
Триггеры протестного цифротока	Принятие репрессивных законов. Лукашенко – узурпатор власти. Призыв к более активному протесту. Часть служащих системы на стороне протестующих (нет единства в стране, Лукашенко не контролирует ситуацию). Лукашенко не актуален. Дискредитация Лукашенко (нет порядка в стране, меры правительства только все усугубляют, широкая социальная база протеста)	Принятие репрессивных законов. Лукашенко – узурпатор власти. Призыв к более активному протесту. Часть служащих системы на стороне протестующих (нет единства в стране. Лукашенко не контролирует ситуацию). Дискредитация Лукашенко (он лгун). Дискредитация Лукашенко (нет порядка в стране, меры правительства только все усугубляют, широкая социальная база протеста)

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

При анализе полученных данных респонденты были **сегментированы на три группы** относительно уровня и направленности вовлеченности в повестку. Примечательна следующая ситуация: если интервьюируемые подписчики провластных сообществ всегда открыто говорили о своей политической позиции, то среди участников протестно направленных сообществ была велика доля респондентов, скрывающих свои политические предпочтения и положительное отношение к протесту.

В рамках данной дифференциации были определены **наиболее приемлемые для представителей группы** образ успешного президента РБ протестующего, а также позиция представителя группы «внутри» событий в РБ в 2020–2021 гг.

Это позволяет определить успешные и неудачные стратегии по формированию имиджа белорусских политических акторов.

Для оценки **образа успешного президента РБ** в рамках тестового фокус-группового исследования нами были определены 4 изображения, соответствующие уже сформированному и конструируемому образу А. Лукашенко и С. Тихановской. Отметим, что в большинстве случаев респонденты с провластной позицией выбирают именно «мудреца» и «хозяйственника» в качестве приемлемых образов президента соседнего государства, что свидетельствует об эффективности выработанной имиджевой модели А. Лукашенко. По результатам тестов фокус-группового исследования олицетворением С. Тихановской был определен персонаж «дева». Но

он не был выбран респондентами ни в одном из глубинных интервью, а формируемый протестными сетевыми агентами образ С. Тихановской как «мудрой матери» не воспринимался среди протестно ориентированных интервьюируемых. Следовательно, необходимо отметить, что образ политического лидера протеста не был положительно воспринят даже гражданами РБ, разделяющими протестные установки.

Выявление основных черт **образа протестующего** и отношение респондентов к ним показало, различное восприятие, зависящее от предпочтительного образа успешного президента.

По результатам фокус-групп нами был сформирован набор изображений, характеризующих образ протестующего: «мыслитель», «защитник», «разрушитель», «нарцисс». Последний вариант не был выбран ни одним респондентом, что свидетельствует о восприятии деятельностного образа участника протеста.

Примечательно, что «мыслитель» оказался наиболее привлекательным для представителей преимущественно протестной аудитории, выбравших в качестве успешного президента образы «отец-кормилец» (хозяйственник) и «мудрая мать». Это указывает на оценку протеста как созидательного — если данное событие имеет «идею», «смысл».

Интервьюируемые, обозначившие в качестве успешного президента РБ «мудреца» (образ, преобладающий у провластных респондентов) вос-

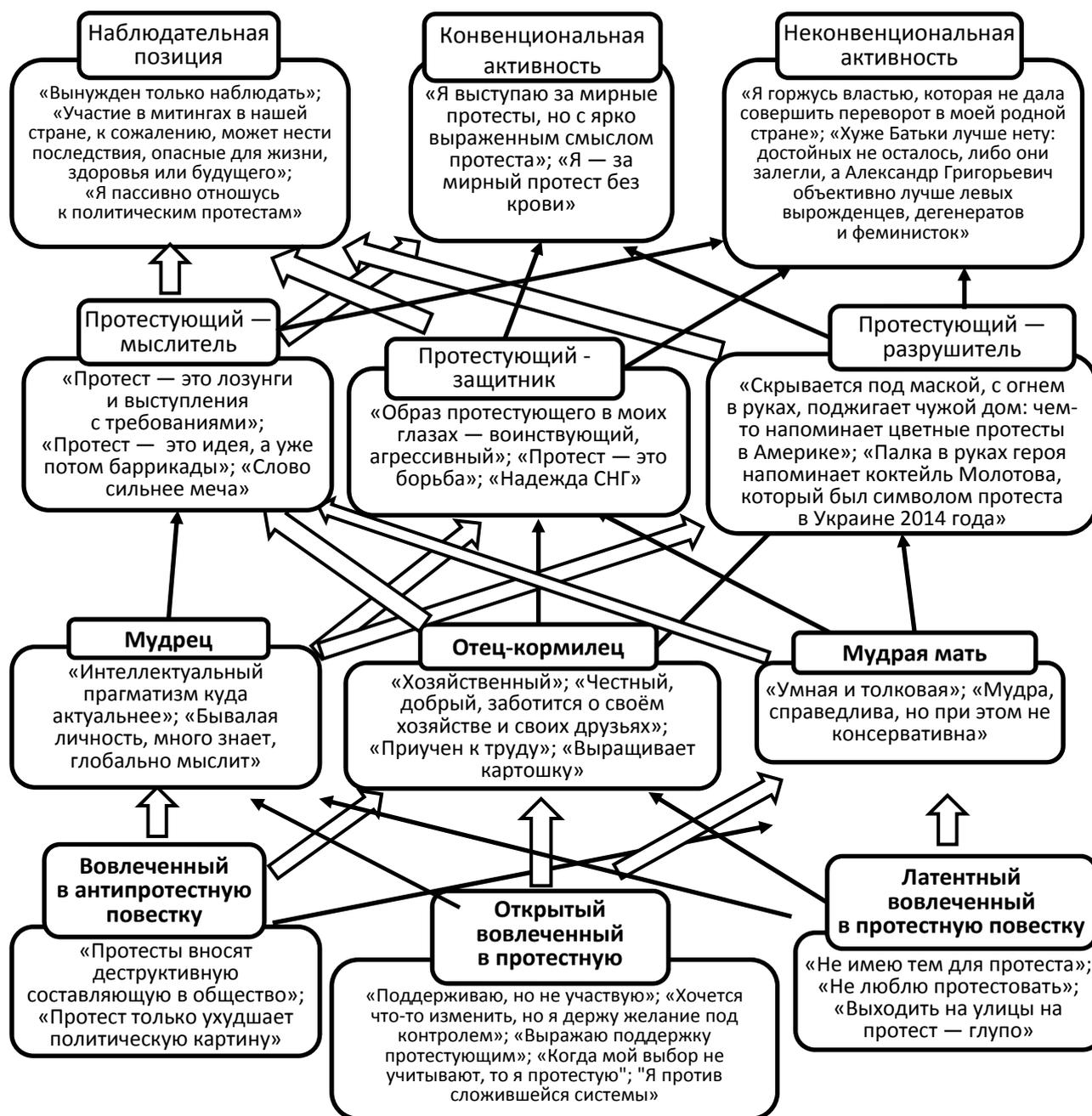

Рис. 4 / Fig. 4. Смысловая карта ответов респондентов (ассоциативный блок) / Semantic map of respondents' answers (associative block)

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

Примечание: указаны: основные параметры, выявленные нами в ходе фокус-группового тестирования инструментария и представленные в качестве ассоциативных картинок; фразы интервьюируемых, отражающие их мотивационные и поведенческие особенности. Толщина связей характеризует преобладающие модели для респондентов.

принимают протестующего в качестве угрозы. Это или «протестующий-разрушитель» (ассоциации с США и Украиной), или «защитник» чуждых интересов и «воинственный» и «агрессивный» борец.

Опираясь на это, логично отметить, что если респонденты, разделяющие протестные установки, хотят видеть в протестующих людей, формирующих идеи изменений в стране, то про-

ластные — угрозу стране и личной безопасности, что коррелируется с дискурсивными триггерами, представленными в табл. 2.

Наиболее приемлемой моделью поведения для респондентов обеих политических позиций является наблюдение.

Респонденты, вовлеченные в протестную сетевую повестку, не в последнюю очередь занимают

такую позицию из страха за свободу, жизнь и будущее. Они теоретически готовы к активным действиям, но обуславливают свое участие наличием проработанной идеи («не протест ради протеста, а протест ради чего-то реального») и мирным характером протеста. Ситуация с выбором респондентами в качестве «правильного» протестующего «мыслителя» имеет обратную корреляцию с дискурсивными триггерами (табл. 2), что указывает на «идейный голод» белорусского протеста.

Более интересная ситуация с провластными интервьюируемыми: несмотря на то, что образ протестующего у них связан с социальными потрясениями, наиболее приемлемой моделью поведения для них является наблюдение («моя хата с краю»).

Полученные мотивационные и поведенческие модели [рис. 5, смысловая карта (экспрессивный блок)] показывают, что мирный характер протеста является наиболее приемлемым для протестно ориентированных респондентов, что соотносится с наблюдательной позицией и конвенциональным характером политического поведения. Более того, данная позиция сохраняется и при проявлении жесткости со стороны правоохранителей: интервьюируемых возмущает ситуация «избиение протестующего», но призыв к активным действиям против правоохранителей («месть» и «справедливое наказание») встречался крайне редко. В целом, респонденты, являющиеся потребителем протестного контента, настроены на конвенциональный характер поведения, а основным мотивом поведения является стремление к справедливости.

Провластные респонденты чаще выражают агрессивное отношение к мирно протестующим, одобрение проявления жесткости к ним со стороны правоохранителей, но сохраняют при этом четкую позицию «наблюдателей-болельщиков».

Примечательно, что подавляющее большинство респондентов с состраданием относятся к любым жертвам событий. Большинство из интервьюируемых, описывая свое эмоциональное состояние и модель поведения отмечали, что наиболее приемлемое для них — помощь пострадавшему вне зависимости от его роли (правоохранитель или протестующий), что свидетельствует о позитивной тенденции: степень дихотомичности «свой-чужой» в контексте протестных событий ниже гуманистического, человеческого начала.

На основе полученных и описанных выше результатов можно сделать следующие **выводы**:

- По территориальным и демографическим показателям провластная и протестная аудитории схожи, что свидетельствует о том, что протест не носил поколенческий, половой или региональный характер.

- Языковые предпочтения аудитории также указывают на единообразие потребителей провластного и протестного контента, что следует рассматривать в качестве аргумента против культурного, цивилизационного противостояния в рамках протестной волны;

- Цифровое поведение пользователей, вовлеченных в протестный и провластный цифровые потоки, на этапе эскалации схоже: потребители являлись активными комментаторами, о чем свидетельствует доля комментариев в релевантном информационном потоке, а также его вес (более 20 000 единиц анализа еженедельно). Однако по прошествии данного периода цифровая активность протестно ориентированных пользователей сменилась на лайки, а потребители провластного контента снизили цифровую активность (без комментариев и лайков).

- Высокая степень корреляции динамики соотношения комментариев и постов в провластном и протестном цифровых потоках свидетельствует о схожести событийных триггеров, побуждающих пользователей к комментаторской активности, а также о схожести ценностных ориентаций протестной и провластной аудиторий.

- Успешно воспринятым потребителями сегментом дискурсивного поля является только пул дискурсов, посвященных дискретизации образа А. Лукашенко. Остальные дискурсы, сформированные протестными сетевыми агентами, следует считать неэффективными. Смысловый конфликт можно охарактеризовать как абстрактно-оценочный (хороший/плохой) с низким уровнем аргументации.

- Наиболее приемлемыми в сознании преобладающего числа респондентов являются образы, отображающие стабильное и безопасное развитие («отец», «мать», «мыслитель»), что свидетельствует о запросе общества (как со стороны провластно, так и протестно настроенных) на социальное благополучие и уверенность в будущем.

- В рамках политической активности наиболее предпочтительной моделью поведения, как для протестно, так и для провластно ориентированных, является наблюдение. При появлении жертв или жесткости (с любой стороны) мотивы

Рис. 5 / Fig. 5. Смысловая карта ответов респондентов / Semantic map of respondents' answers

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

сострадания и помощи пострадавшим преваляют в подавляющем большинстве случаев над политическими воззрениями респондентов.

На наш взгляд, актуальной перспективой настоящего исследования является составление инструментария и схемы формирования выбо-

рочной совокупности для реализации массового опроса (в онлайн- или офлайн-формате) с целью выявления соотношения мотивации и моделей поведения среди сторонников протеста и власти с образами политической действительности, которым они симпатизируют.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Castells M. The Rise of the network society. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/3746/ef34fd58d047d973008a0a723f832a83797e.pdf>
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М.: Медиум; 1995.
3. Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция. Пер. с англ. М.: ГРАНД-ФАИР; 2006.
4. Thompson J.V. Political scandal: power and visibility in the media age. Cambridge: Polity; 2000.
5. Бродовская Е.В. Массовые политические протесты в Республике Беларусь летом-осенью 2020 года: причины возникновения, социальная база, цифровая инфраструктура. *Журнал политических исследований*. 2021;5(1):23–35. DOI: 10.12737/2587–6295–2021–5–1–23–35
6. Домбровская А.Ю., Никулин Е.Р. Медийная инфраструктура протеста в «новых» медиа на примере белорусского кейса (декабрь 2019 года): структура, каналы, смыслы, технологии. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediynaya-infrastruktura-protesta-v-novyh-media-na-primere-belorusskogo-keysa-dekabr-2019-goda-struktura-kanaly-smysly-tehnologii>
7. Косоруков А.А., Осипов В.С. Механизмы социально-политической мобилизации молодежи на примере российских, белорусских и китайских телеграмм-каналов. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mehanizmy-sotsialno-politicheskoy-mobilizatsii-molodezhi-na-primere-rossiyskih-belorusskih-i-kitayskih-telegram-kanalov>
8. Лебон Г. Психология масс и народов. *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. Реферативный журнал*. 1995;(2):166–189.
9. Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. М.: Искусство; 1991.
10. Сериио П. Как читают тексты во Франции. М.: Прогресс; 1999.

REFERENCES

1. Castells M. The Rise of the network society. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/3746/ef34fd58d047d973008a0a723f832a83797e.pdf>
2. Berger P., Lukman T. Social construction of reality: a treatise on the sociology of knowledge. Moscow: Medium; 1995. (In Russ.).
3. Reingold G. Smart crowd: a new social revolution. Transl. from English. Moscow: GRAND-FAIR; 2006. (In Russ.).
4. Thompson J.V. Political scandal: power and visibility in the media age. Cambridge: Polity; 2000.
5. Brodovskaya E.V. Mass political protests in the Republic of Belarus in the summer-autumn of 2020: causes, social base, digital infrastructure. *Journal of Political Studies*. 2021;5(1):23–35. (In Russ.). DOI: 10.12737/2587–6295–2021–5–1–23–35
6. Dombrovskaya A. Yu., Nikulin E.R. Media infrastructure of protest in the “new” media on the example of the Belarusian case (December 2019): structure, channels, meanings, technologies. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediynaya-infrastruktura-protesta-v-novyh-media-na-primere-belorusskogo-keysa-dekabr-2019-goda-struktura-kanaly-smysly-tehnologii>. (In Russ.).
7. Kosorukov A. A., Osipov V.S. Mechanisms of socio-political mobilization of youth on the example of Russian, Belarusian and Chinese telegram channels. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mehanizmy-sotsialno-politicheskoy-mobilizatsii-molodezhi-na-primere-rossiyskih-belorusskih-i-kitayskih-telegram-kanalov>. (In Russ.).
8. Lebon G. Psychology of masses and peoples. Social and human sciences. *Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology. Abstract journal*. 1995;(2):166–189. (In Russ.).
9. Ortega y Gasset X. Aesthetics. Philosophy of culture. Moscow: Art; 1991. (In Russ.).
10. Serio P. How texts are read in France. Moscow: Progress; 1999. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Никита Анатольевич Тюков — кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии, Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия; доцент департамента массовых коммуникаций и медиабизнеса, Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-3916-2205>
niktuk@mail.ru

Егор Романович Никулин — магистрант исторического факультета Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-3431-9031>
egor.nikulin.98@bk.ru

Владимир Леонидович Шаповалов — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры политологии, Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия; доцент кафедры сравнительной политологии, МГИМО МИД России, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-2223-943X>
vladshapovalov@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Nikita A. Tyukov — Cand. Sci. (History), Associate Professor, Department of Political Sciences, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia; Associate Professor, Department of Mass Communications and Media Business, Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-3916-2205>
niktuk@mail.ru

Egor R. Nikulin — Master's student, Faculty of History, Institute of History and Politics, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-3431-9031>
egor.nikulin.98@bk.ru

Vladimir L. Shapovalov — Cand. Sci. (History), Associate Professor, Department of Political Science, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia; Associate Professor, Department of Comparative Political Science, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO(U)), Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-2223-943X>
vladshapovalov@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

Тюков Н.А. — разработка общей концепции исследования, глубинное интервью, интерпретация данных.
Никулин Е.Р. — социально медийный анализ, глубинные интервью, когнитивное картирование.
Шаповалов В.Л. — анализ и интерпретация данных.

Authors' declared contributions:

Tyukov N.A. — development of the general concept of the study, in-depth interviews, data interpretation.
Nikulin E.R. — social media analysis, in-depth interviews, cognitive mapping.
Shapovalov V.L. — data analysis and interpretation.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 05.02.2022; принята к публикации 25.02.2022.
Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.
The article was received on 05.02.2022; accepted for publication on 25.02.2022.
The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-2-109-114
УДК 32(045)

Информационное освещение протестов в Республике Беларусь в 2020 году в социальных медиа и средствах массовой информации: динамика и закономерности*

А.В. Немцев

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье представлен анализ социальных медиа протестных настроений в Республике Беларусь в 2020 г. В рамках работы с базой данных, собранной через IQ Buzz, приведена динамика протестных упоминаний в социальных медиа по основным временным интервалам и городам страны, представлен рейтинг наиболее популярных слов, а также показана роль внешних сил во влиянии на протестные настроения белорусских граждан. Полученные результаты позволяют рассматривать процесс организации массовых протестов через медиаинструменты как технологию со своими закономерностями и особенностями.

Ключевые слова: протестные общественно-политические настроения; протестная активность; анализ социальных медиа протестных настроений; протесты; выборы президента; Республика Беларусь

Для цитирования: Немцев А.В. Информационное освещение протестов в Республике Беларусь в 2020 году в социальных медиа и средствах массовой информации: динамика и закономерности. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(2):109-114. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-2-109-114

ORIGINAL PAPER

Information Coverage of Protests in the Republic of Belarus in 2020 in Social Media and Mass Media: Dynamics and Patterns**

A.V. Nemtsev

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article presents a socio-media analysis of protest moods in the Republic of Belarus in 2020. As part of working with a database collected through IQ Buzz, the author presented the dynamics of protest mentions in social media by main time intervals and cities of the country, the rating of the most popular words, and also showed the role of external forces in influencing the protest moods of Belarusian citizens. The results obtained allow us to consider the process of organizing mass protests through media tools as a technology with its own patterns and features.

Keywords: protest socio-political moods; protest activity; social media analysis of protest moods; protests; President elections; Republic of Belarus

For citation: Nemtsev A.V. Information coverage of protests in the Republic of Belarus in 2020 in social media and mass media: Dynamics and patterns. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(2):109-114. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-2-109-114

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31737.

** The study was financially supported by the Russian Foundation for Basic Research and ANO EISI within the framework of scientific project No. 21-011-31737.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность данного исследования определяется рядом существенных факторов. Во-первых, технология организации протестов в Республике Беларусь в 2020 г. является вызовом для всех персоналистских режимов постсоветского пространства, что подтверждается событиями в Казахстане в начале 2022 г. Во-вторых, в связи с закрытостью Беларуси для проведения исследований в области общественно-политических настроений, выявление раннего триггера появления протестных настроений в белорусском обществе представляется крайне тяжелым. В-третьих, технология внешнего информационного вмешательства, которая была применена в Республике Беларусь, может быть использована и для дестабилизации обстановки в России в период проведения национальных избирательных кампаний 2024, 2026 и 2030 гг.

В теоретико-методологическую основу работы вошли результаты исследований протестных настроений социологическими методами [1], методами анализа социальных медиа [2], концепция «спирали молчания» Э. Ноэль-Нойман [3], работы исследователей, изучающих распространение радикальных идей в онлайн-сетевом пространстве [4], работы К. Кларка, описывающие мобилизацию массового протеста и специфику интернет-повестки [5], и исследования протестной активности О. Габы [6].

Для выявления наиболее полной картины событий, происходящих в Республике Беларусь в 2020 г., автором был проведен анализ социальных медиа на основе данных, собранных через IQ Buzz при помощи автоматического поиска по ключевым запросам. Кроме этого, было проведено 15 глубинных интервью ведущих экспертов в России и Беларуси. В качестве экспертов были выбраны лидеры мнений, политологи, социологи, депутаты, журналисты, лидеры молодежных организаций и представители политических партий. Задача состояла в том, чтобы сравнить мнения экспертов из двух стран. Сочетание анализа социальных медиа и социальных сетей и глубинных интервью позволяет наиболее точно представить информационную картину произошедшего.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Практически все эксперты, опрошенные в ходе глубинных интервью, отмечают, что власти в Республике Беларусь до 2020 г. вели очень

либеральную политику в отношении свободы слова и присутствия на территории различных общественных организаций, финансируемых Западом. При этом до 2020 г. постоянно снижалось доверие к традиционным СМИ и параллельно формировалась оппозиционная информационная сеть, которая быстро переориентировалась на работу по критике властей. Основой сети были новые медиа (особенно выделяется роль телеграмма и ютуба). При этом на территории Беларуси функционировала целая сеть прозападных НКО (в области благотворительности, экологии и т.д.). Для властей это была удобная функция по созданию хорошо оплачиваемых рабочих мест, но во время протестов эта сеть быстро мобилизовалась. Информационная кампания активно велась через телеграм-каналы, телеграм-геочаты (дворовые и уличные), домовые чаты по подъездам (особенно в районах новой застройки). Все это способствовало сетевой мобилизации протестной активности.

Для проведения анализа социальных медиа использовалась база данных, собранных через IQ Buzz при помощи автоматического поиска по запросу через ключевые слова: «Лукашенко», «Беларусь», «Белоруссия», «арест», «протест» и т.д. Задача состояла в изучении политизированного протестного информационного сегмента, и в запросах не учитывается негатив по поводу коронавируса. Поиск был настроен на посты и новости во всех социальных медиа (без учета комментариев). Территория поиска — Беларусь, языки — все доступные, временной интервал — с 1 марта по 30 сентября 2020 г. Всего было найдено 10 895 единиц для анализа (суммарный охват — 77 255 796 единиц), суммарное количество взаимодействий (лайки, репосты и комментарии) — 34 688.

Динамика протестных упоминаний в социальных медиа показывает резкое нарастание негатива к выборам президента в начале августа 2020 г., далее фиксируется плавный спад. При этом наблюдается и второй пик во второй половине сентября, но он менее краткосрочный по сравнению с первым (рис. 1).

Распределение протестных упоминаний по городам показывает их наибольшее сосредоточение в Минске (34%). Около 30% распределены во всем другим городам Беларуси (наиболее крупные — Могилев — 6%, Гомель — 6%, Витебск — 6%, Брест — 4%, Гродно — 3% и Боб-

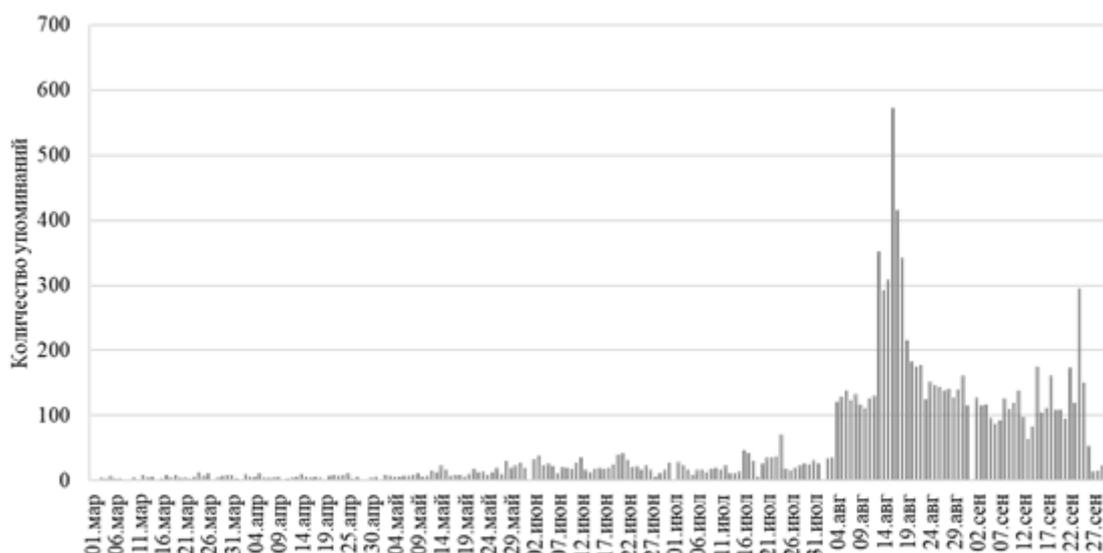

Рис. 1 / Fig. 1. Динамика протестных упоминаний в социальных медиа / Dynamics of protest mentions in social media

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

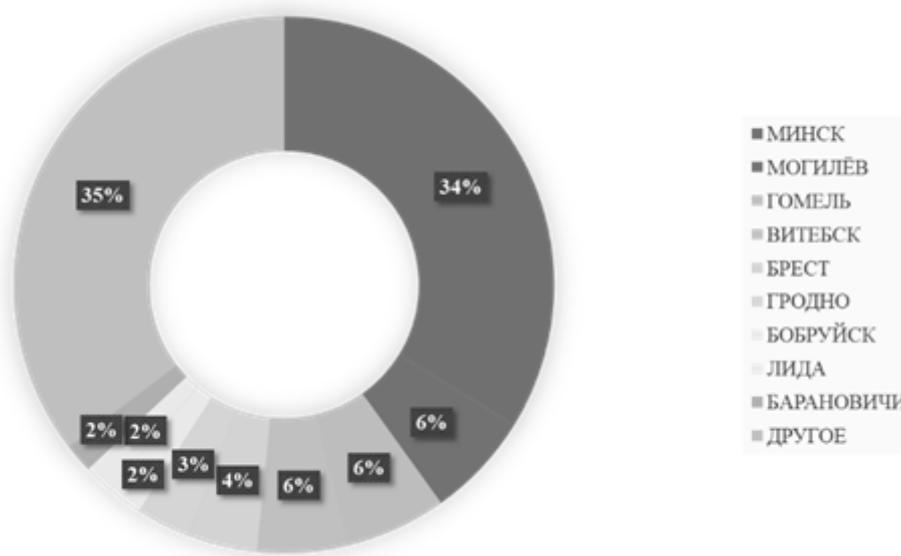

Рис. 2 / Fig. 2. Распределение по городам протестных упоминаний в социальных медиа / Distribution of protest mentions in social media by city

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

руйск — 2%). Без идентификации по городу остались 35% сообщений. График показывает явное доминирование столицы по сравнению с другими городами, что подтверждает гипотезу о Минске как центре сосредоточения протестных настроений (рис. 2).

Активность протестных сообщений во многом связана с восприятием жителями Респуб-

лики Беларусь своего положения, которое за последние годы было неоднозначным. С одной стороны, вырос новый городской средний класс (преобладание ИТ и мелкого и среднего бизнеса в сфере услуг). Этот класс особенно развился за последние годы как количественно (до 100 тыс. в 2-миллионном Минске), так и по уровню зарплат (в 5–10 раз больше, чем в госсекторе). Но

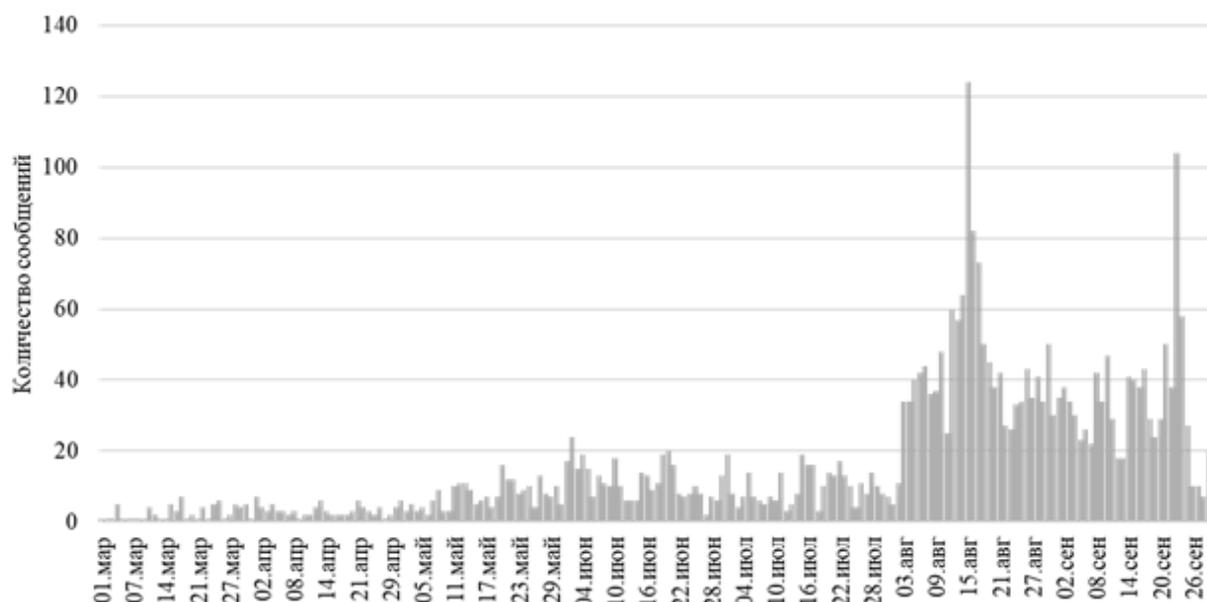

Рис. 3 / Fig. 3. Динамика протестных упоминаний в социальных медиа / Dynamics of protest mentions in social media

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

восприятие представителями среднего класса своего социально-экономического положения было скорее негативным, — они считали, что, если бы не авторитарная власть, то «получали бы больше».

Среди массива анализируемых сообщений наиболее популярные слова: «выборы» (5705 упоминаний), «протест» (4598), «человек» (4053), «Минск» (2989), «президент» (2940), «власть» (2342), «акция» (2275), «август» (1869), «народ» (1785), «новый» (1777), «город» (1625). Данный набор слов свидетельствует о том, что выборы стали ключевым событием для тиражирования в социальных медиа. При этом все основные слова подтверждают высокий уровень политического недовольства (эксперты считают, что одним из ключевых явлений в переходе протестных настроений в протестную активность стала именно политизация общества).

Охват более 1000 просмотров имеют 3355 сообщений из 10 895. Далее представлен график с динамикой протестных упоминаний в социальных медиа, но только для сообщений с охватом более 1000 просмотров (рис. 3). Пики приходятся на первую половину августа и на третью неделю сентября. Первый пик связан с выборами президента, второй произошел после встречи А. Лукашенко и В. Путина 14 сентября 2020 г. (поддержка России как ключе-

вой фактор в подавлении протестов). В целом, наблюдается совпадение двух графиков (для всех сообщений и сообщений с охватом более 1000).

Динамика протестных упоминаний в социальных медиа полностью подтверждает, что пик протестных настроений наблюдался в августе 2020 г., в то время как в сентябре шло плавное угасание. После поддержки со стороны России протестные упоминания в социальных медиа резко сократились.

Российские государственные СМИ в первой половине сентября занимали нейтральную позицию по протестам, утверждая при этом, что существует внешнее влияние. Однако уже с конца сентября 2020 г. информационная картина стала иной. В начале событий давались нейтральные оценки происходящему — о позиции Александра Лукашенко и о том, что если он попросит, то вмешается российская сторона. Однако после встречи Александра Лукашенко и Владимира Путина в середине сентября 2020 г. оппозиционные силы в Республике Беларусь оцениваются как «ведомые американскими кукловодами» и «несамостоятельные».

Говоря о международном влиянии, опрошенные эксперты указывают, что часть мировых лидеров (Россия, Китай и др.) поддержала Лукашенко после избрания, а другая (США, ЕС и др.) — не поддержала.

Сбор средств на поддержку протестных действий проходил через счета банков Польши и Литвы, например, на кампанию Тихановской или на ее содержание уже после высылки из Беларуси. После поддержки официальными властями России нынешнего президента Республики Беларусь отношение к России у протестующих ухудшилось. Все эксперты согласны с тем, что имело место иностранное вмешательство во внутривнутриполитической процесс в Республике Беларусь, но беспорядки во многих крупных городах страны связаны с внутренними проблемами.

ВЫВОДЫ

При отсутствии политической конкуренции в Республике Беларусь на протяжении долгих лет в общественной среде страны создавались предпосылки для событий, которые произошли в 2020 г. Значительная часть белорусского общества, особенно молодое и среднее поколения, устала от длительного нахождения на должности Президента страны Александра Лукашенко. В условиях выстроенной за рубежом информационной инфраструктуры белорусской оппозиции, помноженной на усталость значительной части населения, создались серьезные предпосылки для управления общественными настроениями белорусов в сети Интернет.

Главной целью организаторов протестов в Беларуси был Минск. Дестабилизация ситуации в столице страны могла позволить оппозиции добиться пересмотра результатов выборов. Остальные регионы рассматривались лишь в контексте оттягивания сил властей для контроля за столицей. В результате этого дискурс в столице раскручивался наиболее активно, что видно по результатам проведенного исследования. В случае общенационального протеста без вмешательства из-за рубежа информационная картина была бы более равномерной и доля сообщений в Минске не превышала бы 20–25%.

В условиях отсутствия убедительной информационной инфраструктуры в сети Интернет, лояльной белорусской власти первые дни после оглашения результатов голосования

власть не смогла предпринять никаких действий, направленных на защиту результатов выборов. А ответы власти вызывали лишь активное обсуждение в социальных сетях, что также подтверждается результатами данного исследования. Большая часть ответов воспринималась протестующими как нелегитимная и пропагандистская. Такой фон был создан после задержания многих конкурентов Александра Лукашенко, а также после объявления результатов выборов, где за его кандидатуру было отдано более 80% голосов принявших участие в выборах белорусов.

Немаловажной особенностью информационной картины событий в Республике Беларусь является отсутствие позитивных сообщений в адрес белорусских властей из-за рубежа в преддверии выборов. Западные политики не высказывали поддержку Лукашенко, но в ряде стран активно создавалась информационная структура белорусской оппозиции (прежде всего, в Польше и Литве). В России также крайне осторожно высказывались в адрес Лукашенко. Это связано с тем, что он сам развернул активную дискуссию в адрес перспектив сотрудничества с Россией, о чем рассказал в преддверии выборов в интервью украинскому журналисту, известному своей антироссийской позицией.

Таким образом, белорусская власть в условиях проявления протестных акций при нарастающем внешнем информационном давлении была вынуждена опираться исключительно на свои силы. И лишь после решения российского руководства поддержать ее протестная активность пошла на спад. После выражения поддержки в адрес Лукашенко со стороны Владимира Путина большая часть российских информационных каналов принялась освещать события в Беларуси в контексте попытки извне организации государственного переворота. Таким образом, в результате информационной поддержки со стороны руководства и средств массовой информации Российской Федерации уровень протестной активности существенно снизился, что опять-таки подтверждают результаты представленного исследования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Белоконов С. Ю., Игнатовский Я. Р., Печенкин Н. М. Динамика общественно-политических настроений и анализ результатов выборов в Республике Хакасия в 2018 году. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2019;9(4):19–24.

2. Бродовская Е. В., Домбровская А. Ю., Карзубов Д. Н., Синяков А. В. Развитие методологии и методики интеллектуального поиска цифровых маркеров политических процессов в социальных медиа. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2017;5(141):79–104
3. Noelle-Neumann E. *The Spiral of Silence: Public Opinion — Our Social Skin*. Chicago: University of Chicago; 1984.
4. Vujić J. *Radikalna misao. Fenomenologija politickog radikalizma*. Zagreb; 2016. 294 p.
5. Clarke K., Kocak K. Launching Revolution: Social Media and the Egyptian Uprising's First Movers. *British Journal of Political Science*. 2020;(50):1024–1045
6. Габа О.И. Основные подходы к изучению протестного настроения. *Научные труды Московского гуманитарного университета*. 2014;(11):69–76.

REFERENCES

1. Belokonev S. Yu., Ignatovsky Ya.R., Pechenkin N. M. Dynamics of socio-political sentiments and analysis of the election results in the Republic of Khakassia in 2018. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2019;9(4):19–24. (In Russ.).
2. Brodovskaya E. V., Dombrovskaya A. Yu., Karzubov D. N., Sinyakov A. V. Development of methodology and methods of intellectual search for digital markers of political processes in social media. *Monitoring public opinion: economic and social changes*. 2017;5(141):79–104. (In Russ.).
3. Noelle-Neumann E. *The Spiral of Silence: Public Opinion — Our Social Skin*. Chicago: University of Chicago; 1984.
4. Vujić J. *Radikalna misao. Fenomenologija politickog radikalizma*. Zagreb; 2016. 294 p.
5. Clarke K., Kocak K. Launching Revolution: Social Media and the Egyptian Uprising's First Movers. *British Journal of Political Science*. 2020;(50):1024–1045.
6. Gaba O. I. Basic approaches to the study of protest mood. *Scientific Works of the Moscow Humanitarian University*. 2014;(11):69–76. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Александр Викторович Немцев — кандидат социологических наук, доцент департамента политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0003-0158-6245>
AVNemtsev@fa.ru

ABOUT THE AUTHOR

Alexander V. Nemtsev — Cand. Sci. (Sociology), Associate Professor, Department of Politology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0003-0158-6245>
AVNemtsev@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 10.02.2022; принята к публикации 25.02.2022.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The article was received on 10.02.2022; accepted for publication on 25.02.2022.
The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-2-115-121
УДК 323.2(045)

Цифровая трансформация гражданского протестного участия в современной России

Ю.Н. Дорожкин, Э.Н. Гаекулов

Уфимский государственный нефтяной технический университет, Уфа, Россия

АННОТАЦИЯ

Проблема эффективного гражданского участия и конструктивного политического протеста в современной России является одной из наиболее актуальных в силу продолжающегося нациестроительства, укрепления и расширения массового правосознания, а также активизации общественных сил в деле устойчивого социально-политического развития. В связи с этим в статье анализируется процесс цифровой трансформации российского гражданского протестного участия. Исследование базируется на положениях системного, неоинституционального и сравнительного анализа; используется статистический метод. Авторы отмечают, что политический протест граждан с применением цифровых технологий отличается ненасильственным и мирным характером, осуществляется, главным образом, в социальных сетях и кроссплатформенных мессенджерах, а также в мобильных приложениях (типа карт с возможностями проставления меток и комментариев).

Ключевые слова: гражданская активность; интернет; политический протест; цифровое общество; цифровые технологии; цифровизация

Для цитирования: Дорожкин Ю.Н., Гаекулов Э.Н. Цифровая трансформация гражданского протестного участия в современной России. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(2):115-121. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-2-115-121

ORIGINAL PAPER

Digital Transformation of Civil Protest Participation in Contemporary Russia

Yu.N. Dorozhkin, E.N. Gaetkulov

Ufa State Oil Technical University, Ufa, Russia

ABSTRACT

The problem of effective civic participation and constructive political protest in contemporary Russia is one of the most urgent because of both the ongoing nation-building, and for strengthening and expanding mass legal awareness, activating social forces in the cause of sustainable socio-political development. In this regard, the article analyzes the process of digital transformation of Russian civil protest participation. The study is based on the provisions of systemic, neo-institutional and comparative analysis, using a statistical method. The authors noted that the political protest of citizens using digital technologies is characterized by a non-violent and peaceful nature, carried out mainly in social networks and cross-platform messengers, as well as in mobile applications (such as maps with the ability to label and comment).

Keywords: civic activism; internet; political protest; digital society; digital technologies; digitalization

For citation: Dorozhkin Yu.N., Gaetkulov E.N. Digital transformation of civil protest participation in contemporary Russia. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(2):115-121. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-2-115-121

ВВЕДЕНИЕ И ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Цифровизация открыла новые возможности для артикуляции интересов общественности и самоорганизации граждан, желающих защитить свои интересы и законные права [1–3]. В последнее время наблюдается нарастание гражданской активности в социальных сетях (Facebook, VK) и мессенджерах

(Telegram, прежде всего), особенно в тех, которые обеспечивают высокий уровень приватности и не замечены в том, что передают данные о пользователях сторонним организациям и лицам [4, 5]. Именно в ходе цифровизации произошло заметное снижение роли организаций в гражданском политическом участии — прежде всего, массовых партий

классического типа и движений, которые имеют юридическую регистрацию, иерархию, нормы, утвержденные в уставах, идеи, провозглашенные в программах, и характеризуются дисциплиной. Деятельность таких объединений осуществляется с четким разделением обязанностей и функций, с постоянной работой по привлечению и обучению новых сторонников, поддержанию их лояльности и должной степени мобилизации. Как правило, наличествует определенный лидер, вдохновляющий однопартийцев и являющийся лицом организации. На сегодняшний день значение таких движений становится все слабее. Эта тенденция, которую заметили еще в 1980-е гг. К. Бейме, П. Игнаци, А. Крувель, П. Мэйр и др., коснулась и левой, и правой сторон политической сферы. В качестве причин называются изменения социальной структуры (размывание рабочего и среднего класса, миграция, повышение роли женщин и пр.); ослабление традиционных ценностей; утрата авторитета классических идеологий; подрыв общественного доверия в связи с коррупционными скандалами, сделками с действующей властью, лоббизмом; информатизация и цифровизация и т.д.

Сегодня наблюдаются нарастание значения стихийных форм политического протеста. Многие современные гражданские активисты часто объединяются спонтанно, намеренно избегают какой-либо институционализированности.

Сама по себе стихийная форма протеста известна очень давно — со времен первых незапланированных бунтов и заранее не обдуманных восстаний, отличающихся иррациональностью, начавшихся самопроизвольно возникающими группами, которые распадаются вскоре после событий. Эта форма и ее движущая сила — толпа — в политическом измерении основательно изучена еще Гюставом Лебоном и Габриэлем Тардом. В ходе исследования политических событий XX в. Владимир Бехтерев, Серж Московичи, Хосе Ортега-и-Гассет и др. добавили много важных теоретических положений, раскрывающих социопсихологическую мотивацию участников массовых политических акций.

Таким образом, целью настоящей статьи является выявление специфики цифровой трансформации гражданского протестного участия в условиях современной России.

ПУТИ РЕШЕНИЯ

Для достижения цели исследования авторы провели контент-анализ 169 публикаций российских медиа, освещавших тематику массовых выступле-

ний граждан, используя неoinституциональный, системный и сравнительный анализ.

Вначале стоит определить понятия. В широком измерении политический протест можно рассматривать посредством феномена «массового движения» как силу (разрушительную или созидательную), которая питается недовольством существующим состоянием общественных и государственных дел и начинает политические изменения. Э. Хоффер считает, что «все формы приобщения к массовому движению: посвящение, преданность, верность, самоотверженность, по сути дела, — отчаянное цепляние за то, что может придать цену и значение нашей опустошенной и обанкротившейся жизни» [6]. Массовое протестное движение помогает человеку найти свое место в жизни и стать частью единой коллективной машины, устремленной к высоким целям перемен. Здесь мнение Э. Хоффера сходится с идеями Х. Арендт, которая очень обстоятельно исследовала феномен массы и массовых движений как прибежища потерянных людей, утративших социальный статус и связи [7].

В узком значении политический протест — это проявление недовольства и агрессии в политической сфере в результате ухудшения социально-экономической ситуации и появления значительного расхождения между ожиданиями и реальностью, что приводит к фрустрации [8]. Такое понимание больше всего подходит для анализа особенностей текущего политического процесса в тех странах, где наблюдается затяжной экономический упадок, постоянное сокращение политических возможностей для рядовых граждан, экспансия государства в социальную и частную сферы.

Именно массовые акции становятся каналом, с помощью которого выражается общественное недовольство. Этому способствует ряд обстоятельств. В массовых акциях индивид сохраняет анонимность, что снижает ответственность и открывает дорогу рискованным поступкам как положительного (взаимовыручка), так и отрицательного (вандализм, хулиганство) свойства. В связи с повсеместным распространением систем уличного видеонаблюдения участникам массовых мероприятий становится заметно труднее оставаться неузнанными. Поэтому все чаще используются кепки, банданы, маски, повязки, капюшоны, балахоны, скрывающие внешность. Необходимо учитывать свойственное массе стадное чувство, заметное снижение интеллектуального и культурного уровня тех, кто оказывается в толпе, повышение степени внушаемости, преобладание бессознательного и автоматического

в действиях толпы. На первый взгляд, масса кажется однородной, однако при ближайшем рассмотрении, видно, что она разнообразна и разнолика. Именно поэтому очень часто у массовых движений отсутствует лидер. Конечно, это не правило, а, скорее, частый случай. Сильное влияние на толпу оказывают внешние раздражители: громкие звуки (речь и музыка из усиливающих динамиков); резкие запахи, что часто используются для манипулирования эмоциями, согласно эффекту циркуляторной реакции, характеризующейся многократным усилением массовых настроений под влиянием внушения или заражения. Наиболее податливыми и восприимчивыми являются маргинальные слои.

Стремление к коллективным действиям базируется на склонности людей к совместной деятельности для эффективного достижения общей цели. На сегодняшний день чаще всего коллективные действия осуществляются в рамках таких социальных систем, которые являются гражданскими обществами. Примечательно, что люди ощущают неудовлетворенность состоянием дел в обществе и государстве тем сильнее, чем больше они уже сделали для их улучшения. Те, кто ранее не достиг каких-либо результатов, обычно не хотят чего-то большего и не подвержены сильному недовольству происходящими политическими событиями.

Ч. Тилли подчеркивает, что вторжение государства в повседневную жизнь рядовых граждан закономерно и неизбежно приводит к тому, что общественность начинает высказывать возмущение и прибегать к коллективным протестным действиям, чтобы противостоять этому [9].

Однако в современных условиях нарастание возмущения происходит в парадоксальном сочетании с тенденцией иного рода, выражающейся в кризисе политического участия, что особенно заметно в авторитарных системах. Кризис политического участия происходит в ситуации, когда находящиеся у власти группы не способны правильно понять и эффективно интегрировать политические требования общественности и не могут дать адекватный ответ и принять действенные решения на запросы со стороны общественных сил.

Кризис политического участия усугубляется спецификой авторитарных систем, правящие группы которых относятся к закрытому типу и воспроизводят сами себя, в отличие от элит демократических режимов, открытых для новых членов, в том числе, с более низким социальным статусом.

В большинстве случаев кризис политического участия возникает, когда правящий класс не от-

вечает на требования общественности и не устанавливает диалог с теми, кто стремится вовлечься в политический процесс. Причинами этой ситуации в основном могут быть:

- уверенность правящей группы в том, что только она легитимна и способна осуществлять власть в данной системе, а остальные не имеют на это прав и возможностей;
- непризнание правящей группой статуса тех, кто выдвигает требования и пытается оказать влияние на процесс принятия решений;
- неприятие правящей группой содержания требований оппонентов.

Кризис политического участия, как правило, можно разрешить в ходе институциональной адаптации или авторитарным давлением. В первом случае делаются какие-то изменения институционального дизайна (расширение перечня прав и свобод, запрет чего-то нелицеприятного и т.д.), способствующие включению требований оппонентов в повестку дня. Во втором случае система вводит запреты и репрессивные меры или делает видимость положительных изменений. Например, в авторитарных системах могут создаваться имитационные институты, принудительные формы политического участия.

В авторитарных системах, в которых права и свободы граждан серьезно ограничены и ущемлены, применение самого жестокого насилия к протестующим со стороны специальных подразделений является обычной практикой, только мирное заявление граждан о своих интересах и ненасильственное сопротивление бюрократическому и полицейскому произволу оказывается наиболее безопасным и эффективным средством. В случае некомпетентности власти, не справляющейся с возникающим и нарастающим массовым протестом, не умеющей правильно воздействовать на безусловные инстинкты, революция становится неизбежной. Так же неизбежно структуры власти слабеют и одна за другой теряют влияние. При этом залогом успеха является именно системное сочетание и последовательная реализация как можно большего количества методов с постепенным нарастанием и расширением — от разовых и немногочисленных символических акций, в том числе виртуальных (в которых нет признаков открытого противостояния со структурами власти), до крупных массовых событий в масштабах всей страны. Иными словами, необходима хорошо спланированная долгосрочная стратегия, подкрепленная дисциплиной тех, кто претворяет ее в жизнь. Такой подход позволяет привлечь даже

самых пассивных и запуганных граждан к борьбе за свои права и против незаконных действий. Речь идет о том, что в случае разрастания коррупции, увеличения числа преступлений, расширения обмана, когда реальность значительно отличается от того, что декларируется структурами власти, общественность может отказаться от повиновения этой власти. Именно тогда политический протест и даже мятеж воспринимается как нормальная реакция граждан. Особенно, если у граждан нет иных допустимых институциональных способов эффективного решения обострившихся проблем. Таким образом, при отсутствии результативных законных инструментов влияния на процесс принятия решений и на структуры власти общество имеет право для радикального выступления в защиту своих законных интересов, невзирая на средства достижения. Право народа на восстание обосновывали многие, в том числе Платон, Джон Локк и др.

Еще один важный фактор для политического участия — это политические ценности, выражающие политическое целеполагание, служащие координатами, в которых функционирует политическая система, осуществляются политические отношения и связи, действуют политические акторы. Именно политические ценности являются источником побуждения к политическим действиям (например, к революции может вдохновить идеал всеобщего равенства) или, напротив, могут останавливать их (от революции может уберечь консервативный настрой большинства). В случае отсутствия, размытости, заведомой недостижимости политических ценностей граждане остаются политически безучастными и пассивными, чем широко пользуются авторитарные системы.

Т.А. Эйк Тен показал связь между эволюцией информационно-коммуникативных технологий и ростом политических протестов [10].

В ходе информатизации граждане становятся более осведомленными, они получают новые компетенции, узнают о возможностях влияния на политику, о способах и последствиях эффективного политического участия или неучастия (тактика безбилетника). У общественности появляется понимание того, что информационно-коммуникационные технологии позволяют снизить затраты и издержки и получить более весомые преимущества от коллективных действий. Все это способствует изменению установок и логики рационально действующего индивида, и, следовательно, способствует изменению поведения всех возможных субъектов политического участия.

З. Туфекчи, исходя из данных, полученных в ходе изучения протестных движений в Турецкой республике, в которых использовались цифровые средства и технологии, показывает, что все больше рядовых граждан готовы принять участие в коллективных действиях. Более того, все больше граждан самостоятельно ставят цели, берут на себя решение организационных задач [11]. Из опросов протестующих выяснилось, что они не доверяют представителям государственной власти и не желают как-либо институционализировать движение в защиту парка Таксим-Гези в Стамбуле. Движение набрало силу в июне 2013 г. под хэштегом #occupegezi, объединило более 10 тыс. участников и получило известность ввиду жестких действий полиции, которая применила водометы и слезоточивый газ для разгона протестующих. В итоге погибло несколько человек, около 3 тыс. были арестованы. Парк удалось сохранить, и теперь его часто называют «кровавым».

Здесь речь идет об опасении потерять влияние на процесс принятия решений. Именно поэтому представителям органов государственной власти часто не дают доступ к микрофону во время митингов, как это и было в парке Таксим-Гези. Схожей позиции придерживаются во многих движениях.

В настоящее время хэштеги стали одним из наиболее эффективных и распространенных инструментов оперативного распространения сведений и привлечения внимания сторонников в интернете [12, 13]. Наиболее ярким примером начала успешного использования хештегов стала кампания в Египте в 2011 г. (#egypt), результатом которой явилась отставка президента Х. Мубарака.

Российские граждане также все более активно используют цифровые возможности [14]: например, в приложениях «Яндекс.Карты» и «Яндекс.Навигатор» с помощью функции «разговорчики» пользователи ставят точку на карте и пишут комментарии протестного характера. Однако администрация «Яндекс» занялась систематической зачисткой таких комментариев на своих ресурсах. В качестве еще одного примера можно назвать события января-февраля 2021 г., когда по всей России наблюдалась массовая протестная активность граждан, в ходе которой около 90 тыс. чел. использовали для самоорганизации технические средства, мобильные приложения, социальные сети. Большое значение имеет поддержка альтернативных медиа, базирующихся в Сети и использующих в том числе стрим-каналы.

Среди наиболее крупных и масштабных случаев публичного выражения массового недовольства граждан в России стоит отметить серию митингов против монетизации льгот в 2005 г., акции против подтасовок результатов выборов в 2011–2012 гг., по сей день продолжающееся упорное многомесячное сопротивление хабаровчан, поводом для которого стало отстранение от должности законно избранного губернатора Хабаровского края 20 июля 2020 г. На региональном уровне наиболее заметным за последнее время стало крупное выступление жителей Башкирии против произвола в отношении природного памятника и объекта геологического наследия горы Долгой (Куштау), в ходе которого было выражено недоверие местной власти (3–16 августа 2020 г.). При этом против протестующих было применено открытое и немотивированное насилие со стороны работников частных охранных предприятий и полиции. Административные формы воздействия и полицейское насилие — это весьма часто используемые региональными властями способы ликвидации политико-социальных конфликтов.

Отдельно стоит отметить, как искусно политические технологи используют тему новой коронавирусной инфекции для нагнетания атмосферы страха перед большими собраниями. Кроме того, возможности для политического протеста серьезно сокращены в связи с введением ограничений в виде требований наподобие соблюдения социальной дистанции, нарушение которых наказывается весьма значительными штрафами.

Политический протест с применением цифровых технологий, как правило, отличается ненасильственным и мирным характером. Большое внимание ненасильственным средствам политического протеста уделил Д. Шарп. Исследователь выделил 198 мирных способов выразить несогласие с действующей властью, среди которых отказ от сотрудничества с властью (социальные, экономические и политические бойкоты) и пр. [15]. Именно ненасильственные методы политического протеста являются наиболее востребованными в цифровом обществе.

В то же время С. Гонзалес-Байлон и Н. Ванг критически отмечают, что социальные сети отнюдь не всегда эффективны для самоорганизации граждан и успешного коллективного действия. Исследователи на основе анализа коллективных действий в Twitter, проходящих в рамках глобальной кампании «United for Global Change» («Едины для глобальных перемен») в 2012 г., показали, что социальные сети не всегда обеспечивают быстрое

распространение сведений и согласование коллективных действий, так как там есть лидеры общественного мнения и субъекты, способные оказывать влияние на граждан [16]. Кроме того, структуры власти прилагают большие усилия для контроля за интернет-коммуникациями [17, 18].

ВЫВОДЫ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Итак, на наших глазах под влиянием цифровизации происходит трансформация политического участия. Если придерживаться оптимистической трактовки, то можно сказать, что политическое участие само по себе не под угрозой. С одной стороны, все меньше граждан обращаются с письмами к депутатам и готовы стать дисциплинированными членами массовых и кадровых партий и голосовать по призыву их вождей. Однако, с другой стороны, растет число тех, кто выражает требования в виде гражданских бойкотов, подписывает петиции в интернете, проводит одиночные пикеты, участвует во флешмобах, в обсуждениях проблем в социальных сетях и т.д.

Авторитарные системы, стараясь сохранить стабильность и власть, не имея возможностей (часто желания и мотивации) эффективно решать экономические проблемы, прибегают к популизму, самостоятельно перераспределяют социальные блага путем прямого вмешательства для скорейшего успокоения и недовольных, и лояльных граждан. Это не только не способствует разрешению проблем, но в долгосрочной перспективе усугубляет их, а также подрывает классическую схему политического участия, приводит к политическому кризису. В итоге система становится неустойчивой, число социальных проблем увеличивается, общественное недовольство растет, возникает политический протест, чаще всего — скрытый.

Основными особенностями политического протеста граждан с использованием цифровых технологий в России являются: ненасильственный характер, децентрализация, вовлеченность все более широких слоев общественности.

Обсуждение особенностей политического участия в цифровую эпоху в России и возникающих при его развертывании вызовов неизбежно затрагивает проблемы повышения градуса общественного недовольства.

По мнению авторов, для разрешения сложившегося в России кризиса политического участия необходим открытый, полноценный, безопасный и уважительный диалог между общественностью и властью.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы: Исследования относительно категории буржуазного общества. М.: Весь мир; 2016. 344 с.
2. Лебедева М.М., Харкевич М.В., Зиновьева Е.С., Копосова Е.Н. Архаизация государства: роль современных информационных технологий. *Полис. Политические исследования*. 2016;(6):22–36.
3. Theocharis Y. The Conceptualization of Digitally Networked Participation. *Social Media + Society*. 2015;(2):1–14.
4. Баринов Д.Н. Политический дискурс в социальных медиа: специфика производства и факторы эффективности. *Политика и Общество*. 2016;6(138):755–764.
5. Ефанова Е.В. Социальные медиа как инструмент публичной политики в современной России. *Известия Саратовского университета. Серия: Социология. Политология*. 2018;18(1):92–95.
6. Хоффер Э. Человек убежденный: Личность, власть и массовые движения. М.: Альпина Нон-фикшн; 2017. 200 р.
7. Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом; 1996. 672 с.
8. Селлер П. J-кривая Дэвиса. Теория и методы в современной политической науке: первая попытка теоретического синтеза. М.: РОССПЭН; 2009.
9. Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992 гг. Пер. с англ. М.: Территория будущего; 2009. 324 с.
10. Ten Eyck T.A. Does information matter? A research note on information technologies and political protest. *The Social Science Journal*. 2001;(38):147–160.
11. Tufekci Z. The medium and the movement: Digital tools, social movement politics, and the end of the free rider problem. *Policy & Internet*. 2014;(6):202–208.
12. Быльева Д.С. Сеть как новый вид пространства. *Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского университета. Гуманитарные и общественные науки*. 2016;(2):124–130.
13. Крыштановская О.В. Исследования политической коммуникации: государство и социальные сети. *Вестник ГУУ*. 2018;(6):171–176.
14. Яковлев М.В. Российская демократия: особенности концепта. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2013;(1–2):216–218.
15. Шарп Д. От диктатуры к демократии: Стратегия и тактика освобождения. М.: Новое издательство; 2012. 84 с.
16. Gonzalez-Bailon S., Wang N. Networked discontent: The anatomy of protest campaigns in social media. *Social Networks*. 2016;(44):95–104.
17. Солдатов А., Бороган И. Битва за Рунет: Как власть манипулирует информацией и следит за каждым из нас. М.: Альпина Паблишер; 2017. 342 с.
18. Baraniuk K. Corpus-Based Analysis as a Method to Identify Russian Trolling Activity. *Polish Political Science Yearbook*. 2017;(1):239–255.

REFERENCES

1. Habermas Jürgen. The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society. Moscow: Ves Mir; 2016. 344 p. (In Russ.).
2. Lebedeva M.M., Kharkevich M.V., Zinovieva E.S., Kuposova E.N. State archaization: the role of information technologies. *Polis. Politicheskie issledovaniya = Polis. Political studies*. 2016;(6):22–36. (In Russ.).
3. Theocharis Y. The Conceptualization of Digitally Networked Participation. *Social Media + Society*. 2015;(2):1–14.
4. Barinov D.N. Politicheskii diskurs v sotsial'nykh media: spetsifika proizvodstva i faktory effektivnosti. *Politika i Obshchestvo = Politics and Society*. 2016;(6):755–764. (In Russ.).
5. Efanova E.V., Melnichenko D.V. Social media as the tool of public policy in modern Russia. *Izvestia Saratovskogo Universiteta. Seria: Sociology. Politology = News of Saratov University. Series: Sociology. Political Science*. 2018;(1):92–95. (In Russ.).
6. Hoffer E. The True Believer: Thoughts on the Nature of Mass Movements. Moscow: Al'pina Non-fikshn; 2017. 200 p. (In Russ.).
7. Arendt H. The origins of totalitarianism. Moscow: TsentrKom; 1996. 672 p. (In Russ.).
8. Seller P. Davis' J-curve. Theory and methods in Modern Political Science: the first attempt at theoretical synthesis. Moscow: ROSSPEN; 2009:371–387. (In Russ.).

9. Tilly Ch. Coercion, Capital, and European States, AD 990–1990. Moscow: Territoriya budushchego; 2009. 324 p. (In Russ.).
10. Ten Eyck T.A. Does information matter? A research note on information technologies and political protest. *The Social Science Journal*. 2001;(38):147–160.
11. Tufekci Z. The medium and the movement: Digital tools, social movement politics, and the end of the free rider problem. *Policy & Internet*. 2014;(6):202–208.
12. Byl'eva D.S. The internet as a new type of space. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo universiteta. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki = Scientific and Technical Bulletin of St. Petersburg University. Humanities and social sciences*. 2016;(2):124–130. (In Russ.).
13. Kryshantovskaya O., Filippova A.M. Research of political communication: the state and social media. *Vestnik Universiteta*. 2018;(6):171–176. (In Russ.).
14. Yakovlev M.V. Russian democracy: features of concepts. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauk, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki = Historical, philosophical, political, and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice*. 2013;(1–2):216–218. (In Russ.).
15. Sharp G. From Dictatorship to Democracy: A conceptual framework for liberation. Moscow: Novoe izdatel'stvo; 2012. 84 p. (In Russ.).
16. Gonzalez-Bailon S., Wang N. Networked discontent: The anatomy of protest campaigns in social media. *Social Networks*. 2016;(44):95–104.
17. Soldatov A., Borogan I. The Battle for the Runet: How the authorities manipulate information and monitor each of us. Moscow: Alpina Publisher; 2017. 342 p. (In Russ.).
18. Baraniuk K. Corpus-Based Analysis as a Method to Identify Russian Trolling Activity. *Polish Political Science Yearbook*. 2017;(1):239–255.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Юрий Николаевич Дорожкин — доктор философских наук, профессор кафедры социальных и политических коммуникаций Института нефтегазового бизнеса, Уфимский государственный нефтяной технический университет, Уфа, Россия

<https://orcid.org/0000-0002-3507-7337>

dorword@mail.ru

Эмиль Наилевич Гаеткилов — аспирант кафедры социальных и политических коммуникаций Института нефтегазового бизнеса, Уфимский государственный нефтяной технический университет, Уфа, Россия

<https://orcid.org/0000-0001-8865-1489>

emil.gaetkulov@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Yuri N. Dorozhkin — D. Sc. (Philosophy), Professor, Department of Social and Political Communications, Institute of Oil and Gas Business, Ufa State Petroleum Technological University, Ufa, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-3507-7337>

dorword@mail.ru

Emil N. Gaetkulov — PhD Student, Department of Social and Political Communications, Institute of Oil and Gas Business, Ufa State Petroleum Technological University, Ufa, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-8865-1489>

emil.gaetkulov@mail.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 17.01.2022; принята к публикации 10.02.2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 17.01.2022; accepted for publication on 10.02.2022.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-2-122-130

УДК 316(045)

Межкультурная коммуникация как один из ключевых аспектов успешных деловых отношений молодых специалистов

А.А. Луговая

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена рассмотрению базовых вопросов межкультурной коммуникации и методов обучения этому навыку студентов неязыковых вузов. Культурный аспект является одним из основообразующих в современном мире, и его нельзя игнорировать. Ключевые знания и навыки межкультурного общения становятся частью «мягких компетенций» молодых специалистов, а также помогают им в профессиональной подаче себя и налаживании рабочих связей с иностранными партнерами. Онлайн-курс, составленный преподавателями департамента иностранных языков и межкультурной коммуникации, является методом, позволившим оценить эффективность освоения межкультурной коммуникации студентами Финансового университета в изучении вышеназванной дисциплины, а также практической частью нижеприведенного исследования. В результате курса были выявлены высокие показатели мотивации обучающихся к дальнейшему изучению межкультурной коммуникации, в том числе и самостоятельно. Перспективой для дальнейших исследований и разработки подобных онлайн-курсов является активное развитие цифровизации в сфере образования, а также современные инновационные методы подачи материала студентам с помощью дистанционных онлайн-технологий.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация; культурные модели; деловые переговоры; глобализация; межкультурная компетенция; профессиональное общение; коммуникационные стили; онлайн-курс

Для цитирования: Луговая А.А. Межкультурная коммуникация как один из ключевых аспектов успешных деловых отношений молодых специалистов. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(2):122-130. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-2-122-130

ORIGINAL PAPER

Cross-cultural Communication as One of the Key Aspects of Successful Business Relationships of Young Professionals

A.A. Lugovaya

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The modern world offers new challenges for the world economic relations. Nowadays culture is one of the most important aspects in understanding different economic and business environments because it reflects various historical and traditional peculiarities of this or that society. The country development can be influenced by its own culture and, therefore, correct understanding the nature of culture and its characteristics is substantial to international business relations. The relevance of the study of intercultural communication issues and, mainly, the acquaintance of students-future economists with them responds to modern globalization, which does not stay on the sidelines from business. Knowledge and awareness of young professionals in the field of intercultural communication is one of the most important soft skills and determines their successful career development and achievement of high goals at work. Consequently, the necessity to bring in basic and practical scholastic attainments of the above-mentioned science in the sphere of education becomes more comprehensive and crucial. The method of involving students at Financial University in the generic question of intercultural communication is an online course prepared by teachers of the department of foreign languages and cross-cultural communication. This educational tool illustrated students' interest in studying this academic discipline, their desire to develop new skills and deepen existing knowledge. The results of the online course displayed a high percentage of digestibility of the material by students and increasing motivation to study this area of knowledge on their own.

Keywords: cross-cultural communication; online course; business negotiations; cultural models; communication styles; globalization; intercultural competence; professional communication

For citation: Lugovaya A.A. Cross-cultural communication as one of the key aspects of successful business relationships of young professionals. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(2):122-130. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-2-122-130

© Луговая А.А., 2022

Nowadays modern world tends to globalization in any sphere of individuals' life. It goes without saying that global culture implies a multicultural society and always includes localization in the form of responses to global trends. Cross-cultural communication of global and local cultures is manifested in the creation and functioning of mechanisms for the global interaction of cultures. According to Mogilevich, essential trends of global development require understanding the problems of intercultural communication of representatives of different cultures and societies, which integrate all spheres of human communication at the level of individuals, social groups, states, and civilizations both within the same culture and in the interaction of different cultures [1, p. 383]. It means that nowadays the global society tends to respect and fully understand different phenomena in communication. Mogilevich points out that the key condition for the success of cross-cultural communication in the era of globalization is the cultivation of a tolerant attitude towards other cultures, languages, and their carriers. [1, p. 386] Moreover it is literally impossible to succeed in the modern world without analyzing, learning, and understanding the mentality of this or that country. Especially it is extremely important to be aware of the state of mind of your foreign partners.

Speaking about future economists for instance, we must point out that teachers of foreign languages at universities should try to educate them in the sphere of cross-cultural communication and give them enough knowledge for their success and well-being at work. Nowadays young people in Russia are eager to work in multinational corporations because they can get a lot of benefits for their self-development and experience. Accordingly, they will have to communicate and integrate with their colleagues from other countries. Consequently, young specialists will have to understand some specific features of representatives of different cultures and be able to cooperate with them successfully. Nowadays it goes without saying that topicality of learning cross-cultural communication at universities is becoming more and more urgent and essential for future economists. Thus, this sphere is supposed to be one of the key aspects of successful business relationships.

Many outstanding scholars scrutinized the problem of cross-cultural competence and contributed a lot into the development of intercultural

communication as a science. They offered different models for describing and analyzing national business cultures, as well as their own typologies based on certain common cultural criteria. As many experts emphasize, even a good knowledge of a foreign language is not enough for effective communication with its native speakers. Each nation has its own communication traditions, which are expressed in rituals, behavior, gestures, facial expressions, movements, ways of thinking, etc. During a business meeting, representatives of different cultures act in accordance with their cultural norms and national mentality. People's belonging to a certain nation, ethnic group, social group, religious denomination, professional community, etc. generates sociocultural differences that can cause significant difficulties in the process of communication. A teacher's goal is to facilitate students' understanding of all these aspects and peculiarities. Specialists dealing with the problems of cross-cultural communication study the features of the perception of a foreign culture by representatives of different nationalities. Researchers identify six types of reactions to another culture and its representatives: Denial of cultural differences (this type of perception is based on the belief that all people share or must share the same values; they must think and act the same way); Protection of one's own cultural superiority (this perception is based on the recognition of the existence of other cultures, however, there is a strong perception that the values of a foreign culture threaten the usual order of things, ideological foundations, and the established way of life); Minimization of cultural differences (this type of perception is characterized by the recognition of the possibility of the existence of foreign cultural values, norms of behavior and the search for common unifying features); Acceptance of the existence of intercultural differences (this perception differs by the knowledge of another culture, by its benevolent attitude, but does not imply active penetration into a different environment); Adaptation to a new culture (this type is characterized by a positive attitude to another culture, perception of its norms and values, the ability to live and act according to its rules while preserving its own cultural identity); Integration into both native and new cultures (the type of reaction of a multicultural personality, which perceives foreign cultural norms and values as its own) [2, p. 605].

A great contribution to the development of problems of intercultural communication was made by the outstanding British linguist R. D. Lewis. The author's goal was to show that cultural values cannot be good or bad, logical, or irrational. They are different from each nation, and we must learn to perceive them correctly. R. D. Lewis conditionally divides all cultures in the world into three types: mono-active, poly-active and reactive. The scientist calls a culture mono active if the representatives of it prefer to plan their life, schedule, organize activities in a specific sequence, and only do one thing at a time. The typical examples of such a culture are Americans, British, Germans, Swiss, Swedes, etc. They believe that with a so-called line organization of labor, you can act more efficiently and achieve great results.

Sociable people (Italians, Latin Americans, Arabs, etc.) belong to poly-active cultures, and they are used to do many things at the same time, often not finishing them. They plan the order of affairs not according to a schedule, but according to the degree of relative attractiveness, significance of an event at the moment. Poly-active people don't care much about punctuality. They believe that reality is more important than the routine established by a human being; therefore, they easily reconstruct and often change the sequence of work.

Reactive (listening) cultures attach the highest significance to politeness and respect. Representatives of these cultures are residents of Japan, China, Taiwan, Singapore, Korea, Turkey, Finland — they prefer to listen to the interlocutor silently and quietly, carefully reacting to the proposals of the other party. Some consider them to be the best listeners in the world. They organize their activities not according to a strict and unchanged plan, but depending on the circumstances, responding to the changes that are taking place. In practice, they never interrupt their speaker and after listening carefully, do not rush to answer, do not express a definite opinion, try to clarify the speaker's intentions and expectations [3].

Another researcher who contributed a lot into the development of cross-cultural communication was Geert Hofstede. According to his study, there are some cultural dimensions: individualism/collectivism, power distance index, uncertainty avoidance, masculinity/femininity and indulgence vs restraint which have a significant impact on national competitiveness. Each country has its own stronger cultural model with prevailing ac-

cents on either individualism/collectivism, big or small power distance, uncertainty avoidance, masculinity/femininity or high or low score of indulgence vs restraint. The first dimension, Individualism vs Collectivism, refers to the relationship between the individual and the others. According to many studies, individualistic culture put individuals before the group, while collectivistic culture regards individuals as a part of a group. The scientist thinks that countries which can be characterized by high level of individualism are considered to be more competitive ones. The next important dimension is Power Distance which is characterized by inequality and social distance between members of a certain society. The next one is Uncertainty Avoidance which reflects the scale to which individuals within one culture feel threatened by uncertainty and unknown situations or events; the corresponding degree to which a society creates rules and refuses to go against nature to avoid risks. The next dimension is Masculinity vs. Femininity which refers to determination whether a society is assertive or modest through gender. In masculine culture material success and various achievements are of importance. In contrast, security, desirable living environment and good relations at work are more typical for feminine culture. One more dimension is Indulgence vs Restraint. Countries with a high score (Brazil) allow or encourage relatively free gratification of people's feelings and emotions while low score of this dimension is characterized by stricter social norms and more regulation of people's conduct and behavior (Russia). Regarding different cultural dimensions correctly can help to compete in a society and become successful in the world economic relations.*

There are numerous definitions of competitiveness but the most understandable one is offered by The National Competitiveness Council: "Competitiveness is the ability to achieve success in markets leading to better standards of living for all. It stems from a number of factors, notably firm level competitiveness and a supportive business environment that encourages innovation and investment, which combined lead to strong productivity growth, real income gains and sustainable development" (Global Competitiveness Report, 2003–2004). As a national competitiveness

* URL: https://studme.org/90309/kulturologiya/teoriya_kulturnyh_izmereniy_hofstede

measure, the study uses global competitiveness index (GCI). There are some correlations between above mentioned dimensions and GCI. According to some research, if in a country a power distance is high, the national competitiveness is low. The examples of such countries are Poland, Slovakia, Romania, Venezuela. In contrast, The USA, Switzerland, Finland, and Holland are the countries where the power distance is low and consequently, the national competitiveness is high. Speaking about individualism vs. collectivism we may say that countries with individualist culture (Denmark, The United Kingdom, Australia) are more competitive in comparison with countries where collective cultural model prevails (Mexico, Portugal, Taiwan). As for the correlation between uncertainty avoidance and national competitiveness, countries where a lower uncertainty exists are more competitive, and those ones in which there is a higher uncertainty control the tendency is to be less competitive. Masculinity vs. femininity dimension is rather ambiguous as well as indulgence vs restraint regarding the national competitiveness because an economy can be competitive no matter if it is characterized by masculinity or femininity/ high or low score of indulgence vs restraint. [4] Thus, it is possible to confirm that there are three cultural dimensions – power distance index, individualism, and uncertainty avoidance – which have a major impact on national competitiveness. Culture affects economic and business performance and in correlation with competitiveness contributes to national development and identity.

One more scientist whose sphere of observation was cross cultural communication was Trompenaars. He compared culture with an onion and divided it into three layers. According to Trompenaars, the outer layer is what most people primarily confront. “People usually have access only to the visual reality, which consists of language, behavior, food, and so on” [4, p. 22]. The next layer consists of norms and values of a community. “Norms are external factors, which are used for control and are imposed on the members of a society. Values, on the other hand, have no means of enforcement upon others. In this sense, values are more internal than norms. Both norms and values influence the outer areas of culture but are invisible.” [4, p. 22]. And the last layer is the key to understanding the culture. “This layer consists of basic assumptions, which can be measured by the cultural dimensions.” [4, p. 22]. However, this

division is not the only one which was observed by Trompenaars. He presented seven fundamental dimensions of culture – “universalism vs. particularism; individualism vs. collectivism; neutral vs. affective; specific vs. diffuse; achievement vs. ascription; time (sequential vs. synchronous); and environment (internal vs. external control). These variables influence the way people live and work in different environments”. [4, p. 23]

Hall was one of the other scholars who presented his own model of cultures. According to him, all cultures can be presented in the context of space and time in several categories: high-low context; time orientation; and interpersonal space. [4, p. 23] Speaking about high-low context the scientist meant “primary meaning conveyed non-verbally, contextually, and situationally” [4, p. 24] for high context and “primary meaning conveyed verbally or through writing” [4, p. 24] for low context. Besides he spoke about time (monochromic / polychromic) and space (proxemics: the appropriate interpersonal length of distance or space) [4, p. 24]. The knowledge of these models can facilitate overcoming of so-called cultural barriers in professional communication at the international level. If students, future economists are aware of the basic ideas of the mentioned above models, it will be easier for them to succeed in their career.

As noted by Tatiana Y. Osadchaya, the problem of the formation of intercultural competence of students is currently the subject of numerous studies, which is caused by the processes of economic globalization and cultural integration that occur in the modern world [5, p. 151]. In her paper she dwells upon the idea that English language is considered to be prevalent in business sphere and teaching English should be conducted with a professional orientation and business English at a university should go together with studying not only business cultures of English-speaking countries, but also with such concepts as “national business culture”, “criteria for differences in business cultures”, “types of national business cultures”, certain features of communication with representatives of various types of national business cultures [5, p. 151]. Lack of knowledge in this sphere may lead to misunderstandings and rude violations of orders and norms. Nowadays negotiations occupy a very important place in international business relationships and future specialists in economics should be enough educated to conduct them successfully. Besides career

in a prestigious international company is a dream of many students. Large international companies such as Nestlé, General Motors, HSBC, Google, and others, offer their employees interesting, promising, and profitable work, as well as several unique opportunities for personal and professional development. Therefore, many young professionals tend to get a job in foreign companies.

The style of leadership and the order in the company will depend on which country the company originates from. With all the possible differences, however, foreign employers belonging to the same country often share common features. Although many people eager to work for international companies, they shouldn't forget about some certain advantages and disadvantages of the mentioned above organizations: travelling to where this company does business; options to relocate to another country; high salaries and good career opportunities; sense of prestige. And the disadvantages: an employee is not very important in a huge company; complicated job; an employee should be aware of local and international laws, certain models of behavior.

Thus, every job applicant should weigh up all the pros and cons to make a right decision when choosing this or that international company.

The fact is that nowadays a high-qualified job-applicant should be aware of some peculiarities of an international company which relate to some traditional and religious norms and stereotypes, cultural and legislative aspects and behavioral models. Communicating with foreign partners may become a problem if a job applicant or an employee is not aware of certain models of behavior and moral standards which are typical for his colleagues from this or that country. Therefore, the importance of cross-cultural communication in the aspect of communicating with foreign partners is extremely important to establish successful business relations.

A communication style is a model of behavior that consistently occur in the way a person verbally, nonverbally or para verbally interact to signal how literal meaning should be taken, interpreted, filtered, or understood. Gudykunst (2001) conceptualized that high context communication (East Asian, Latin American, Southern Mediterranean, and Arab countries) includes the following communication styles: being indirect, inferring meaning, interpersonal sensitivity, using feelings to guide behavior, and using silence. In contrast,

low context communication (The USA, Canada, Western Europe) includes the following styles: being dramatic, dominant, animated, relaxed, attentive, open, friendly, contentious, and impression-leaving. According to Hall (1976), Asian cultures tend to adhere to high context communication styles, while European cultures tend to adhere to low context communication styles. The explanation why high context communication is more prevailing in Asian countries is regarded in close connection with the philosophy of Confucianism according to which the purpose of communication is to develop and maintain harmony within relationships rather than pursuing the outcomes and obtaining benefits. Furthermore, traditional Asian communication is characterized by reticence which values more than expressiveness. Time for Asian countries is regarded in the perspective of culture: it is considered to be relative and circular. Besides in Asia people tend to be collective and loyal, their success and failure are shared and being a part of a community is an essential sphere of their life. Thus, we may conclude that collectivism is an essential cultural dimension for Asian countries. In contrast European model of behavior is characterized by individualism, by value of one's own perceptions, perspectives, and opinions. It is very important for European people to be heard and meetings are means of exchanging information for them. In Europe relationship management is a substantial part of business life and people focus on building relationships to get ahead and be successful. These relations are built individually while in Asia people focus on group harmony and cohesion. [7] Being aware of all these peculiarities concerning cultural differences, future professionals will be able to conduct negotiations successfully and maintain business relations easily.

Romanova M.V. emphasizes that it is important not to ignore the universality of etiquette as a set of rules of conduct in the business world, or rather, its relative universality, since we are talking about intercultural communication. Consequently, the rules of speech etiquette should be applied in practice with certain amendments based on the cultural behavioral characteristics of a foreign partner. [7, p. 138]

According to Prigozhina, the value orientations typical for representatives of different cultures influence the course and results of business contact in situations of intercultural business communica-

tion and, particularly, international, commercial negotiations. In this regard, the formation of intercultural competence is of particular relevance in relation to this type of business interaction. She points out that the understanding of cultural differences is based on the ability of participants in intercultural business communication to understand common and distinctive features, to understand and interpret them in a specific context based on a comparison of the native culture and cultures of business communication partners. This determines the specificity of the structural component of the intercultural competence of the participant in international negotiations and the process of its formation [8, p. 111]. She concludes that there is a need to identify a number of conditions, compliance of which ensures effective formation of intercultural competence during foreign language training of participants in international commercial negotiations: 1) the necessary skills are formed on the basis of the obtained in the course of study together background knowledge about the different cultures in the presence and the formation of students general intercultural awareness and tolerance sensitivity to different cultures; 2) familiarization with the differences of cultures is based on the principle of conscious selection and comparison of the parameters of the differences of cultures, which allow to form the ability to penetrate into the essence of the causes of cultural dissonance and to develop a strategy of behavior adequate to the situation of intercultural interaction [8, p. 111]. Prigozhina considers that for effective intercultural interaction it is necessary to have a common intercultural awareness of cultural differences and tolerance. It is an affective component. On this basis, while training, a system of background knowledge about the situational and contextual specifics of intercultural business communication is formed – a cognitive component, and skills are developed as part of each of the mentioned components to develop a strategy of behavior adequate to the situation of intercultural interaction – a behavioral component [8, p. 111]. Moreover, Prigozhina clarifies that perception, analysis, and assimilation of information about cultural differences requires openness of consciousness. The process of formation of intercultural competence should, first of all, consider the emotional-evaluative and value-semantic aspects of preparation for participation in intercultural business communication. The

stage of familiarization with cultural variability in situations of business communication helps to increase the level of general cultural awareness and susceptibility to cultural differences, which forms an affective component of intercultural competence and brings to the level of understanding of culture based on personal meanings. Based on the formed skills as a part of the affective component, the transition to the formation of the cognitive component of the intercultural competence of the participant of international negotiations is carried out. The cognitive component includes background knowledge about the differences of cultures, communicative and cognitive features of the partners and their cultural portrait. Background knowledge is formed based on perception, comparative analysis and interpretation of the parameters of cultural differences. At the stage of formation of the cognitive component of intercultural competence, students are invited to conduct a comparative analysis of cultural differences in relation to situations of intercultural business communication. Since the parameters of cultural differences vary depending on the situations of intercultural interaction, it is advisable to carry out a comparative analysis with the help of graphic modeling of cultural portraits of partners in intercultural communication. This way of comparing cultures helps to reveal the zones of cultural coincidence and dissonance [8, p. 113].

Besides it is unacceptable to forget about morality and tolerance in the process of formation of cross-cultural competence. For instance, I. V. Karpova, N. A. Martynova write in their article that the category of quality implies the honesty and truthfulness of the information. Sincerity in intracultural communication is expressed not only by verbal means, but also by non-verbal (gestures, facial expressions) and paraverbal means (pauses, intonation), which is very difficult in intercultural communication, as gestures and intonation of speech in different languages and cultures have different meanings. And these differences can lead not only to communicative discomfort, but also to communicative failure. Besides Karpova and Martynova focus our attention on the fact that postulates of normal communication require from communicants' sincerity and truthfulness. However, the concepts of the truth of judgment in different cultures may differ due to such factors as the relativity of the concepts of time, space, value

judgments, ethical and moral norms, etc. The consequence of these differences may be the distrust of participants in intercultural communication to each other, which is a serious communicative hindrance. The category of relevance seems to be more important for intercultural communication than for intra-cultural communication, since in intra-cultural communication the participants of the dialogue have a common background knowledge, which allows them to avoid communicative discomfort, despite a sharp change in the subject of conversation or unwillingness to follow the thought of the interlocutor. Differences in the cultural base of interlocutors in intercultural communication can lead not only to communicative discomfort, but also to a complete misunderstanding [9, p. 176].

One more equally important factor of formation international business relationships is the knowledge of business etiquette. According to Romanova, representatives of the business environment enter many business contacts every day, participation in which involves compliance with a few conditions and rules of conduct which are called business etiquette [7, p. 133]. Unfortunately, this area of knowledge is not always presented to students in the appropriate quality. As a result, we get young specialists who know almost nothing about some specific rules and modes of behavior of their foreign partners. The lack of information leads to complete misunderstandings, total failures and sometimes may even bring to litigation. To prevent bad consequences students should be informed by their teachers of foreign languages of some basic rules of business etiquette before they graduate from their universities and start to work. As Romanova points out, that in international business relations etiquette is considered to be even an economic category. It brings harmony in business relations, contributes to business efficiency [7, p. 133]. Nowadays, especially in Russian companies, understanding of business etiquette is increasingly becoming an important factor in a person's professional activities, because a lack of good manners negatively affects the moral and psychological climate in an organization. During English lessons teachers should train their students, giving them some practical tasks, for instance role playing games. Students will be able to practise a lot of business situations using some cliché phrases which will help them in future. In her paper Romanova fo-

cus our attention on the fact that the reason of increasing interest to the problem of business etiquette in Russia is a current language situation which occurred after radical changes in politics, economics, social sphere in 1990s. The change in the socio-economic structure of society has led to drastic changes in the language, a decline in the culture of speech, and a slight use of speech etiquette. Romanova points out that currently, these changes are reflected in the growth in the number of different kinds of speech errors and variants arising under the influence of vernacular, territorial and social dialects, semi-dialects, and in the stylistic decline of modern speaking and writing [7, p. 134]. This tendency can negatively effect on the working environment in a company, can spoil the reputation of an employee and lead to total failures in his or her career in general. Thus, we must admit that the idea of development of the area of business etiquette at universities is very up to date and can't be ignored by teachers and students. Our findings appear to be supported by general experience either teachers or students. The mentioned above knowledge is inevitable nowadays and should be thoroughly analyzed and taken into consideration.

All of the above-mentioned information in the study was competently structured and clothed in the form of an online course on intercultural communication for students of The Financial University. This online course includes a series of lectures in English, as well as sets of tasks to test the understanding of each section. The results of the online course were quite successful (65% was the minimum score), and also showed a high percentage of students' involvement in the process of learning intercultural communication. Practice has clearly demonstrated that the method of teaching in the online course format is very promising and innovative, as it finds a great response in the students' audience. This method allows students to independently study a particular academic subject and check the degree of assimilation of the material through qualified assignments. As concerns the implementation of the online course, it became obvious that students actively performed all tasks, did not miss online lectures, and, according to their reviews, strove to deepen their knowledge. It is also interesting to note that students invite their classmates to join this type of activity. Therefore, it can be concluded about the expediency of such online

courses, as well as about increasing motivation to put into practice the knowledge gained by students. Cross-cultural communication arouses genuine interest among students at the Financial University, as it allows them to take a broader look at the world, teaches proper business behavior, explains stereotypes.

In the form of the conclusion, we may state that in the context of expanding international cooperation in all spheres of activity, the teaching of cross-cultural communication in a foreign language to students of non-linguistic specialties is of particular importance. Cross-cultural communication is a special form of communication between two or more representatives of different cultures, during which there is an exchange of information and cultural values of interacting cultures. All people are different, and all cultures have their own features and peculiarities. One of the main goals of a modern teacher is to show his or her students the beauty of every culture, to plunge them into the atmosphere of this or that country, to explain how deal with foreigners, business partners in a correct way, how to behave during negotiations. In a broad sense, intercultural communication is studied by culturology. This science studies intercultural communication as a dialogue of cultures and the social formations to which these cultures belong. The process of intercultural communication is a specific form of activity, which is not limited only to the knowledge of foreign languages, but also requires knowledge of the material and spiritual culture of another people, religion, values, moral attitudes, worldview, etc., together defining the

model of behavior of communication partners. Cross-cultural communication is closely connected with ethics and psychology. Well-educated specialists should cultivate moral qualities and do not forget about them forming their business relations. Future economists should respect foreign cultures and consider tolerance to be one of the key qualities of a modern person. Besides the importance of business etiquette has increased significantly. It is important not to ignore the universalism of etiquette as a set of rules of conduct in the business world, but rather its relative universalism, since we are talking about intercultural communication. Consequently, the rules of speech etiquette should be applied in practice with certain amendments based on the cultural behavioral characteristics of the foreign partner. It should be highlighted once again that in the light of the current state of the culture of speech and communication, the implementation of all these aspects should be focused by a teacher of a foreign language. This information is necessary for the formation of future economists' intercultural communicative competence, as they will provide them in practice a decent behavior, adequate communication situation in the field of intercultural communication, the achievement of a positive communicative effect and a certain impact on the dialogue of partners, as well as the establishment of harmonious partnerships. Due to globalization in the modern world people are becoming more and more like each other but they should remember about values and cultural peculiarities of other nations in order to lead a successful business and to understand each other.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Могилевич Б.Р. Межкультурная коммуникация в эпоху глобализации. *Вестник ТГУ*. 2008;5(61):383–387.
2. Василик М.А. Основы теории коммуникации. М.: Гардарики; 2005. 615 с.
3. Льюис Р.Д. Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию. Пер. с англ. М.: Дело; 1999. 440 с.
4. Moon H.-Ch., Choi E.-K. Cross-cultural Communication *Journal of International and Area Studies*. 2001;8;(2):21–36.
5. Osadchaya T. Overcoming cultural barriers in international business communication as an important aspect of students' cross-cultural competence. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2015;4(64):151–154.
6. Kim B.S. Asian and European American cultural values and communication styles among Asian American and European American college students. *Cultural Diversity and Ethnic Minority Psychology*. 2008;14(1):47–56. DOI: 10.1037/1099-9809.14.1.47
7. Романова М.В. Речевой этикет как фактор эффективной реализации межкультурной коммуникации в бизнес-среде. *Вестник МГЛУ*. 2011;8 (614):133–139.

8. Prigozhina K.B. Method of developing intercultural competence in specialist participants of cross-cultural communication (commercial negotiations) within language training course. *Вестник МГЛУ*. 2014;12(698):110–116.
9. Карпова I.V., Мартынова N.A. Cognitive peculiarities of indirect business intercultural communication. *Ученые записки Орловского Государственного Университета. Серия: гуманитарные и социальные науки*. 2012;4(48):175–178.

REFERENCES

1. Mogilevich B.R. Intercultural communication in the era of globalization. *Bulletin of TSU*. 2008;5(61):383–387. (In Russ.).
2. Vasilik M.A., ed. *Fundamentals of the theory of communication*. M.: Gardariki; 2005. 615 p. (In Russ.).
3. Lewis R.D. *Business cultures in international business. From collision to mutual understanding*. Moscow: Delo; 1999. 440 p. (In Russ.).
4. Moon H.-Ch., Choi E.-K. Cross-cultural Communication. *Journal of International and Area Studies*. 2001;8;(2):21–36.
5. Osadchaya T. Overcoming cultural barriers in international business communication as an important aspect of students' cross-cultural competence. *Bulletin of the Kemerovo State University*. 2015;4(64):151–154. (In Russ.).
6. Kim B.S. Asian and European American cultural values and communication styles among Asian American and European American college students. *Cultural Diversity and Ethnic Minority Psychology*. 2008;14(1):47–56. DOI: 10.1037/1099-9809.14.1.47
7. Romanova M.V. Speech etiquette as a factor in the effective implementation of intercultural communication in a business environment. *Vestnik MSLU*. 2011;8(614):133–139. (In Russ.).
8. Prigozhina K.B. Method of developing intercultural competence in specialist participants of cross-cultural communication (commercial negotiations) within language training course. *Vestnik MSLU*. 2014;12(698):110–116. (In Russ.).
9. Карпова I.V., Мартынова N.A. Cognitive peculiarities of indirect business intercultural communication. *Scientific notes of the Oryol State University. Series: humanities and social sciences*. 2012;4(48):175–178. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Анастасия Андреевна Луговая — старший преподаватель департамента иностранных языков и межкультурной коммуникации, Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0001-9477-9489>
AALugovaya@fa.ru

ABOUT THE AUTHOR

Anastasia A. Lugovaya — Senior Lecturer, Department of Foreign Languages and Intercultural Communication, Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-9477-9489>
AALugovaya@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 07.12.2021; принята к публикации 05.02.2022.
Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.
The article was received on 07.12.2021; accepted for publication on 05.02.2022.
The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-2-131-137

УДК 378(045):339(045)

Диалог в публичной речи как форма реализации взаимного обучения в виртуальное время

Е.М. Захцер

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена практике публичного выступления как возможности применения метода взаимного обучения в цифровую эпоху, в том числе в условиях дистанционного обучения, при изучении английского языка как иностранного в неязыковом вузе. Автор рассматривает презентацию как один из способов приобретения навыков ведения диалога и его реализации. Приводится обзор приложений, доминирующих на рынке в течение последних лет, по созданию презентаций с анализом их популярности в РФ и мире на основе данных, предоставленных американской транснациональной корпорацией Google. Также предлагается информационная справка о возникновении такого явления, как глобализация в контексте диалога культур. Раскрывается этимология понятия «презентация» и излагаются основные этапы возникновения программы подготовки и просмотра презентаций Microsoft Office PowerPoint. Делается краткий экскурс в историю взаимного обучения и описывается трансформация практического применения этого метода от Древней Греции до наших дней – как в реальном пространстве, так и на просторах интернета.

Ключевые слова: презентация; выступление; диалог; учение через обучение; взаимное обучение; образование; интернет-технология; EFL; английский язык; речь

Для цитирования: Захцер Е.М. Диалог в публичной речи как форма реализации взаимного обучения в виртуальное время. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(2):131-137. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-2-131-137

ORIGINAL PAPER

Dialogue in Public Speech as a Form of Mutual Learning in Virtual Time

E.M. Zakhtser

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

This article is devoted to the practice of public speaking as an opportunity to apply the method of mutual learning in the digital age, including in distance learning, when studying English as a foreign language in a non-linguistic university. The author considers the presentation as one of the ways to acquire the skills of dialogue and its implementation. An overview of the applications that have dominated the market over the past years is given to create presentations with an analysis of their popularity in the Russian Federation and the world based on data provided by the American transnational corporation Google. It also offers information about the emergence of such a phenomenon as globalization in the context of the dialogue of cultures. The etymology of the concept of “presentation” is revealed and the main stages of the emergence of the program for preparing and viewing Microsoft Office PowerPoint presentations are outlined. A brief excursion into the history of mutual learning is made, and the transformation of the practical application of this method from Ancient Greece to the present day is described, both in real space and on the Internet.

Keywords: presentation; performance; dialog; learning through learning; mutual learning; education; internet technology; EFL; English language; speech

For citation: Zakhtser E.M. Dialogue in public speech as a form of mutual learning in virtual time. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(2):131-137. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-2-131-137

Пусть напрягается в ответ на препятствие мой рефлекс цели, и тогда-то я достигну цели, как бы она ни была трудна для достижения.

Академик И. П. Павлов

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР

Некоторые современные историки, как и Адам Смит, полагают, что рождение глобализации приходится на XV в. И действительно, в 1492 г. Христофор Колумб оказался в Америке, а в 1498 г. Васко да Гама обогнул Африку. Первый искал новые торговые пути к местам, где могли быть специи, а второй, не мудрствуя лукаво, отобрал у мусульман и венецианцев монополию на торговлю ими. В XVI в. иезуиты поняли, что пришло время новой экономики, технологии и науки. Известно, что вплоть до XIX в. школы иезуитов оставались в числе лучших школ среднего образования. Для иезуитов было важно понимание культуры, отсюда их страсть к путешествиям. Как и францисканцы, они считали, что внедрить свою веру можно, не уничтожая другие культуры, а пытаясь ее понять, т.е. налаживая диалог. Например, логическим разработкам Лейбница помогли сведения о китайской двузначной математике, которые он получил от своего друга-миссионера. Можно предположить, что тогда впервые в истории и возник реальный диалог культур, взаимное обучение.

ЭТИМОЛОГИЯ «ПРЕЗЕНТАЦИИ» И ПОЯВЛЕНИЕ POWERPOINT

Язык реагирует на новые культурные связи, на изменения, происходящие в обществе, потому что он — явление социальное. Заимствования становятся результатом контактов, взаимоотношений народов, профессиональных сообществ, государств, так как самым подвижным пластом языка является лексика.

Исторический словарь галлицизмов русского языка [1] утверждает, что Н. Кукольник¹ в 1852 г. в своем романе «Два Ивана, два Степана, два Костылькова» впервые употребил слово «презентовать» этимологически восходящее, как утверждает Макс Фасмер [2], к французскому «présenter» через польское «prezentować» или немецкое «präsentieren», в значении «излагать, сообщать»: «А я ему презентовать, что я и конскую, и инфантерную службу про запас изучил,

и большую охоту имею штудировать флотскую экзерцицию, дабы комплектным быть воином, во всех воинской штуки элементах». Этот роман, наряду с такими произведениями, как «Сержант Иван Иванович Иванов», «Все заодно», «Максим Созонтович Березовский», не лишенный социально-критических интонаций, насыщенный яркими бытовыми реалиями и, главное для данной статьи, живыми диалогами, современные исследователи признают наиболее значительными в литературном наследии Кукольника. Литературные сюжеты основаны, как правило, на историческом анекдоте из эпохи Петра I, — в кабинетных бумагах Петра Великого сохранился отрывок из шедевра комедии Мольера «Les précieuses ridicules» под названием «Драгия смеянная, комедия французская, презентованная перед королем Самоедским». Именно этот пример в Историческом словаре галлицизмов русского языка [1] иллюстрирует второе значение слова «презентация»: показывать, представлять. Нестор Васильевич (как и его отец, Василий Григорьевич Кукольник, ученый и педагог, приглашенный в 1803 г. в Петербург профессором физики в недавно открывшийся Главный Педагогический Институт, где в разные годы преподавал физику, химию, технологию и агрономию) был человеком многих талантов. Его работы по изучению перспектив горнодобывающей промышленности в районе Донбасса оказали существенное влияние на экономическое развитие всего региона. Он обосновал необходимость введения университетского образования на Дону, и его усилия повлияли на открытие вуза в регионе, хотя и не в Таганроге, как он хотел. В 1835 — начале 1840-х гг. он был хозяином полубогемного литературно-художественного салона, который посещали И. К. Айвазовский, Н. И. Греч, В. А. Соллогуб и особенно близкие писателю К. П. Брюллов и М. И. Глинка. Кукольник был известен также как издатель «Художественной газеты» (1836–1841), одного из первых искусствоведческих периодических изданий в России, журналов «Иллюстрация» (1845–1847) и «Дагерротип» (1842) [6]. Неплохое представление о фотографии роднит Кукольника с Робертом Гаскинсом, человеком, благодаря которому от этимологии слова «презентация» мы перенесемся на столетие вперед, к материям вещественным.

Отец Гаскинса продавал профессиональное и любительское фотографическое оборудование, поэтому с детства Роберту было знакомо все, что

¹ Универсальная научно-популярная онлайн-энциклопедия «КРУГОСВЕТ». URL: <https://www.krugosvet.ru/>

только могло понадобиться для ручного создания презентационных материалов: прозрачные пленки, красители разных цветов, диаскопы и коды, специализированные и простые проекторы. Возможно, то, что он рос в окружении людей, которые были увлечены созданием презентаций и публичными выступлениями, повлияло на его желание поступить в 1968 г. в Университет Беркли в Калифорнии и заняться программированием в области гуманитарных наук и лингвистики. В 1984 г. он придумал концепцию, призванную облегчить подготовку 35-миллиметровых слайдов, избегая ручного переноса текста. Свою будущую программу он назвал Presenter и на своем матричном принтере распечатал ее двухстраничный план². В реализации плана ему помогли Денис Остин и Том Рудкин, и уже в 1984 г. Presenter, переименованный в PowerPoint, стал первой инвестицией венчурного капитала, сделанного Apple's Strategic Investment Group. За год до своего тридцатилетия PowerPoint объявил об использовании искусственного интеллекта в реализации функций встроенного в программу элемента Designer.

ОБЗОР ПРИЛОЖЕНИЙ ПО СОЗДАНИЮ ПРЕЗЕНТАЦИЙ

Сегодняшний рынок предложений для создания презентаций представлен такими приложениями, как Canva, Prezi, SlideDog, Haiku Deck и др. В своих обзорах лучших программ их авторы пытаются подчеркнуть отличительные черты каждого. Так, например, Кристина Мартинез считает, что Google Slides — лучший вариант для совместной работы над презентацией, Ludus — для творческих людей, FlowVella — для того, чтобы радовать аудиторию визуальными эффектами, Keynote содержит достойную коллекцию шаблонов, а Slidebean предназначен для поклонников искусственного интеллекта [3]. Пользовательские предпочтения 2020 г., по статистическим данным [4], выглядят следующим образом:

- PowerPoint — 89%.
- Keynote — 4%.
- Prezi — 3%.
- Google Slides — 3%.
- Другие — 1%.

На рис. 1 и 2 представлена аналитика от Google о популярности приложений PowerPoint, Keynote, Prezi и Google Slides в мире и в РФ.

Можно сколь угодно долго обсуждать сложившуюся ситуацию на рынке, но никто не станет отрицать тот факт, что все многообразие инструментов служит одной цели — помочь выступающему в том, чтобы его идея была понята аудиторией, а переданные им сведения запомнились слушателями. Итак, какими качествами должен обладать выступающий, какие механизмы ему нужно использовать и на какие процессы опираться? Или иначе, какие умения и навыки возможно развить (см. таблицу), например, на семинарах по иностранному языку при помощи презентации, если под словом «презентация» мы понимаем выступление, изложение, сообщение, сделанные с помощью какого-то приложения или без такового, как, например, практикуется на TED Talks [5]? Упомянув TED, хочется вспомнить куратора этой конференции и ее постоянного ведущего, Криса Андерсона, который ограничил длительность выступлений 18 минутами. Интересно, что объяснение данного ограничения находится в словаре ботанических терминов, где «время презентации» трактуется как «минимальное время воздействия раздражения, которое необходимо для проявления ответной реакции растения».

ВЗАИМНОЕ ОБУЧЕНИЕ: ОТ ИСТОРИИ К ПРАКТИКЕ

В данной статье внимание автора сосредоточено на таких аспектах, как работа с аудиторией и построение диалога (материалы по темам ораторского мастерства или оформления презентаций представлены достаточно широко). Автор призывает выступающих не уподобляться софистам (которые, переезжая из города в город, читали лекции всем, кто готов был их оплатить), а слушателей — понять, что объем знаний не прямо пропорционален количеству потраченных денег. Давайте обратимся к Сократу, человеку, который верил в силу диалога. Для древнегреческого философа диалог был единственной формой обсуждения соответствующего предмета и поиска истины. Уместно отметить, что Сократ первым указал на роль книжных знаний при обучении и на необходимость отчуждения знания от его носителя. Сократовский диалог позволяет соединить, казалось бы, антонимичные глаголы: «спрашивать» и «отвечать», «ведать» и «не знать», «сомневаться» и «убеждаться», а главное, «учить» и «учиться». Возможность объединения двух последних в 1798 г. в Великобритании сформировала

² Gaskins R. Home Page. URL: <https://www.robertgaskins.com/>

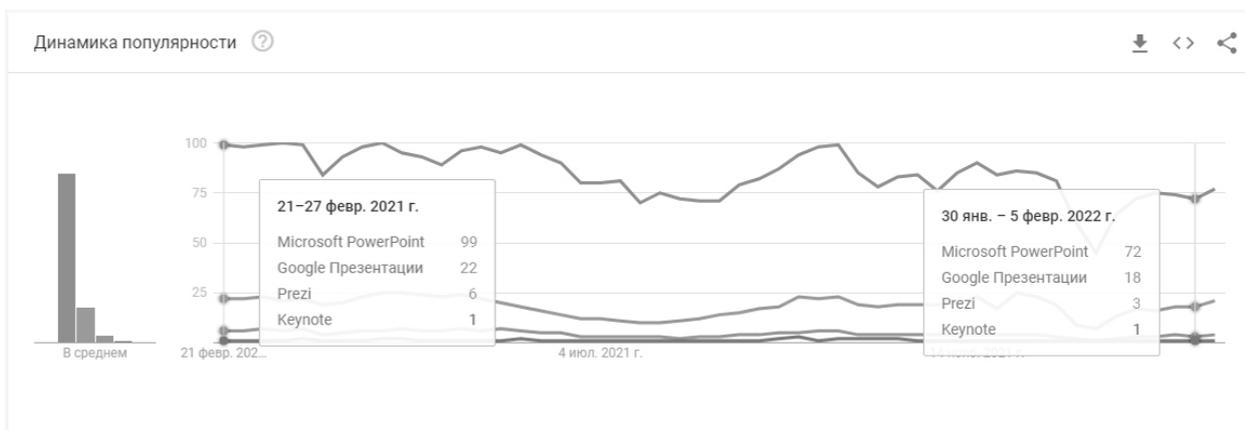

Рис. 1 / Fig. 1. Популярность приложений PowerPoint, Keynote, Prezi и Google Slides в мире / Popularity of PowerPoint, Keynote, Prezi and Google Slides in the world

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

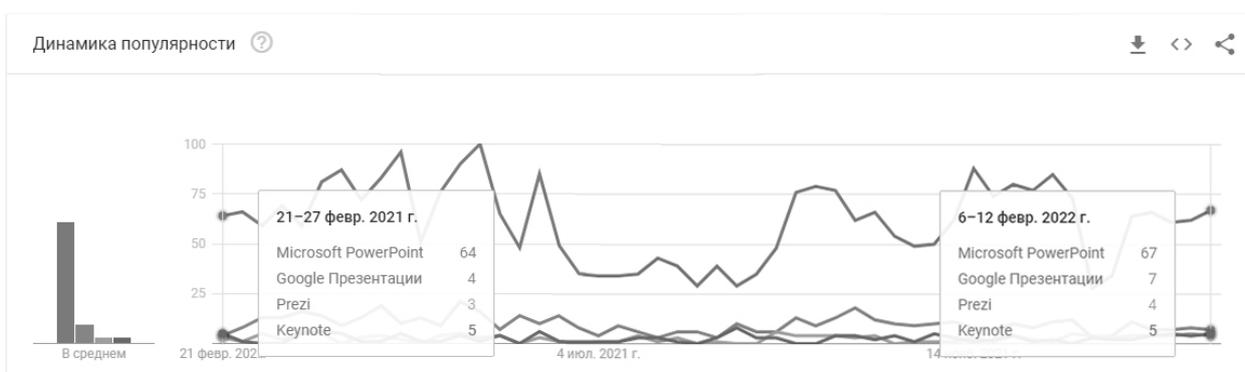

Рис. 2 / Fig. 2. Популярность приложений PowerPoint, Keynote, Prezi и Google Slides в РФ / Popularity of PowerPoint, Keynote, Prezi and Google Slides in Russia

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

систему взаимного обучения, подразумевающую такую форму учебной работы, при которой более знающие ученики, получив определенные знания от своего учителя, обучали менее знающих. Она получила название Белл-Ланкастерской, так как священник Эндрю Белл (1753–1832) и учитель Джозеф Ланкастер (1776 (1778)–1838), находясь в разных странах: Ланкастер — в Англии, а Белл — в Индии, предложили независимо друг от друга эту модель организации обучения. Очень скоро Белл-Ланкастерская система нашла своих последователей в Америке и в таких европейских государствах, как Франция (где в 1815 г. появились *écoles mutuelles*), Дания, Швейцария, Испания и Италия. Начиная с 1817 г. школы, работавшие по Белл-Ланкастерской системе, стали открываться в Российской империи. Впервые такая форма обучения стала применяться в воинских частях: солдаты самостоятельно обучали своих сослуживцев обращению с новыми видами вооружения. Заметим также, что почти все выпускники

подобных школ учились для того, чтобы в новую индустриальную эпоху заработать себе на кусок хлеба. Правительства же государств были заинтересованы в грамотных и расторопных бойцах в армии и в квалифицированных рабочих на возникающих и развивающихся промышленных предприятиях. И.Г. Песталоцци критиковал профессиональную подготовку молодежи, сводившуюся к овладению ею «односторонними рутинными умениями». Он призывал к одновременной работе головы, сердца и руки, т.е. к гармоничному развитию умственных, физических и нравственных качеств, при этом полностью поддерживая идею взаимного обучения. Впрочем, не массово и не системно такое обучение практиковалось еще в древнем Риме. «Люди учатся, обучая», — писал Луций Анней Сенека в письмах к Луцилию. В Китае, еще до Сенеки, Конфуций подчеркивал важность не только приобретения жизненных навыков, но и духовный рост личности. Он говорил, что благородные люди должны оберегать и рас-

Умения, навыки, качества, необходимые для успешной презентации / Skills, proficiency, qualities necessary for a successful presentation

Выступающий	Подготовка	Самоорганизация	Постановка цели, планирование
			Умение провести исследование по заданной теме, работа с источниками, навыки сбора и обработки информации
			Навыки запоминания
			Умение репетировать и анализировать презентацию перед выступлением
			Навык соблюдения временного регламента
		Содержательная часть	Предметная компетенция
			Осмысление: выделение главной и второстепенной информации, детализация
			Воображение, умение переводить слово в образ и образ в слово
			Умение структурировать материал, дискурсивная компетенция в письменной речи
			Навыки сочинения и изложения материала
			Умение излагать абстрактные понятия личными предложениями
			Владение образной речью
		Оформление	Умение конкретизировать и аргументировать
			Знание азов колористики и типографики
	Навыки визуализации собственных идей		
	Умение представлять информацию в тезисной форме		
	Грамотность, знание правил при оформлении таблиц, графиков, схем заголовками, знание стандартов предоставления списка литературы		
	Проведение	Навыки ораторского искусства	Техническая компетенция: умение представлять информацию с помощью различных программных средств
			Уверенность, обаяние, артистизм
			Умение начинать и заканчивать выступление
Грамотная речь, дикция, артикуляция, интонация, владение тоном голоса и темпом речи			
Навыки работы с аудиторией		Знание темы, дискурсивная компетенция в устной речи	
		Умение четко выражать свою мысль	
		Умение вовлечь аудиторию	
		Умение установить психологический контакт	
		Умение чувствовать аудиторию, навыки адаптирования, импровизации, умение правильно реагировать на негатив	
		Умение удерживать внимание, владение динамикой и ритмом	
Аудитория	Во время выступления	Умение задавать вопросы	
		Умение слышать аудиторию и вести диалог	
		Аудитория думает и реагирует в заданном выступающим направлении	
	После выступления	Аудитория понимает материал, ей интересно	
		Понимание сущности вещей сопровождается личностной оценкой	
		Практикуются техники чередования (интерливинг) и припоминания	
		Есть обратная связь, аудитория настроена на сотрудничество	
После выступления	Усвоение	Получена новая информация, есть прирост знаний	
	Запоминание	Выступление вызывает рефлексию, активируются метакогнитивные навыки, развиваются умственные способности, мышление слушателя	
	Действие	Наличие заметок, раздаточного материала	

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

пространять в народе нравственные ценности. Идея взаимного обучения на санскрите звучит как «парампара» и означает буквально «от одного к другому». С помощью таких цепочек преемственности передавали знания из поколения в поколение в Индии. Очевидно, что взаимное обучение существовало и будет существовать в той или иной форме до тех пор, пока в жизни людей будет присутствовать диалог в том или ином виде. Известно, что первую школу на основе парного обучения построил Храбан (Рабан) Мавр Магненций в IX в. при Фульдском монастыре. В школе уделялось большое внимание изучению языков. Аббаты, монахи из разных монастырей, дети знатных людей того времени — будущие ученые-богословы изучали немецкий, латынь, греческий. Там же, в Германии, была введена концепция «учение через обучение», впервые примененная Жан-Полем Мартаном на уроках французского языка уже в XX в. В 1987 г. он создал контактную сеть, которая объединяет сегодня более 800 преподавателей по всему миру.

В XIX в. в России, благодаря В. Ф. Одоевскому, педагогическая общественность познакомилась с опытом швейцарского преподавателя французского языка Жан-Батиста Жерара. Жерар был лично знаком с И. Г. Песталоцци и во многом разделял его педагогические взгляды. В начальных школах с изучением французского языка для мальчиков, которые потом получили название «жирардины», распространившись в Италии, Испании и других странах, он применял взаимное обучение, так как полагал, что этот метод способствует развитию речи у учеников и приобретению ими навыков общения. А в России в начале XX в. А. Г. Ривиним, энциклопедически развитым человеком, владевшим пятью языками, была предпринята попытка кристаллизации талантов и гениев в ученическом коллективе, основой для которой стало парное обучение. Его метод «Получил — передай, тебя научили — и ты тут же научи другого», получивший впоследствии название «талогенизм», подразумевал общение в парах сменного состава. «Московский Сократ», как называли Ривина за умение вести диалогические беседы, ввел в дидактику принцип диалога, который позволяет ученикам усилить их интеллектуальную мощь приобщением к чтению мировой научной и художественной литературы, развить коммуникативные навыки и подняться на уровень творческого применения полученных знаний.

Итак, совершив многовековое и извилистое путешествие «от Сократа к Сократу», стоит зафиксировать две вехи: рождение педагогики и сущность обучения. И если появление первой, согласно Ж. Пиаже, принадлежит епископу Чешскобратской церкви, религиозному и общественному деятелю XVI в. И. Я. Коменскому, который «первым разработал во всей полноте науку педагогику... и сделал ее сердцевинной пансофии (обучения всех всему)», то выявлением второй мы обязаны В. К. Дьяченко: «Обучение есть особым образом организованное общение (звуко-знаковое взаимодействие) людей, в ходе которого воспроизводится и усваивается общественно-исторический опыт, все виды человеческой деятельности». Он заметил, что та или иная общественно-историческая стадия обучения определяется организационной структурой учебного процесса. В организационную структуру учебных занятий каждого следующего способа обучения включается новая организационная форма в качестве ведущей. Дьяченко, выделив два общественно-исторических способа обучения: индивидуальный (ИСО) и групповой (ГСО), обозначил очередную формацию человеческой цивилизации — коллективный способ обучения (КСО), когда результат достигается только при взаимодействии обучающихся, при их тесном сотрудничестве.

В настоящее время метод взаимного обучения практикуется как в формальном, так и в неформальном контексте обучения, как в реальном пространстве, так и на просторах интернета, как в малых группах, так и в многочисленных сообществах. Наша цифровая жизнь заимствовала понятие «peer-learning», определяемое как «обучение для всех, каждого, почти обо всем», и «cooperative learning», потребность в котором формирует свободный доступ к информации, обилие сведений, общественные связи, которые разрастаются благодаря социальным сетям, глобально охватывающим людей различных возрастных групп, традиций, увлечений. Все они подразумевают «учение через обучение».

ВЫВОДЫ

Развитие человека обуславливается не только законами биологической эволюции, но и законами исторического развития общества. Гесиод представлял историю как круговое движение: «золотой век», где царствовали благочестие и высокая мораль; «серебряный век», в котором нача-

лось падение морали и благочестия; «железный век» — время полного развала нравственности. Блаженный Августин христианскую концепцию прямолинейного поступательного движения к цели разделил на 6 периодов, Джамбаттиста Вико первую эпоху всякого развития назвал «эпохой богов»; вторую — «эпохой героев» и третью — «эпохой людей». Если И.Г. Гердер утверждал, что целью истории является развитие человеческой природы, то Гегель понимал историю как процесс «самопознания Духом самого себя». Маркс выдвинул материалистическую концепцию исто-

рии, а Шпенглер развивал культурологическую. Тойнби утверждал, что каждая цивилизация проходит одинаковые фазы рождения, роста, крушения, разложения и гибели. Как бы мы ни рассматривали историю: с точки зрения детерминизма, индетерминизма или ответственности и как бы ни определяли ее движение: линейное, поступательное, круговое, по спирали, только динамика является неизбежной. Следовательно, то, что возрождение опыта в новых условиях играет огромную роль, не подлежит никакому сомнению.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Епишкин Н.И. Исторический словарь галлицизмов русского языка. М.: ЭТС; 2010. 5140 с.
Epishkin N. I. Historical Dictionary of Gallicisms of the Russian Language. Moscow: ETS; 2010. 5140 p.
2. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка в четырех томах. Т. 3. М.: Издательство «Прогресс». Редакция литературы по философии и лингвистике; 1987.
Vasmer M. Etymological dictionary of the Russian language in four volumes. Vol. 3. Moscow: Progress Publishing House. Editorial Board of Literature in Philosophy and Linguistics; 1987.
3. Martinez K. The best presentation software in 2020, 22.05.2020. URL: <https://zapier.com/blog/best-powerpoint-alternatives/>
4. Noar A. New Survey Results on Presentations, 22.05. 2020. URL: <https://presentationpanda.com/blog/new-presentation-statistics/>
5. Sir K. Robinson. Do schools kill creativity? URL: https://www.ted.com/talks/sir_ken_robinson_do_schools_kill_creativity#t-129879

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Елена Михайловна Захцер — старший преподаватель департамента английского языка и профессиональной коммуникации, Финансовый университет, Москва, Россия
zakhtser@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9044-4881>

ABOUT THE AUTHOR

Elena M. Zakhtser — Senior Lecturer, Department of English Language and Professional Communication, Financial University, Moscow, Russia
zakhtser@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9044-4881>

*Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.*

*Статья поступила 19.01.2021; принята к публикации 12.01.2022.
Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.
The article was received on 19.01.2021; accepted for publication on 12.01.2022.
The author read and approved the final version of the manuscript.*

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-2-138-147
УДК 32.019.52(045)

Психологическое состояние россиян разного возраста: политико-психологический анализ*

Н.В. Смутькина, Н.Н. Рогач

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Статья базируется на результатах исследования психологического состояния российского общества в контексте возрастных особенностей, специфики политической социализации граждан. Исследование опиралось на политико-психологический подход и позволило определить эмоциональные реакции, которые демонстрируют россияне, оценивая общественно-политическую реальность. Эмоциональная окраска политических представлений была изучена с учетом событийного контекста (условий пандемии COVID-19 и электоральных процессов России в 2021 г.). Результаты анализа позволяют говорить о существующих различиях в восприятии представителями разных возрастных групп текущих социально-политических проблем. В ходе исследования были выявлены некоторые особенности мифологизации образов прошлого россиянами категории «молодых взрослых», что было обусловлено спецификой политической социализации граждан данной возрастной категории. В статье представлены темы эмоциональных оценок россиянами разного возраста феноменов политического доверия, конструктивного диалога власти и общества, привлекательности политической элиты в политических ожиданиях, предложений по совершенствованию политической системы. Также в работе рассматривается специфика амбивалентных эмоций, свойственных состоянию молодых россиян. Сделан вывод о неоднозначности оценок россиянами соотношения категорий Закона и Свободы.

Ключевые слова: психоэмоциональное состояние; политико-психологический анализ; возрастные особенности; политическое восприятие; образы; эмоции; настроения; политическое доверие

Для цитирования: Смутькина Н.В., Рогач Н.Н. Психологическое состояние россиян разного возраста: политико-психологический анализ. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(2):138-147. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-2-138-147

ORIGINAL PAPER

The Psychological Condition of Russians of Different Ages: Political and Psychological Analysis**

N.V. Smulkina, N.N. Rogach

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

ABSTRACT

We based our article on the results of a study of the psychological state of Russian society in the context of age characteristics, the specifics of the political socialization of Russians. Also, we based our study on a political and psychological approach. It makes possible determination of the emotional reactions that Russians demonstrate when assessing the socio-political reality. Further, we studied the emotional colouring of political ideas taking into account the event context (the conditions of the COVID-19 pandemic and the electoral processes in Russia in 2021). The results of the analysis allow us to speak about the existing differences in the perception of current socio-political problems by representatives of different age groups. During the study, we revealed some features of the mythologization of the images of the past by Russians in the category of “young adults”. It is due to the specifics of the political socialization of citizens of this age category. The article presents the topics of emotional assessments by Russians of different ages of the phenomena of political trust; constructive dialogue between the authorities and society; the attractiveness of

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках проекта № 21-011-31386 «Теоретико-методологические основания диагностики психологического состояния общества в современном российском политическом контексте».

** The reported study was funded by RFBR and EISR according to the research project No. 21-011-31386 “Theoretical and methodological foundations for diagnosing the psychological state of society in the modern Russian political context”.

the political elite in political expectations, proposals for improving the political system. We considered the specificity of ambivalent emotions inherent in the state of young Russians. Finally, we concluded dependence of the ambiguity of Russians' assessments of the correlation between the categories of Law and Freedom.

Keywords: psycho-emotional state; political and psychological analysis; age characteristics; political perception; images; emotions; moods; political trust

For citation: Smulkina N.V., Rogach N.N. The psychological condition of Russians of different ages: Political and psychological analysis. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(2):138-147. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-2-138-147

ВВЕДЕНИЕ

Проблема психологического состояния общества, его структуры, трансформаций, факторов изменений чрезвычайно интересна и популярна в социальных и гуманитарных исследованиях [1, 2].

В отечественной психологии не существует общепринятой трактовки понятия «психологическое состояние общества» (ПСО), а также единой системы индикаторов и предикторов, которые могли бы его характеризовать. В рамках данной статьи под **психологическим состоянием общества** мы понимаем **эмоционально-оценочное отношение людей к окружающей их социально-политической действительности**.

Исходя из того, что ПСО является своеобразной реакцией индивидов на текущий событийный контекст, мы можем утверждать, что оно во многом зависит от различных событий в социальной, экономической и политической сферах жизни общества. К таким факторам, например, можно отнести общее состояние политической системы (стабильное или кризисное) [3], качество социально-экономических условий жизни граждан, актуальные общественные проблемы [4], риски [5], текущие политические процессы [6]. Наиболее ярким событием последних лет, оказавшим существенное влияние на жизнь всего социума, стала пандемия коронавируса, которая, обрушившись на Россию в начале 2020 г., обнажила точки социального напряжения и выпустила наружу страхи и тревоги россиян [7].

Однако более опасным явлением для социума стал не сам вирус, а возникшая вслед за его появлением инфодемия — ситуация бесконтрольной информационной экспансии, критически воздействующая на массовое сознание и меняющее не только способы потребления информации, но и поведение людей. Отечественные исследователи, занимающиеся разработкой данной проблематики, отмечают, что появление в информационной среде «высоковольтных» тем (одной из которых как раз является COVID-19) приводит к тому, что в социуме запускается неконтролиру-

емый процесс распространения непроверенной информации, что впоследствии ухудшает общее психоэмоциональное состояние общества [8].

Ситуация неопределенности, возникающая в результате распространения противоположных точек зрения на существующую проблему, не только усиливает общее стрессовое состояние социума, но и, как следствие, делает людей более требовательными по отношению к власти. Так, действия российских властей, направленные на борьбу с распространением вируса, сегодня по-разному оцениваются жителями страны. Можно сказать, что в социальных сетях активно ведется «война мнений», в которую так или иначе втягивается огромное количество граждан. В ситуации подобной многополярности психологическая атмосфера в обществе заметно накаляется, вызывая эскалацию агрессии и значительное снижение доверия людей к политикам и власти в целом [9].

Результаты современных исследований по теме свидетельствуют о том, что субъективные оценки ПСО у представителей различных социальных групп могут различаться [8, 10]. Обратившись к основам теории политической перцепции, мы обнаружили, что специфика восприятия, оценки и интерпретации индивидами окружающей их социально-политической реальности во многом зависит от периода времени и условий, в которых проходила их политическая социализация [11]. А.В. Селезнева пишет, что сознание российских граждан, относящихся к разным поколениям, включает в себя определенные ценности, стереотипы, культурные нормы и образцы поведения, которые объединяются общим понятием «картины мира» конкретно этой социальной группы [12]. Соответственно, психоэмоциональные реакции представителей того или иного поколения на происходящие вокруг них события, вероятнее всего, будут иметь определенные специфические черты.

Опираясь на данный тезис как на теоретический постулат, мы выдвинули гипотезу о наличии значительных различий в оценках социально-политической реальности у представителей разных

возрастных групп и, соответственно, о различиях их психоэмоциональных состояний (в дальнейшем в данной работе будем использовать понятие «психоэмоциональное состояние» как синоним ПСО).

ХАРАКТЕРИСТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование, результаты которого представлены в данной статье, было проведено для рассмотрения психоэмоционального состояния российского общества здесь и сейчас (в столице, после парламентских выборов 2021 г.). Мы не ставили перед собой цель получить репрезентативные для страны данные, а сфокусировались на выявлении тенденций психоэмоционального состояния общества, его интерпретации в текущем событийном, социокультурном и политическом контекстах.

Эмпирическое исследование проводилось в Москве в сентябре-октябре 2021 г. с применением методов фокус-групповых дискуссий, проективного метода выбора направленных ассоциаций¹, игровых процедур выбора². Было проведено шесть фокус-групп, по две: с представителями молодежи (от 18 до 30 лет), среднего возраста (от 30 до 55 лет), старшего возраста (от 56 лет). В работе с полученными транскриптами фокус-групп использовались приемы в первую очередь качественной обработки и анализа данных. Ответы на открытые вопросы модератора подвергались кластеризации, группировке, содержательному анализу.

Проведенное исследование позволило авторам рассмотреть особенности психологического состояния россиян разного возраста. Уделим внимание специфике состояний каждой возрастной когорты и сделаем выводы об особенностях формирования в российском массовом сознании политических образов.

¹ Респонденту предлагалось выбрать из набора карточек одну с изображением смайлика, символизирующего одну из 12 групп эмоций. Каждая группа была представлена пятью эмоциями. Группировка происходила согласно четырем состояниям (радость, грусть, злость, страх) и степени их выраженности (например, от более слабых: «удовольствие», «огорчение», «недовольство», «нерешительность» до наиболее сильных: «экстаз», «отчаяние», «гнев», «кошмар»). Выбирая смайлик при оценках различных аспектов российской политической, общественной реальности, респондент конкретизировал свое чувство и объяснял свой выбор.

² Каждый респондент в группе выбирал методом жребия карточку с эмоциональным состоянием, приводил примеры событий, проблем современного общества. Группа дополняла его ответ, дискутировала при появлении противоположных оценок.

ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ МОЛОДЕЖИ

Представители российской молодежи, оценивая «температуру общества», сошлись во мнении, что она практически не превышает нормальные значения и колеблется от 35 до 37 °С. Тем не менее участники фокус-групповой дискуссии отметили, что такой показатель отнюдь не является свидетельством нормального, здорового состояния социума. Эта температура, напротив, отражает всеобщую **апатию, чувства растерянности и подавленности**, которые сегодня испытывают россияне.

Объясняя свою позицию, представители данной социальной группы назвали основные причины, из-за которых в обществе возникает **чувство подавленности**: нереализованное желание перемен в политике и неспособность повлиять на ситуацию, сложившуюся в политической сфере:

«...беспомощность и уныние. Я стараюсь абстрагироваться от радикальных идей, но, тем не менее, они меня терзают». Ольга, 18 лет;

«Я чувствую себя обманутым. Как будто я в тумане». Олег, 19 лет.

При этом недавно прошедшая избирательная кампания, и в особенности ее результаты, значительно повысили градус социального напряжения:

«Вот если бы пару недель назад вы меня спросили, я бы ответила совсем по-другому». Сегодня же, отмечали респонденты, люди находятся в «уставшем состоянии <...> ощущается нежелание хоть что-то делать, как-то смотреть в будущее даже». Александр, 19 лет;

«Тоскливо смотреть, как люди говорят одно, а в итоге приходят на выборы и делают другое». Ольга, 20 лет.

Чувство досады, которое испытывала молодежь, с одной стороны, символизирует пассивную позицию, с другой стороны, связано с негативными эмоциями, подавленной пассивной агрессией:

«...в соцсетях все было видно, было много постов, все призывали голосовать за другие партии, и в итоге это никуда не вылилось. Досадно за эту неизбежность». Татьяна, 18 лет;

«С одной стороны — предсказуемо, а с другой — обида все-таки сидит». Николай, 19 лет.

Исследование показало, что наиболее негативные эмоции и чувства представители данной социальной группы испытывают по отношению к поведению забюрократизированных чиновников («Ненавижу их напускной церемониал»), политическим программам, транслируемым на основных государственных каналах («Дибилитические эти программы не пере-

ношу просто»), а также к засилью коррупции в государственных ведомствах («*Неужели мы настолько упали вниз, что уже не думаем о будущем других?! Открываем вот новости и видим, что начальник полиции живет чуть ли не на Сицилии — дом весь золотой, машины прекрасные у него и у его жены*»).

Отметим также то, что молодое поколение испытывает определенный **страх** за будущее России, возникший как реакция на увеличение числа непрофессиональных и некомпетентных людей в рядах политиков разного уровня. По мнению участников исследования, подобная ситуация может иметь долгосрочные последствия и привести к дестабилизации ситуации в стране.

Анализируя палитру негативных эмоций и чувств, которые сегодняшняя молодежь испытывает по отношению к различным субъектам, событиям и явлениям в российской политике, можно отметить тенденцию постепенного снижения уровня злости и ненависти, на смену которым приходят ощущения **грусти и растерянности**.

Очень ярко выражено чувство **стыда**, которое испытывают молодые россияне, оценивая состояние дел в сфере здравоохранения («*Стыдно за низкие зарплаты врачей, за недостаточный уровень их квалификации*»), образования («*Дети деградируют очень быстро. Происходит стандартизация мышления школьников, там работают некомпетентные учителя, наблюдается нарастание культурного разрыва*»), армии («*Это отдельная вселенная и для них закон не писан. Все решается через силу, через угрозы. Ты просто становишься животным, которое ничего не может с собой сделать*»), спорта («*Стыдно, что наши спортсмены выступали без флага*»), международной политики («*До сих пор отношение к России среди них как к какому-то дремучему, закрытому пространству*»).

При этом важно отметить, что чувство стыда, о котором часто говорили участники беседы, возникает у них не только из-за общей ситуации в стране или спорных решений, принимаемых властями, но и из-за поведения самих граждан. Очень ярким примером этого является реакция россиян на введенные меры по противодействию распространению COVID-19:

«Как на Спутник реагировали за рубежом? Изобрели вакцину, и все побежали делать прививку. У нас же совсем наоборот. Многие люди уверены, что есть какой-то заговор, что это какое-то чипирование». Петр, 19 лет;

«В начале эпидемии врачи так убивались, чтобы спасти народ, чтобы не было так, как в Ухане или

в Италии. А люди тем временем в автобусе кричат: «О, господи, почему вы нацепили на нас эти намордники?!». Ольга, 18 лет.

Респонденты отметили, что причина этому — тотальное недоверие общества власти, которое подогревается СМИ: «*Программа 60 минут — ну это же просто верх мракобесия... мне прямо стыдно*». На таком информационном фоне непоследовательные действия политиков вызывают у людей чувства растерянности, непонимания и в конечном итоге приводят к нарастанию общего эмоционального напряжения в социуме. По мнению участников исследования, периодические локдауны, «*принудительно-необязательная*» вакцинация, а также ужесточение правил посещения различных культурно-развлекательных объектов не столько раздражают российских граждан, сколько истощают их в эмоциональном плане: «*Неутешительная статистика заболеваемости и смертности свидетельствует о том, что меры, принимаемые властями, неэффективны, а это вызывает чувство растерянности. Все уже устали*». Татьяна, 18 лет.

ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ ЛЮДЕЙ СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА

В массовом политическом сознании людей среднего возраста преобладают негативно-окрашенные оценки существующей социально-политической реальности. Ярче всего проявляются такие чувства и эмоции, как **стыд, грусть, сострадание, страх, тревога, раздражение**. Такими словами, например, описал психоэмоциональное состояние российского общества один из наших респондентов: «*Что тут говорить, и так все очевидно. Грусть, уныние, тоска и всеобщая безнадежность из-за перспектив нашего будущего и нахождения здесь сегодня*». Олег, 35 лет.

Описывая настроение, царящее в современном обществе, респонденты отмечали, что россияне сегодня все чаще испытывают **равнодушие**, проявляющееся не только в отношениях с властью, но и на уровне межличностного общения. Безразличие людей к проблемам своего окружения, по мнению участников дискуссии, чрезвычайно опасно для социума, так как состояние тотальной отстраненности общества от значимых проблем может существовать в статичном состоянии лишь ограниченное количество времени, после чего оно неизбежно перерастает в состояние кризиса:

«Посмотрите на нашу историю. Мы можем очень долго терпеть, равнодушно относиться ко всему, что происходит в стране. Но когда мы доходим до

точки кипения — до понимания, что пришло время что-то менять, — мы не умеем делать это “не-токсично”, без каких-либо потерь для нас самих». Светлана, 32 года;

«Есть общее состояние уныния, мало кто хочет что-либо делать конкретно, но все хотят перемен». Александр, 33 года.

Среди сюжетов, вызывающих у людей негативные эмоции, оказалась ситуация с коронавирусом. Во-первых, пандемия сама по себе усилила **чувства тревоги и неопределенности** в завтрашнем дне: «Этот коронавирус просто подкосил нас всех. И мы не знаем, куда это выльется. Сначала мы как-то даже шутя относились к этой ситуации, а потом появился страх. Теперь еще и вакцинация... Как будто по спирали накручивается вот эта тревожность, страх за себя, за своих близких, за страну в целом». Екатерина, 50 лет.

Во-вторых, существенное влияние на психологическое состояние людей оказали действия властей, направленные на борьбу с вирусом (введение QR-кодов, временное ограничение свободы передвижения, обязательная вакцинация, ужесточение правил пересечения государственной границы и т.п.) привели к тому, что в обществе существенно вырос не только уровень эмоционального напряжения, но и заметно снизился уровень доверия к власти.

Затрагивая тему борьбы с распространением COVID-19, участники исследования заявляли, что испытывают **стыд** за чрезмерное выпячивание властями собственных успехов в вопросе разработки вакцины: «Судя по всему, наши налоги пошли не на разработку вакцины, а куда-то налево». Максим, 35 лет.

По мнению опрошенных, ситуация, при которой власти торопятся объявить о собственных достижениях, не только ставит под вопрос качество проделанной работы, но и может привести к «ослепению мнимым успехом» государственных лидеров и дестабилизации политической и социально-экономической ситуации в стране.

Особое внимание на себя обращает усиливающееся **чувство страха** в обществе. Граждане среднего возраста, многие из которых уже отдали детей в учебные заведения, сегодня испытывают страх за их безопасность в связи с участившимися случаями «колумбайнов»³. Помимо этого, некото-

рые участники исследования говорили о возросшей опасности межнациональных конфликтов, то и дело возникающих в разных регионах нашей страны.

Чувство страха у населения вызывает и растущее стремление власти контролировать жизнь рядовых граждан. Опрошенные отмечали, что чрезмерно жесткий контроль за комментариями в социальных сетях, вследствие которого появляются новые уголовные дела, а также активное преследование политических оппонентов вызывают у них чувство страха за собственную безопасность, а также полностью подрывают доверие к властным институтам.

В ответах участников исследования присутствуют сюжеты, вызывающие положительные эмоции и чувства. К ним, например, относится обновление политического истеблишмента, произошедшее в результате попадания в Государственную Думу партии «Новые люди», получение российским журналистом Д. Муратовым («Новая газета») Нобелевской премии мира.

Общее психоэмоциональное состояние членов российских граждан 30–55 лет можно охарактеризовать как депрессивное или апатичное. Оценивая социально-политическую реальность, люди среднего возраста испытывают чувства досады, разочарования, грусти и тревоги. Представители данной группы считают, что температура российского общества сегодня превышает допустимую норму и колеблется от «самой противной» — 37,2 °С до критической — 40 °С. Причинами этому выступают: общий низкий уровень качества жизни граждан, спорные решения в сфере экономики, недостаточный уровень социальной поддержки широких слоев населения, а также нарастающее стремление властей контролировать личную жизнь простых людей.

Тем не менее данную категорию российского общества нельзя охарактеризовать как активно-раздраженную или агрессивно настроенную: несмотря на достаточно высокий уровень социальной напряженности, респонденты считают, что сколько-нибудь значимые волнения в обществе вряд ли возможны, так как большая часть наших граждан уже свыклась с подобным положением дел и не готова предпринимать какие-либо действия, направленные на изменение сложившейся ситуации. «Стабильная» ситуация в государстве обусловлена, с одной стороны, инертностью наших граждан, их неготовностью к радикальным действиям, а с другой стороны, неугасаемым чувством

³ Речь идет о массовых убийствах детей и подростков, произошедших в учебных заведениях общего и среднего образования в 2018 (г. Керчь) и 2021 гг. (г. Казань, г. Пермь).

надежды, являющимся характерной чертой российской политической культуры: *«Он так устроен, русский народ. Мы всегда надеемся на лучшее, что бы ни случилось. Каждый раз, встречая Новый год, мы говорим, что год был сложным, но все равно верим, что следующий будет лучше»*. Полина, 50 лет.

Таким образом, оценивая перспективы дальнейшего развития ситуации в стране, люди среднего возраста лишь надеются на лучшее, словно наблюдая за происходящим со стороны.

ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ ЛЮДЕЙ СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

По мнению представителей старшей возрастной группы, у российского общества сегодня наблюдается «пограничная» температура — около 37 °С. При такой температуре, отмечали участники исследования, ситуация может как нормализоваться, так и ухудшиться. Как сказал один из опрошенных: *«Температура неоднозначная. Вроде уже начало лихорадить, но мы еще не принимаем антибиотики, хотя и микстуры уже не помогают»*. Олег, 55 лет.

Тем не менее пенсионеры и граждане предпенсионного возраста чувствуют себя достаточно комфортно, отмечая, что различные социально-экономические и политические потрясения затрагивают в первую очередь более молодые поколения: *«Ну, у нас все проще, конечно. Если плохо — мне поможет друг, или вот даже Путин послал десятку. Молодое поколение будет барахтаться, а нам легче»*. Ольга, 76 лет.

Оценивая события и явления российской социально-политической реальности, представители данной социальной группы положительно отзывались о внешнеполитическом курсе нашей страны, о ее независимости и силе: *«Нравится независимость России, нравится стиль первого лица государства, министра иностранных дел. Я помню 90-е годы, помню конец Советского Союза, и мне есть, с чем сравнивать»*. Анна, 55 лет.

При этом ключевую роль в восстановлении могущества России, по мнению участников дискуссии, сыграл президент В.В. Путин. Его действия по укреплению суверенитета государства, создание эффективных системы вооружений заставили международных партнеров уважать Россию, что, в свою очередь, вызывает у ее граждан чувство удовлетворения. Беседа с людьми пенсионного и предпенсионного возраста показала, что военная мощь страны является для них значимым критерием при оценке текущей социально-политической действительности. В особенности это касается

мужчин — они испытывают чувство гордости за то, что российская армия оснащена последними видами вооружений, в ней применяются технологии искусственного интеллекта и т.д.

Помимо этого, люди старшего поколения испытывают **чувства радости и гордости**, наблюдая за ростом патриотических настроений в молодежной среде. Они положительно оценивают шаги властей, направленные на поддержку некоммерческих организаций, занимающихся патриотическим воспитанием молодого поколения россиян (*«Государство способствует развитию патриотических организаций, финансирует кадетские классы — это вообще супер! Мне нравится, что появляется такая возможность, потому что этот хаос уже реально достал»*. Анна, 55 лет.) При этом патриотическое воспитание детей впоследствии благоприятно влияет на отношения внутри социума: пенсионеры испытывают чувство удовлетворения от того, что в современных школах сегодня все чаще создаются специальные отряды опеки, заботящиеся и помогающие пожилым людям.

Говоря о высокой значимости нравственного воспитания российских граждан, представители данной социальной группы положительно оценивали действия властей, направленные на укрепление основ православия в России: *«Все-таки сейчас православие возрождается. Эта идеология позволяет нашему человеку оставаться человеком, поддерживать все человеческие ценности: любовь, терпение, послушание, уважение к старшим и любовь к детям. Я смотрю, как возрождаются наши храмы и радуюсь»*. Дмитрий, 56 лет.

Тем не менее мы не можем сказать, что люди старшего поколения в условиях современной реальности испытывают исключительно положительные чувства и эмоции. Центральной темой для обсуждения в рамках этих фокус-групповых дискуссий оказалась проблема снизившегося уровня доверия общества к власти. Участники бесед отмечали, что пандемия коронавируса, а точнее, ситуация информационного вакуума и тотальной дезинформации населения, возникшая как следствие неправильной государственной политики в этой области, стали катализатором роста социального напряжения и существенно снизили доверие народа к политикам: *«Мы привыкли верить тому, что говорят через телевидение. А разные СМС-ки дестабилизируют настроения. Недоверие начинается с умалчивания, начинается разброд в голове. Я понимаю, что это, возможно, специально делается. Но власть! Говорите нам правду четко по*

телевизору, и тогда мы будем отрицать то, что нам присылают в интернете». *Елизавета, 76 лет.*

Оценивая общее психоэмоционально состояние российского общества, люди старшего поколения акцентировали внимание на деструктивной деятельности некоторых СМИ, пытающихся манипулировать массовыми настроениями. Распространение ложной информации в новостях, по мнению представителей данной социальной группы, является одним из проявлений идущей геополитической борьбы, в которой, с одной стороны, участвует Россия и ее «постсоветские союзники», а с другой — блок НАТО: «*Между нами серьезнейшая борьба. Они стараются постепенно отрывать от нас куски, как было, например, в Белоруссии и на Украине.*» *Михаил, 70 лет.*

Люди старшего поколения также испытывают **чувства стыда и растерянности** из-за недостаточности мер поддержки социально незащищенных слоев населения, которые должно принимать государство. По мнению участников дискуссии, «подударными» социальными группами сегодня являются сами пенсионеры, сироты и дети с серьезными заболеваниями, лечение которых требует больших финансовых затрат.

Страхи, беспокоящие представителей данной социальной группы, можно условно разделить на несколько групп: к первой относятся бытовые страхи, связанные с безопасностью условий проживания российских граждан. Пенсионеры ощущают определенную тревогу из-за отсутствия надлежащего контроля за состоянием жилых площадей, систем газового и электрического снабжения со стороны специализированных служб. Ко второй группе относятся опасения и страхи, связанные с политической ситуацией в стране и в мире. Участников дискуссии беспокоят усиливающиеся тенденции политики национализма, стремление политической элиты закрыться, обезопасив себя от вхождения новых, молодых и амбициозных членов, как это было в Советском Союзе. Помимо этого, пенсионеров чрезвычайно сильно страшит неизвестность политического будущего России. К третьей группе мы отнесли тревоги и страхи, связанные с безопасностью всего социума, — граждане отметили, что на психоэмоциональное состояние общества сегодня влияет не только пандемия коронавируса, но и участвовавшие случаи массовых убийств и терактов.

ВЫВОДЫ

В ходе исследования выдвинутая гипотеза была подтверждена. Исследование позволяет сделать нам ряд выводов.

Во-первых, интересной тенденцией восприятия, отразившейся на психологическом состоянии российского общества, выступила мифологизация образов советского прошлого у россиян 30–35 лет. Их восприятие Советского Союза было в некоторой степени детерминировано мифологемой «потерянного рая». Не застав в сознательном возрасте Советский Союз, но родившись в нем, молодые россияне данного возраста, нередко склонны неосознанно отождествлять себя с советской эпохой. При этом формирование их политического мировоззрения в первую очередь пришлось на период середины — конца 90-х гг., для которого было характерно состояние общественного разочарования в либеральных реформах, неудовлетворенной на уровне массового сознания потребности в безопасности и порядке, активное общественное сравнение реальности неустойчивых 90-х гг. с советской стабильностью. Родительская критика новой российской государственности легла в основу многих политических представлений юных россиян того времени. Не имея личного социального опыта жизни в советских реалиях, нынешние 30–35-летние россияне в большей степени были склонны идеализировать СССР, Сталина и другие исторические образы. В результате их психологическое состояние наполнено страхом разочарования, опасения в отношении завышенных ожиданий к власти, государству, боязнью неудачи. При этом есть запрос на сильное и стабильное государство. Как результат — демонстрируемое некоторыми представителями поколения миллениалов нежелание ничего планировать, делать политические прогнозы, страх эмоциональной включенности в отношения с властью вплоть до нежелания эмоционально отождествлять себя с государством (например, через осознание чувства стыда или же гордости). Очень показательным в данном случае было высказывание представителя данного поколения: «*Гордость — это плохое чувство. Потому что, испытывая гордость, ты теряешь бдительность... Лучшее этого не делать. Вот в СССР испытывали гордость за свою страну, вот и получилось, что страну потеряли.*» *Андрей, 33 года.*

Во-вторых, установление конструктивного диалога власти и общества остается чрезвычайно важной задачей государства с точки зрения россиян любого возраста. При сохраняющейся установке на некоторое противостояние власти и общества, пренебрежительное отношение власти к народу воспринимается обществом крайне негативно. Попытки государственной системы повысить эф-

фактивность своей деятельности без учета мнения граждан воспринимаются как заведомо проигрышный вариант: *«Родина в последнее время нас оптимизирует, иногда делает это “по-живому”, без учета наших интересов»*. Александр, 56 лет. Соответственно, нравственная привлекательность политической элиты по-прежнему чрезвычайно важна для россиян и выступает стержневой характеристикой образа идеальной власти.

Для россиян всех возрастных групп без исключения на сегодняшний момент актуальны темы недостаточного политического доверия, нравственного преобразования политической элиты, урегулирования социальных конфликтов в обществе. Предстоящая работа по совершенствованию политической системы в данном случае — ответственность не только власти, но и общества. И здесь показательны различия предложений россиян разного возраста по стабилизации ситуации.

Представители молодежи обращали внимание на поиск общественного консенсуса и трансформацию социальных связей (*«Если бы люди слушали друг друга, те, что повыше, слушали тех, что пониже, то было бы лучше»*). Екатерина, 24 года). Они в большей мере ожидают харизматичных лидеров, способных предложить национальную идею, сформировать образ будущего: *«Если появится человек, за которым можно пойти, я бы хотела приложить силы ради такого человека. Эта фигура действительно бы стала властью, не просто оппозицией»*. Елизавета, 19 лет.

По мнению россиян старшего поколения, ситуация недоверия и дезинформации, возникающая в российском обществе как следствие общемировых социально-экономических потрясений последних лет, может быть разрешена следующим образом: с одной стороны, политикам нужно научиться честности, быть более открытыми и не бояться разговаривать с простыми гражданами, а с другой стороны, само общество должно стать более эмоционально устойчивым, научиться «отделять зерна от плевел», не поддаваться на уловки различных сомнительных источников информации. В условиях кризиса, с которым столкнулась наша страна, нам всем необходимо научиться ответственности, именно она будет способствовать росту доверия людей друг другу. Причем это правило, по мнению участников дискуссии, должно работать как на уровне высшего руководства страны, так и среди рядовых граждан.

В-третьих, следует обратить особое внимание на психологическое состояние российской молодежи.

Молодые россияне 18–23 лет продемонстрировали более патерналистические политические ожидания. Слабости в государственной политике (затрагивающей, например, социальную поддержку, благоустройство, правоохранительную деятельность, поддержку бизнеса) вызывали у молодого поколения в большей степени **разочарование, горечь, печаль**. При этом случаи ограничения свобод со стороны государства, любой конфликт властей с представителями гражданского общества оценивались ими же при демонстрации **раздражения, гнева и даже ненависти**. Ожидая от российской политики перемен, они при этом демонстрируют отчетливый запрос на стабильность и отсутствие рисков (*«Доверие власти, в моем понимании, неразрывно связано с предсказуемостью»*). Александр, 18 лет). Испытывая стыд за Россию именно перед Западом, молодые люди зачастую говорили об «особом пути» России, отличном от европейского (*«Я рад, что некоторые западные тренды, как общественные, так и политические, не попадают к нам в культуру. Они проникают к нам очень медленно и со скрипом»*). Александр, 19 лет).

В целом можно сказать, что текущая политическая и социально-экономическая ситуация в России вызывает у молодежи амбивалентные эмоции. С одной стороны, молодые россияне хотят изменить нынешнюю политическую систему, обвиняют действующую власть во всех бедах российского общества, ждут, что она уступит место политикам новой генерации. Но они с сожалением соглашались с тем, что в ближайшее время вряд ли получат желаемое, так как считают, что нынешняя власть всеми возможными способами препятствует деятельности любых оппозиционных сил. Эта ситуация вызывает у них чувства страха, тревоги и безысходности, в результате переживания которых они отказываются от личного участия в каких-либо асоциальных мероприятиях. С другой стороны, молодые россияне испытывают радость и гордость за людей, участвующих в митингах, отстаивающих свои (а возможно, и их) интересы, не боясь возможных последствий. Им определенно импонируют некоторые публичные деятели, которые не остаются в стороне и высказывают собственное мнение публично. Помимо этого, в ходе проведенной беседы мы обнаружили, что среди членов данной социальной группы все же сохраняется определенная надежда, что именно они или их окружение смогут изменить положение дел в стране. Можно сказать, что сегодня молодое поколение находится в своеобразном состоянии

губернации: адаптировавшись к современным социально-политическим реалиям, они прекратили попытки вступать в открытую конфронтацию с властью, избрав стратегию «тихого протеста».

В-четвертых, следует отметить неконгруэнтность восприятия россиянами государства и общества в контексте их взаимодействия, политической активности. При больших запросах россиян на ответственность государства ожидания собственной ответственности перед обществом и властью весьма размыты. Своеобразно оценивают россияне и феномен политической свободы: «Если даже сравнить Россию со странами Европы или Америкой, то у них там все намного жестче. У нас работают множество разных серых схем...». Олег, 30 лет.

Наблюдается интересная тенденция формирования политической и правовой культуры, прежде всего, у молодых россиян: правовая норма, регламентированная государством, воспринимается не тем, что защищает права человека, а тем, что ограничивает свободу. Таким образом, в сознании многих юных россиян ценность свободы неосознанно противопоставляется ценности Закона. Это выглядит серьезным дестабилизирующим фактором политического активизма данной категории российских граждан, барьером для процесса легитимации власти, формирования национально-государственной идентичности. Выявленная тенденция требует последующего исследования научным сообществом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Юревич А.В. Опыт эмпирической оценки психологического состояния современного российского общества (анализ данных статистики). *Психологический журнал*. 2019;40(5):84–96.
2. Jervis J. *Sympathetic Sentiments: Affect, Emotion and Spectacle in the Modern World*. London: Bloomsbury Academic; 2015. 288 p.
3. Путин 3.0: общество и власть в новейшей истории России. Шестопап Е.Б., ред. М.: Аргамак-Медиа; 2015.
4. Селезнева А.В. Образ Президента России В.В. Путина в сознании российских граждан. *Русская политология*. 2018;7(2):4–11.
5. Matonytė I., Morkevičius V., Lašas A., & Jankauskaitė V. The perception of threats to national welfare: the impact of social optimism, self-confidence, and of social and institutional trust. *Politologija*. 2017;85(1):3–55.
6. Шестопап Е.Б. Влияние выборов на психологическое состояние российского общества. *Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки*. 2017;(2):78–79.
7. Рогач Н.Н., Шаяхметов А.М., Яковлева Е.А. Кризис как фактор восприятия региональных лидеров (на материалах Москвы, Республики Башкортостан и Краснодарского края). *Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки*. 2021;(4):76–92.
8. Дейнека О.С., Максименко А.А. Оценка психологического состояния общества в условиях инфодемии посредством анализа социальных сетей: обзор зарубежных публикаций. *Общество. Среда. Развитие*. 2020;(2):28–39.
9. Абдуллин А.Г., Лихолетов В.В., Рыльская Е.А. Размышления о пользе пандемии для морально-психологического оздоровления общества. *Психопедагогика в правоохранительных органах*. 2021;2(85):144–155. DOI: 10.24412/1999–6241–2021–2–144–155
10. Нестик Т.А., Задорин И.В. Отношение россиян к глобальным рискам: социально-демографические и психологические факторы восприятия угроз. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2020;(5):4–28.
11. Самсонова Т.Н., Наумова Е.С. Роль СМИ в политической социализации современной российской молодежи. *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*. 2019;25;(4):247–264.
12. Селезнева А.В. Политические ценности и образы власти в сознании разных поколений россиян. *Образы государств, лидеров и наций*. М.: Аспект-Пресс; 2008.

REFERENCES

1. Yurevich A.V. Experience of empirical assessment of the psychological state of modern Russian society (analysis of statistical data). *Psichologicheskij zhurnal*. 2019;40(5):84–96. (In Russ.).
2. Jervis J. *Sympathetic Sentiments: Affect, Emotion and Spectacle in the Modern World*. London: Bloomsbury Academic; 2015. 288 p.
3. Putin 3.0: Society and power in the recent history of Russia. Shestopal E.B., ed. Moscow: Argamak-Media; 2015. 420 p. (In Russ.).

4. Selezneva A. V. The image of the President of Russia V. V. Putin in the minds of Russian citizens. *Russkaya politologiya*. 2018;7(2):4–11. (In Russ.).
5. Matonytė I., Morkevičius V., Lašas A., & Jankauskaitė V. The perception of threats to national welfare: the impact of social optimism, self-confidence, and of social and institutional trust. *Politologija*. 2017;85(1):3–55.
6. Shestopal E. B. Influence of elections on the psychological state of the Russian society. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Series 12: Political Science*. 2017;(2):78–79. (In Russ.).
7. Rogach N. N., Shayakhmetov A. M., Yakovleva E. A. Crisis as a factor in the perception of regional leaders (based on materials from Moscow, the Republic of Bashkortostan and the Krasnodar Territory). *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Serie 12: Political Science*. 2021;(4):76–92. (In Russ.).
8. Deineka O. S., Maksimenko A. A. Assessment of the psychological state of society in the conditions of infodemic through the analysis of social networks: a review of foreign publications. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie*. 2020;(2):28–39. (In Russ.).
9. Abdullin A. G., Likholetov V. V., Rylskaya E. A. Reflections on the benefits of a pandemic for the moral and psychological improvement of society. *Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah*. 2021;2(85):144–155. (In Russ.).
10. Nestik T. A., Zadorin I. V. Attitude of Russians to global risks: socio-demographic and psychological factors of threat perception. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremny*. 2020;(5):4–28. (In Russ.).
11. Samsonova T. N., Naumova E. S. The role of the media in the political socialization of modern Russian youth. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Series 18. Sociology and political science*. 2019;25(4):247–264. (In Russ.).
12. Selezneva A. V. Political values and images of power in the minds of different generations of Russians. Moscow: Aspekt-Press; 2008. 286 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Наталья Валентиновна Смутькина — кандидат политических наук, старший преподаватель факультета политологии, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-6691-5372>
smulkina@mail.ru

Николай Николаевич Рогач — аспирант кафедры социологии и психологии политики факультета политологии, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0001-7477-906X>
nickolayrogach@gmail.com

ABOUT THE AUTHORS

Natalia V. Smulkina — Cand. Sci. (Political Sciences), Senior Lecturer, Department of Political Sociology and Psychology, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-6691-5372>
smulkina@mail.ru

Nikolay N. Rogach — postgraduate student, Department of Political Sociology and Psychology, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-7477-906X>
nickolayrogach@gmail.com

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 21.01.2022; принята к публикации 10.02.2022.
Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.
The article was received on 21.01.2022; accepted for publication on 10.02.2022.
The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-2-148-152
УДК 323.2(045)

Фанатские сообщества – бороться или возглавить? Политический потенциал современной фанатской культуры

И.И. Калитко

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Граница между виртуальным пространством и реальной жизнью становится тоньше: цифровые технологии используются повсеместно, а виртуальные сообщества все увереннее влияют на реальную экономическую и политическую жизнь. В 2021 г. в Китае началась активная борьба с фанатскими сообществами, так как фан-клубы и популярность «айدолов» сформировали альтернативную общественную силу, способную оказывать влияние на экономические и социальные процессы. Китайский опыт контроля и ограничений, проводимых в фанатской среде, стал первым в мире, в то время как ресурсы фан-сообществ используются в политических целях в США и самом Китае уже не первый год. Может ли фанатское сообщество стать активным элементом гражданского общества или эффективным инструментом политической борьбы? В статье рассматривается феномен фан-сообществ в контексте политических наук, актуальные кейсы использования силы фандома в политике и перспективы развития фанатской культуры в рамках гражданского общества.

Ключевые слова: фанатские сообщества; политические технологии; гражданское общество; Китай; США; виртуальные сообщества

Для цитирования: Калитко И.И. Фанатские сообщества – бороться или возглавить? Политический потенциал современной фанатской культуры. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(2):148-152. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-2-148-152

ORIGINAL PAPER

Fan Communities – Fight or Lead? The Political Potential of Modern Fan Culture

I.I. Kalitko

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The border between virtual space and real life is getting thinner: digital technologies are used everywhere, and virtual communities are increasingly influencing real economic and political life. China began an active struggle with fan communities in 2021, where fan clubs and the popularity of “idols” formed an alternative social force capable of influencing economic and social processes. The Chinese experience of controlling and restricting the fan environment has become the first in the world, while examples of using the resources of fan communities for political purposes have been known in the United States and China itself for years. Can the fan community become an active element of civil society or an effective tool of political struggle? The article examines the phenomenon of fan communities in the context of political science, current cases of using the power of fandom in politics and prospects for the development of fan culture within civil society.

Keywords: fan-community; political technologies; civil society; China; USA; virtual communities

For citation: Kalitko I.I. Fan communities – fight or lead? The political potential of modern fan culture. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(2):148-152. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-2-148-152

Фанатские сообщества сегодня становятся значимой силой в обществе, способной к мобилизации групп людей и координации их действий для достижения определенных целей. Пока интересы фанатского сообщества и его координаторов не выходят за рамки фильма, музыкальной группы или компьютерной игры — сообщество безопасно для государства. Но что, если в поле зрения такой группы попадет политическая идеология или конкретная партия?

В последнее время примеры политического участия фанатских групп и эксплуатации их силы политическими акторами встречаются все чаще. В 2019 г. некоторые группы поклонников в Китае при поддержке госпропаганды виртуально атаковали тех, кто поддерживал независимость Гонконга: китайские государственные СМИ писали, как фан-клуб вымышленного персонажа выступил в защиту политики Пекина во время протестов в Гонконге. Эта деятельность фанатов характеризовалась властями как пропаганда «позитивной энергии» [1]. В 2020 г. предвыборные митинги Д. Трампа в Талсе, штат Оклахома, были сорваны сообществом тиктокеров и К-поп фанатов¹. Оппоненты кандидата в президенты привлекли на свою сторону руководителей фанатских сообществ в социальных сетях, которые, в свою очередь, мобилизовали членов фан-клубов на массовую регистрацию на митинги с последующим игнорированием мероприятия. Фейковые участники митинга смогли полностью сорвать предвыборную агитацию в штате.

Современные фан-сообщества являются предметом изучения для медиа и массовых коммуникаций. Применительно к политическим наукам данное понятие как новая форма общественной самоорганизации ранее не рассматривалось.

В отечественной науке тема современных фан-сообществ недостаточно исследована. Большинство работ, предметом изучения которых выступают фанатские группы, рассматривают сообщества футбольных болельщиков. Однако данные группы существенно отличаются от современных фан-сообществ, базирующихся в медиaprостранстве.

Попытку систематизации исследований, посвященных феномену фанатских сообществ, предприняли А.Н. Тимохович и О.Н. Никурадзе [2]. В зарубежной науке они выделяют работы С. Линден и Г. Линден о взаимосвязи между фандомами

и культурой потребителей [3], а также исследования М. Даффета, в которых автор рассматривает идентичности, роли и практики представителей фан-сообществ музыкальной направленности [4]. Фанатская культура сегодня наиболее развита в Китае и Южной Корее. В последнее время исследования проблематики фан-сообществ проводятся особенно активно [5–8].

Сегодня фан-сообщество принято определять как феномен, при котором люди добровольно выбирают определенную знаменитость или круг знаменитостей и объединяются, чтобы создать особую культуру «принятия» [9]. С точки зрения медиакommunikаций фан-сообщества рассматриваются как наиболее перспективные группы потребителей контента [2]. Тем не менее сегодня фанаты — это больше, чем группа людей, объединенная общим интересом и активно потребляющая и создающая контент в медиaprостранстве. Примеры влияния фанатов на общественные и политические вопросы говорят о том, что фанатские сообщества необходимо рассматривать как зачаток новой формы общественного объединения или гражданской активности.

Фактически любая группа фанатов — это прочный культурный трайб, объединенный на почве общего интереса к какому-либо объекту (чаще всего — массовой культуры), обладающий прочной внутренней структурой, средствами коммуникации (как правило — это чаты и группы в соцсетях), высокой восприимчивостью к идеям, существующим внутри него или транслируемым объектом интереса, а также способностью к мобилизации и координации действий его членов независимо от их места нахождения.

Фанаты обладают высокой способностью к мобилизации под влиянием членов своей группы. Эффективность влияния повышают коммуникационные эффекты, порождаемые в интернет-среде сетевыми алгоритмами [10].

Способность фанатских групп к совершению общественных действий привлекает внимание властей и политтехнологов, что видно из примеров, приведенных выше. Потенциал фан-сообществ для поддержки и продвижения тех или иных смыслов особенно высок в медиaprостранстве. Кроме того, фанатские сообщества могут стать вспомогательным инструментом — проводником «мягкой силы» страны.

Впервые на государственном уровне проблема возрастания влияния фанатских сообществ озаботила власти Китая. В Китайской Народной Республике особенно развита фанатская культура, а сами

¹ TikTok Teens and K-Pop Stans Say They Sank Trump Rally. URL: <https://www.nytimes.com/2020/06/21/style/tiktok-trump-rally-tulsa.html>

сообщества обладают наиболее высоким уровнем внутренней организации, скоординированности действий и способностью к мобилизации. Именно поэтому китайские власти вводят жесткие ограничения для пользователей соцсетей и объясняют это заботой о ментальном здоровье подрастающих поколений. Но наиболее вероятная причина таких ограничений — стремление взять под контроль новую общественную силу и использовать ее возможности в государственных интересах.

Борьба китайской компартии «за чистый интернет» началась в конце августа 2021 г. с заявлений Управления по вопросам киберпространства КНР (Cyberspace Administration of China), касающихся усиления государственного контроля в интернете. Одной из предложенных мер стала борьба с «фанатской онлайн-культурой» — сообществами поклонников музыкантов, актеров и блогеров, а также кумирами пользователей. Официально в информационном поле Китая власти называют этот процесс «расчисткой хаоса», а главный предлог для этого — забота о подрастающих поколениях. Однако The New York Times выдвигает обоснование китайской политики: онлайн-слава дает знаменитостям новой волны слишком много влияния, которое «отравляет умы молодежи»². CNN, в свою очередь, отмечает еще один важный аспект: «Вокруг молодых знаменитостей выстраиваются организации, которые доказали возможность координировать действия и мобилизоваться»³. В качестве примера приводятся попытки китайских фанатов собрать деньги на погашение штрафов и «вызволить из тюрьмы» канадско-китайского рэпера Криса Ву, а также массовая скупка фанатами молока с QR-кодами, каждый из которых приравнивался к голосу за любимого исполнителя в шоу Youth with You. Чтобы молодежь окончательно не вышла из-под контроля, правительство Китая усиливает давление.

Опасения властей имеют под собой серьезные основания: фанатская культура в Китае в последние годы переживает огромный рост. Растет степень вовлеченности подростков и молодежи в фандомы, развивается инфраструктура фанатских сообществ. Знаменитости получают более высокий ранг: из обычных звезд они превращаются в «идолов».

² The New York Times: China's Celebrity Culture Is Raucous. The Authorities Want to Change That. URL: <https://www.nytimes.com/2021/08/27/business/media/china-celebrity-culture.html>

³ CNN: Why is the Communist Party clamping down on China's biggest stars and fan clubs? URL: <https://edition.cnn.com/2021/08/30/china/china-entertainment-crackdown-mic-intl-hnk/index.html>

Сообщества людей, поклоняющихся «идолам», получили название fanquan — «фанатский круг». Их нельзя назвать просто группами по интересам. Теперь это сплоченные организации, главная идея которых — «поклонение» конкретным актерам, музыкантам или блогерам. Часто членство в таких группах имеет платную основу.

Бум фан-культуры начался в Китае в 2010-х гг., похожий феномен родился и в Южной Корее — кей-поп. В обоих случаях фан-сообщества стали частью огромной индустрии, которая включает популярные телевизионные «фабрики талантов», рейтинги звезд в соцсетях и постоянные соревнования, чей «идол» популярнее. Соцсети — важный канал для общения членов фандома. В Китае на фоне сильнейшей интернет-цензуры в какой-то момент самыми свободными в интернете стали обсуждения в фан-сообществах. Попытки взять под контроль этот сегмент стали логичной реакцией в ответ на возникновение рисков развития нежелательных тенденций и превращения фанатских площадок в рассадник оппозиционных настроений.

План по борьбе с фанатской культурой в Китае, представленный Управлением по вопросам киберпространства, включает в себя 10 пунктов. Среди них есть как конкретные меры по защите пользователей от побуждения к потреблению различной продукции (пример с массовой скупкой молока) и «незаконных» сборов денег, так и неоднозначные действия с целью скорее контролировать, а не защищать.

Так, в Китае под запрет попали «рейтинги звезд», и теперь возможности для фиксирования популярности того или иного инфлюенсера серьезно ограничены. Еще одной мерой стало усиление контроля за фан-сообществами в виде установления «ежедневного надзора» за общением в группах со стороны «управляющих компаний» — студий и агентств, работающих со знаменитостями и их фан-клубами. В соответствии с решением властей блокировка подлежат «нелегальные» фан-сообщества — под ними китайские власти подразумевают неподконтрольные места, где поклонники могут обсуждать слухи, свободно собирать деньги, координировать фанатские акции и пр. Для «защиты здоровья детей» в фан-сообществах ограничили участие несовершеннолетних. Теперь подросткам нельзя становиться администраторами фан-групп и влиять на составление рейтингов, а участие в группах не должно влиять на их учебу и отдых⁴.

⁴ Cyberspace administration of China. URL: http://www.cac.gov.cn/2021-08/27/c_1631652531513374.htm

Помимо этих мер, с июня 2021 г., за два месяца Управление по вопросам киберпространства удалило более 150 тыс. «негативных сообщений», заблокировало свыше 4 тыс. аккаунтов, 1,5 тыс. групп и 39 приложений. 27 августа 2021 г. было объявлено о закрытии всех айдол-шоу видеоплатформы iQiyi. Некоторых актеров, таких как Чжан Чжэхань и Чжао Вэй, буквально «стерли»: в обоих случаях удалили аккаунты звезд в соцсетях и фан-страницы на Weibo (аналог твиттера), убрали все упоминания о них на сайтах, фильмы с их участием и телешоу⁵.

Смогут ли эти меры помочь в урегулировании вопроса? Вероятнее всего, компартии Китая удастся регламентировать деятельность фанатских сообществ, вывести их из тени и следить за порядком. Однако существуют риски того, что члены фан-сообществ воспримут борьбу с их кумирами и новые правила как ограничение их прав. Сложно сказать, вызовет ли это активные протесты в реальности, но после запуска «культуры отмены по-китайски» привлечь фанатские группы на свою сторону власть, скорее всего, уже не сможет.

Необходимо ли политикам подружиться с новой силой и как это правильно сделать — вопросы не только для политологии. Необходим комплексный подход, который должен включать рассмотрение психологических, поведенческих, культурологических, социальных и даже экономических аспектов. Фанатские сообщества объединяют представителей самых разных регионов, социальных и возрастных групп. Первоначально они объединяются благодаря одному интересу, но со временем у них начинают выработываться собственная культура, нормы, принципы членства в группе и взаимодействия как внутри нее, так и с группами во вне. Вместе с тем в группе усиливается ряд коммуникативных эффектов: эффект эхокамеры, «туннельное зрение», эффект «информационного пузыря» и др. [10]. Наблюдается повышение агрессии к членам групп с другой культурой. В отношении членов собственной группы, напротив, повышается уровень доверия и восприимчивости к мнениям: если один из членов группы поделится своим негативным опытом в чем-либо, у большинства закрепится негативная ассоциация и наоборот.

Сегодня фанатские группы искусственно превращаются в политическую силу, главное

преимущество которой в отсутствии политической вовлеченности. Фокус внимания и интересов фанатской группы смещен на конкретную персону или культурный объект, у большинства, как правило, нет четких представлений о политических процессах и интереса к политике в целом. Это делает их удобными для использования любыми силами, независимо от политической принадлежности.

Однако в перспективе фанатские группы могут стать самостоятельной гражданской и политической силой. Гражданственность фанатских групп предлагает рассматривать американский исследователь Эшли Хинк. Автор вводит новое понятие «fan-based citizenship», что означает гражданское действие, основанное на опыте и ценностях фан-сообщества, а не на нормах традиционных религиозных или социальных институтов, таких как церковь или политические партии. Хинк утверждает, что этот новый способ гражданской активности становится возможным благодаря «цифровому, изменчивому миру» [11], в котором доверие к традиционным гражданским институтам падает, на первое место выходят личные интересы и предпочтения, а идентичность освобождается от географических и политических рамок и может основываться на культурном явлении. Во взаимодействии фанатов первична не национальная, страновая или политическая принадлежность, а принадлежность к фандому.

Отличие современных фанатских сообществ от, например, классических спортивных фанатских групп, состоит в том, что такие сообщества становятся для людей «учебной моделью» по взаимодействию с традиционными политическими институтами. Спортивные фанаты редко взаимодействуют вне спортивных матчей, их уровень сплоченности не высок, а коллективные действия определяются импульсом и эффектом толпы. В фандоме же люди взаимодействуют регулярно, выстраивают свой порядок внутри группы, планируют действия и буквально учатся тому, как быть гражданами и участвовать в гражданских акциях на примере фандомной деятельности [11]. Это и создает мощный гражданский и политический потенциал фанатских сообществ в перспективе.

Поэтому необходимо более глубокое изучение интеграционных и мобилизационных механизмов фанатских сообществ, прогнозирование их развития и дальнейшее наблюдение за включением этого феномена в поле политики.

Для государства и иных политических акторов полезно будет изучение опыта Китая и Южной

⁵ Reuters: China's iQiyi halts 'idol competition' programs amid criticism. URL: <https://www.reuters.com/technology/chinas-iqiyi-halts-idol-competition-programs-amid-criticism-2021-08-26/>

Кореи по взаимодействию с представителями фан-культуры. Это позволит снизить риски, связанные с силой влияния фансообществ на экономическое и социальное, а в перспективе — и политическое поведение подростков и молодежи.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ/REFERENCES

1. Рыженкова Ю. Борьба с идолопоклонничеством. URL: <https://www.solidarnost.org/articles/borba-s-idolopoklonnichestvom.html> (дата обращения: 17.11.2021).
Ryzhenkova Yu. The fight against idolatry. URL: <https://www.solidarnost.org/articles/borba-s-idolopoklonnichestvom.html> (accessed on 11.17.2021). (In Russ.).
2. Тимохович А.Н., Никурадзе О.И. Анализ развития медиапространств виртуальных фан-сообществ. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-razvitiya-mediaprostranstv-virtualnyh-fan-soobschestv>.
Timokhovich A.N., Nikuradze O.I. Analysis of the development of media spaces of virtual fan communities. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-razvitiya-mediaprostranstv-virtualnyh-fan-soobschestv>. (In Russ.).
3. Linden H., Linden S. Fans, Fan Cultures. UK: Palgrave Macmillan; 2017. 234 p.
4. Duffett M. Popular music fandom: identities, roles and practices. London: Routledge; 2014. 233 p.
5. Kim E. Fandom and new cultural intermediary in new media era: focusing on the case of BTS. *Journal of the Korea Contents Association*. 2020;20(1):378–391.
6. Kim S. The dynamics of fandom in the age of social media. *Journal of Cybercommunication Academic Society*. 2014;31(1):45–94.
7. Yeo S.K., Chung M.S. Through the analysis of the combined influence of BTS fandom, brand activation method study. *The Korean Society of Science & Art*. 2019;37(3):295–307.
8. Yoon Y.K. Analysis of the global fandom and success factors of BTS. *Journal of the Korea Entertainment Industry Association*. 2019;13(3):13–25.
9. Berbiguier M., Cho Y. Understanding the Korean Fandom of the K-pop: Focusing on Its Perspectives on Foreign Fans. *Korean Journal of Communication & Information*. 2017;(81):272–298.
10. Калитко И. Сетевые алгоритмы: новые возможности и риски для государства и общества. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(5):143–148.
Kalitko I. Network algorithms: new opportunities and risks for the state and society. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(5):143–148. (In Russ.).
11. Hinck. Politics for the love of fandom: Fan-based citizenship in a digital world. Baton Rouge, LA: LSU Press; 2019.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ирина Игоревна Калитко — студентка 2-го курса магистратуры факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-9729-0408>
kalitko.ira@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Irina I. Kalitko — 2nd-year master student, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-9729-0408>
kalitko.ira@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 10.12.2021; принята к публикации 12.01.2022.
Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.
The article was received on 10.12.2021; accepted for publication on 12.01.2022.
The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-2-153-158
УДК 323(045)

Формирование института «суверенного интернета» в Российской Федерации

Д.Э. Ковригин

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются меры, обусловленные геополитическими вызовами, предпринимаемые государствами и ограничивающие формирование глобального цифрового пространства. Для противостояния новым угрозам страны создают институты, устанавливающие национальные границы киберпространства. Государства стремятся создать системы регулирования цифрового пространства для сохранения своего суверенитета, и этот процесс является современной общемировой тенденцией. Развитие института «суверенного интернета» в России выступает элементом государственной политики для ограничения внешнего влияния при дестабилизации политической ситуации.

Ключевые слова: глобализация; информационное пространство; цифровые коммуникации; «суверенный интернет»; государственная политика

Для цитирования: Ковригин Д.Э. Формирование института «суверенного интернета» в Российской Федерации. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(2):153-158. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-2-153-158

ORIGINAL PAPER

Formation of the Institution of “Sovereign Internet” in the Russian Federation

D.E. Kovrigin

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article discusses measures caused by geopolitical challenges, taken by states, and limiting the formation of a global digital space. With the aim to counter new threats to the country, institutions are being created that establish national boundaries of cyberspace. States are striving to create systems for regulating the digital space to preserve their sovereignty, and this process is a modern global trend. The development of the “sovereign Internet” institution in Russia is an element of state policy to limit external influence while destabilizing the political situation.

Keywords: globalization; information space; digital communications; “sovereign Internet”; public policy

For citation: Kovrigin D.E. Formation of the institution of “sovereign Internet” in the Russian Federation. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(2):153-158. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-2-153-158

ГЕОПОЛИТИКА ЦИФРОВОГО МИРА

Информационное пространство стало новой сферой геополитического противостояния государств. В соответствии с информационной парадигмой геополитики отношения между государствами в современном мире в первую очередь определяются посредством превосходства в информационном пространстве. В своих работах Дж. О’Тоал утверждает, что информационное пространство стало «третьей природой» геополитики [1]. Территориальность постепенно заменяется телеметричностью, а государства уступают место сетям. В конце XX в. появилось большое количество теорий, в соответствии с которыми вследствие экстерриториального характера интернета и невозможности контроля

формирующегося киберпространства произойдет постепенное отмирание национальных государств. М.М. Лебедева понимает глобализацию как «процесс размывания межгосударственных границ вследствие развития информационных и коммуникативных технологий, экономических связей и отношений» [2].

В соответствии с концепцией В.Л. Иноземцева, глобализация — это скрытый процесс замены прямого контроля над миром на косвенный, избавляющий контролера от всякой ответственности [3]. Основная проблема современного мира состоит в отставании политической глобализации от информационной, социальной и экономической. У США на данный момент наибольшее количество элементов влияния на глобальное интернет-пространство: так,

социальная сеть Facebook и поисковик Google, созданный на территории США, регулируется местным законодательством, а также активно сотрудничают со спецслужбами, став инструментом политического влияния США. В свою очередь, политика Российской Федерации по суверенизации киберпространства направлена на защиту своих граждан от влияния извне.

Государства и компании борются за контроль над самым крупным нерегулируемым социальным пространством — киберпространством. На протяжении долгого времени государства не оказывали на данную сферу существенного влияния, что позволило компаниям получить в ней регулирующие функции. Установление корпоративного контроля над определенными зонами, где не действуют законы государства, привело к формированию системы, которую американский ученый Шошана Зубофф назвала «капитализм надзора». Это экономическая система, которая базируется на коммерциализации персональных данных с целью получения прибыли. В связи с этим можно вспомнить скандал 2004 г., когда выяснилось, что почтовый сервис Gmail сканирует переписку для предоставления данных рекламодателям, или ситуацию 2007 г. с системой Beacon от Facebook, которая отслеживала деятельность пользователей на сторонних сайтах. Во многих государствах есть законы о неприкосновенности частной жизни и тайне переписки (в нашей стране это п. 1, 2 ст. 23 Конституции РФ¹). Однако компании нарушали и продолжают нарушать подобные законы.

Возможность слежки за своими пользователями и предоставление им той информации, которая выгодна компаниям, позволяет манипулировать людьми. На современном этапе развития общества власть не у того, кто владеет информацией, а у того, кто имеет возможность регулировать информационные потоки. В данных условиях особое место занимает угроза гибридной и информационной войны.

С появлением «цифрового мира» возникла принципиально новая сфера человеческих взаимоотношений. Киберпространство представляет угрозу, так как через него происходит бесконтрольное формирование сознания граждан. Противодействуя данным вызовам, государства изобретают институты, которые регулируют принципиально новые отношения, выстраивая свои виртуальные границы.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

В качестве методологии данного исследования используется неoinституционализм. Основными представителями этого направления являются Р. Коуз, М. Олсон, Г. Саймон, О. Уильямсон и Д. Норт. Дугласу Норту принадлежит наиболее известное определение института — «правила игры в обществе» — т.е. создаваемые людьми ограничительные рамки, регулирующие человеческое взаимодействие [4]. Другое необходимое в данной статье понятие — «транзакционные издержки», которые Р. Коуз определяет как «издержки сбора и обработки информации, издержки проведения переговоров и принятия решения, издержки контроля и юридической защиты выполнения контракта» [5].

В рамках теории институционального изменения в настоящей работе проводится анализ развития новых отношений, складывающихся внутри современных государств. В соответствии с положениями теории основными функциями институтов общества являются сдерживание оппортунистического поведения человека и минимизация транзакционных издержек. По мнению Д. Норта, при рассмотрении процесса трансформации институтов общества важно учитывать такие важные факторы, как идеология, культура и исторические особенности государства.

Государства Запада активно разрабатывают способы ведения борьбы в информационном пространстве и методы его регулирования. Для этого необходимо изучение процессов развития интернет-пространства и аудиторий. В Российской Федерации исследования в данной сфере становятся все более востребованными. Основой исследований являются научные работы С.В. Володенкова [6], Л.В. Сморгунова, Р.В. Пырмы, Е.В. Бродовской, Е.С. Зиновьева [7], Ю.А. Кабанова [8] и А.В. Даниленкова [9].

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ КИБЕРПРОСТРАНСТВА

Государство всегда находится перед дилеммой: сохранить старые институты или заменить их новыми. Если старые институты больше не способны регулировать различные процессы, то возрастают транзакционные издержки и наступает время для изменения или замены институтов. Институты призваны обеспечить объединение общества в государство, а также не допустить распада последнего, особенно в новую информационную эпоху. При изучении трансформации отдельных институтов или всего общества в целом необходимо выявить эндогенные факторы, способствующие данным процессам, а именно, трансформации отношений

¹ URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/2573feee1caecac37c442734e00215bbf1c85248/

в обществе под влиянием новых информационных технологий. Информационная эпоха привела не к отмене института суверенитета государства, а к развитию его новых видов: цифрового и информационного суверенитета, суверенитета киберпространства, личного цифрового суверенитета и т.д. Под «цифровым суверенитетом» следует понимать возможность власти устанавливать порядок информационной коммуникации внутри государства. Также это понятие подразумевает право государства на производство, распространение и использование информации без вмешательства извне [10]. Под «государственным суверенитетом» в сети Интернет следует понимать систему, в которой государство является главным администратором национального информационного пространства и телекоммуникационной инфраструктуры [9]. Но данные концепции в современных условиях не реализованы в большинстве государств из-за отсутствия как технической, так и законодательной базы. Однако возрастание угроз для государства со стороны киберпространства привело к тому, что начался процесс формирования институтов, направленных на реализацию данных положений. Государства формируют новые институты, исходя из своего исторического опыта и идеологии. Так, интернет-пространство в Китае является наиболее закрытым и регулируемым в мире, а США, наоборот, обладает крайне слабым суверенитетом.

Введение новых институтов регулирования в киберпространстве приводит не только к изменению институциональной среды на уровне одного государства, но и на общемировом уровне. Постепенно в едином и глобальном информационном пространстве начинают функционировать самостоятельные подсистемы национальных интернет-пространств, которые становятся все более автономными. Это происходит не только из-за действий государств, направленных на обеспечения своей безопасности, но и потому, что люди объединяются в локальные сетевые сообщества в рамках национального сегмента интернета. Так появляются отечественные социальные сети и платформы, которые активно функционируют в рамках одного конкретного государства. Тенденции по усилению контроля за деятельностью людей и компаний прослеживаются во всем мире. Даже США, обладающие наибольшими возможностями в сфере регулирования глобального киберпространства, усиливают контроль за социальными сетями. Подтверждением этому служат многочисленные судебные дела против Facebook, в частности обвинения в разжигании конфликтов в обществе и ослаблении демократии, выдвину-

тые против сети в 2021 г. Также можно привести в качестве примера запрет на скачивание TikTok и WeChat в США в 2020 г.

НОРМАТИВНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ

Российская Федерация, проводя свою политику, стремится сохранить суверенитет в сфере киберпространства, ограничив свободу деятельности международных социальных сетей, минимизировав возможность иностранного влияния на граждан, а также понизив криминальную активность в российском сегменте интернета. Для достижения этих целей разрабатывается система суверенного интернета и другие институты, направленные на регулирование данной сферы. Наиболее важными документами в сфере регулирования интернет-коммуникаций, принятыми в период с 2019 по 2021 г., являются:

- Закон о «суверенном интернете»², принятый 1 мая 2019 г., направленный на обеспечение бесперебойной работы российского сегмента интернета. Для достижения данной цели необходимо: создание реестра точек обмена трафиком и национальной системы доменных имен; участие поставщиков рынка IT-услуг в учениях и т.д.
- Закон об измерении объема интернет-аудитории³ 2021 г., предназначенный для проведения кроссмедийных исследований аудитории в сети Интернет.
- Закон о «приземлении» иностранных IT-компаний⁴ 2021 г., в соответствии с которым социальные сети, чья российская аудитория составляет более 500 тыс. чел. в сутки, обязаны открыть свои представительства на территории Российской Федерации, разместить на своем сайте систему приема сообщений от граждан, а также соблюдать законы государства и оперативно реагировать на обращения Роскомнадзора.
- Законопроект № 1057337–7⁵, в соответствии с которым запрещается использование общедо-

² Федеральный закон от 01.05.2019 № 90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201905010025>

³ Законопроект № 1175409–7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1175409-7>

⁴ Законопроект № 1176731–7 «О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на территории Российской Федерации». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1176731-7>

⁵ Законопроект № 1057337–7 «О внесении изменений в Федеральный закон «О персональных данных». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1057337-7>

ступных персональных данных без согласия владельца.

- Закон о предустановке российского софта⁶ от 1 июля 2020 г., направленный на защиту прав потребителей и продвижение российских программ на рынке информационных технологий.

- Приказ Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций⁷ от 24.02.2021 № 18 «Об утверждении требований к содержанию согласия на обработку персональных данных, разрешенных субъектом персональных данных для распространения», в соответствии с которым третье лицо может получить доступ к персональным данным другого человека только при наличии его согласия.

- Приказ Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций от 31.07.2019 № 229 о национальной системе доменных имен, порядке ее создания и требованиях к ней⁸.

Развитие системы регулирования интернет-коммуникаций на территории Российской Федерации прошло несколько условных этапов. Первый — с момента появления интернета на территории Российской Федерации (7 апреля 1994 г.) до 2014 г. В данный период киберпространство подвергалось крайне слабому регулированию со стороны государства, и активно развивались неформальные институты поведения граждан России в данной среде. В 2014 г. по поручению Президента Владимира Путина были проведены учения, направленные на проверку возможности продолжения работы российского интернета в случае сбоя в DNS, в ходе которых необходимость развития законодательной и технической систем для поддержания стабильного

функционирования интернет-пространства Российской Федерации стала очевидной. Далее начался этап постепенного развития данной сферы, завершением которого можно считать принятие в 2019 г. закона «о суверенном интернете». С момента принятия данного закона идет третий этап, характеризующийся крайне бурным развитием институтов суверенного интернета Российской Федерации, что приводит к радикальному пересмотру системы взаимодействия государства, граждан и международных компаний в киберпространстве России.

Здесь просматривается очевидная закономерность в развитии институтов. Государство обнуило сферу, в которой оно уязвимо из-за недостатка эффективности формальных институтов, и предприняло активные действия для ликвидации данной уязвимости. Ведущими направлениями этого процесса выступают: регламентация виртуальной жизни граждан, контроль за деятельностью социальных сетей, создание дублирующих систем киберпространства, регулирование потоков информации, распространение российского ПО, развитие IT-сектора экономики, развитие систем противодействия процессам цифрового проникновения со стороны субъектов внешнего политического противоборства, создание отечественных альтернатив зарубежной IT-продукции и платформам, сокращение приступной и террористической активности в киберпространстве.

Российское государство активно развивает институты, через которые оно осуществляет свои функции в новом типе пространства — киберпространстве. Вслед за введением новых формальных правил регулирования киберпространства происходит активное развитие механизмов принуждения. Но для достижения стабильности новой системы институтов необходимо параллельное развитие российского сегмента IT-технологий, а также приложений для удовлетворения потребностей национального сегмента потребителей. Особенно это касается социальных сетей.

На современном этапе становится очевидным, что социальные сети активно задействованы в политическом процессе. Так, 10 сентября 2021 г. МИД Российской Федерации вызвал посла США в Москве Джона Салливана в связи с вмешательством американских IT-компаний в процесс выборов в Госдуму. И это только один из множества аналогичных случаев вмешательства платформ в политическую и экономическую жизнь государств, вследствие чего появилась необходимость обязать такие компании подчиняться законам государства, на территории

⁶ Законопроект № 757423–7 «О внесении изменения в статью 4 Закона Российской Федерации “О защите прав потребителей”». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/757423-7>

⁷ Приказ Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций от 24.02.2021 № 18 «Об утверждении требований к содержанию согласия на обработку персональных данных, разрешенных субъектом персональных данных для распространения». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202104210039>

⁸ Приказ Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций от 31.07.2019 № 229 «Об утверждении Положения о национальной системе доменных имен, требований к ней, порядка её создания, в том числе формирования информации, содержащейся в ней, а также правил её использования, включая условия и порядок предоставления доступа к информации». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201911080052>

которого они действуют, а также создавать их отечественные аналоги.

ОТНОШЕНИЕ ГРАЖДАН

Развитие института «суверенного интернета» затрагивает важнейшие сферы жизни современного российского общества и, как следствие, порождает активный дискурс. Поскольку неформальные институты общества, связанные с киберпространством, развивались в атмосфере крайне слабого контроля со стороны государства, его усиление было воспринято отрицательно. Негативные отклики на закон о «суверенном интернете» и на последующие реформы сводятся к трем основным проблемам:

- крупные затраты и со стороны государства, и со стороны новостных агентств и IT-компаний, которым необходимо установить новое оборудование и программное обеспечение (так, в период с 2022 по 2024 г. на поддержание функционирования российского сегмента интернета планируется выделить около 31 млрд руб.);
- возрастание риска попадания частной информации третьим лицам, а также страх перед слежкой со стороны спецслужб;
- проблемы с доступностью интернет-соединения у российских пользователей.

Также термин «суверенный интернет» имеет в российском обществе скорее негативный окрас из-за весьма распространенного опасения, что данный процесс приведет к тотальному контролю за информацией со стороны государства. Это связано с негативным опытом тоталитарного контроля периода СССР, а также с примером жесткой цензуры в современном КНР (проект «Золотой щит»). У граждан Российской Федерации не сформировалось понимание того, что суверенизация интернета — это не ограничение свободы, а в первую очередь процесс определения зоны правовых полномочий государства в сочетании с созданием дублирующих систем, направленных на защиту и поддержание стабильного функционирования национального киберпространства. Принятие реформ может сформироваться в процессе активного общественного дискурса, а также разъяснительной деятельности со стороны государства.

ВЫВОДЫ

Государству необходимо приспособиться к новым условиям — тому, что информационное пространство изменило геополитическую картину мира. Оно не может оставаться полностью открытым, ведь, чем более система открыта, тем больше она подвергается негативному воздействию. Однако полностью закрытой система тоже быть не может, — всегда найдутся способы обхода блокировок, как со стороны граждан, так и со стороны других государств. Р. Кларк указывает на парадокс: чем менее развито информационное пространство государства, тем больше устойчивость к угрозам и прочнее суверенитет [11]. Поэтому необходимо достичь такого состояния национального информационного и киберпространства, при котором система будет гомеостатичной. В ходе изменения глобальной ситуации в области информационных технологий, вызванной их экстерриториальным характером, существующие общественные институты стали неэффективными, и у государств появилась необходимость в развитии или замене таких институтов. Цифровой суверенитет стал новым вызовом для современных государств. Российская Федерация стремится развить институты регулирования, определив тем самым сферу своего суверенитета в информационном пространстве. Необходимо контролировать сферу IT-технологий и одновременно создавать альтернативы иностранным компаниям. Это является необходимым условием выживания государства в долгосрочной перспективе. По мере развития как законодательной, так и технологической базы процесс будет только ускоряться. С возникновением стабильных официальных институтов «суверенного интернет-пространства» должны появиться поддерживающие неформальные институты.

Деятельность Российской Федерации по развитию цифрового суверенитета направлена на защиту информации и противодействие иностранному вмешательству, а также на становление отечественного программного обеспечения. Российской Федерации как одному из крупнейших игроков на международной арене необходимо максимально оперативно реагировать на новые виды угроз и совершенствовать свой сегмент киберпространства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Лебедева М.М. Мировая политика и международные отношения на пороге нового тысячелетия. М.: Московский общественный научный фонд; 2000.
2. Иноземцев В.Л. Современная глобализация и ее восприятие в мире. *Век глобализации*. 2008;(1):31–44.
3. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала»; 1997.

4. Коуз Р. Фирма, рынок и право. М.: Дело; 1993.
5. Володенков С.В., Митева В.В. Сетевые информационные войны в современных условиях: основные акторы и стратегии. *PolitBook*. 2016;(3):18–35.
6. Зиновьева Е.С. Глобальное управление Интернетом: Российский подход и международная практика. *Вестник МГИМО*. 2015;4(43):111–181.
7. Кабанов Ю.А. Информационное пространство как новое (гео)политическое пространство: роль и место государств. *Сравнительная политика*. 2014;4(17):54–59.
8. Даниленков А.В. Государственный суверенитет Российской Федерации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». *Lex Russica*. 2017;7(128):154–165.
9. Gong W. Information Sovereignty Reviewed. *Intercultural Communication Studies*. 2005; XIV(1):119–135.
10. Кларк Р. Третья мировая война: какой она будет?: высокие технологии на службе милитаризма. Пер. с англ. URL: <https://coollib.com/b/168011-richard-klark-tretya-mirovaya-voyna-kakoy-ona-budet/read>.
11. О’Тоал Дж. Геополитика постмодерна? Геополитические представления модерна и за их пределами. *Политическая наука*. 2009;(1):188–223.

REFERENCES

1. Lebedeva M.M. World politics and international relations on the threshold of the new millennium. Moscow: Moscow public scientific fund; 2000. (In Russ.).
2. Inozemtsev V.L. Modern globalization and its perception in the world. *Age of globalization*. 2008;(1):31–44. (In Russ.).
3. North D. Institutions, institutional changes and the functioning of the economy. Moscow: Fund of the economic book “Nachala”; 1997. (In Russ.).
4. Coase R. Firm, market and law. Moscow: Delo; 1993. (In Russ.).
5. Volodenkov S.V., Miteva V.V. Network information wars in modern conditions: main actors and strategies. *PolitBook*. 2016;(3):18–35. (In Russ.).
6. Zinovieva E. S. Global Internet Governance: Russian Approach and International Practice. *Bulletin of MGIMO*. 2015;4(43):111–181. (In Russ.).
7. Kabanov Yu.A. Information space as a new (geo)political space: the role and place of states. *Comparative politics*. 2014;4(17):54–59. (In Russ.).
8. Danilenkov A.V. State sovereignty of the Russian Federation in the information and telecommunications network “Internet”. *Lex Russica*. 2017;7(128):154–165. (In Russ.).
9. Gong W. Information Sovereignty Reviewed. *Intercultural Communication Studies*. 2005; XIV(1):119–135.
10. Clark R. The third world war: what will it be?: high technologies in the service of militarism. URL: <https://coollib.com/b/168011-richard-klark-tretya-mirovaya-voyna-kakoy-ona-budet/read>. (In Russ.).
11. O’Toal J. Postmodern geopolitics? Geopolitical representations of modernity and beyond. *Political science*. 2009;(1):188–223. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дмитрий Эльдарович Ковригин — бакалавр, магистрант 2-го курса факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

<https://orcid.org/0000-0001-9880-1137>

dmitrykovr@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Dmitry E. Kovrigin — Bachelor, 2nd-year Master student, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-9880-1137>

dmitrykovr@gmail.com

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 20.01.2022; принята к публикации 12.02.2022.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 20.01.2022; accepted for publication on 12.02.2022.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-2-159-164
УДК 327(045)

Библиометрический анализ публикаций в базе данных Scopus по теме российско-американских отношений в период с 2016 по 2021 год

З.И. Волхонская

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье представлен обзор публикаций, посвященных российско-американским отношениям. Обозначены преимущества обзора публикаций через базу данных Scopus, а также аспекты, которые необходимо учитывать при составлении поискового запроса в рамках выбранного предмета исследования. Выявлены динамика количества публикаций за 2016–2021 гг., основные источники, авторы, организации, финансирующие спонсоры и ключевые слова. Определено, что наибольший интерес к теме проявляется со стороны США, России и Великобритании. За исключением стран Западной, Восточной и Центральной Африки практически во всех остальных государствах за выбранный период была опубликована хотя бы одна статья о российско-американских отношениях. Полученные результаты доказали релевантность проведенного исследования, поскольку ни в одном из показателей не было обнаружено ничего, что бы выходило за пределы предмета исследования.

Ключевые слова: библиометрический анализ; обзор публикаций; российско-американские отношения; база данных Scopus

Для цитирования: Волхонская З.И. Библиометрический анализ публикаций в базе данных Scopus по теме российско-американских отношений в период с 2016 по 2021 год. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(2):159-164. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-2-159-164

ORIGINAL PAPER

Bibliometric Analysis of Publications in the Scopus Database Concerning Relations between Russia USA in 2016 and 2021

Z.I. Volkhonskaya

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article provides an overview of publications on relations between Russia and USA. The advantages of reviewing publications through the Scopus database are outlined, as well as aspects that need to be considered when compiling a search query within the selected research subject. The dynamics of the number of publications for 2016–2021, the main sources, authors, organizations funding sponsors and keywords were identified. It is determined that the greatest interest in the topic is manifested by the United States, Russia, and Great Britain. Apart from the countries of West, East and Central Africa, at least one article on relations between Russia and USA was published in almost all other states during the selected period. The results obtained proved the relevance of the study, since nothing was found in any of the indicators that would go beyond the scope of the study.

Keywords: bibliometric analysis; review of publications; Russian-American relations; Scopus database

For citation: Volkhonskaya Z.I. Bibliometric analysis of publications in the Scopus database concerning relations between Russia USA in 2016 and 2021. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(2):159-164. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-2-159-164

Российско-американские отношения сложны и многогранны. Их насыщенность обуславливается тем, что и Россия, и Америка являются крупными державами, обладающими множеством точек соприкосновения и огромными зонами влияния. Именно этим и объясняется интерес мирового научного сообщества к проблематике взаимоотношений двух государств как в сфере политики и экономики, так и в сфере культуры, образования и здравоохранения. Из-за огромного спектра вопросов, касающихся российско-американских отношений, затруднительно определить, что в большей и меньшей степени интересует исследователей, какие проблемы еще не рассмотрены в полной мере, влияет ли информационная повестка на тематику научных публикаций и т.д.

Определение степени научной разработанности в рамках объекта исследования возможно путем библиометрического анализа. Обзор публикаций удобно проводить с помощью специализированных научных баз данных, которые значительно упрощают исследователям работу [1]. В рамках задания такой базой данных выступает Scopus.

Преимуществами обзора публикаций в Scopus посредством научных баз данных являются: возможность выставления фильтров для более тщательной проработки конкретного аспекта и группировки по журналам, странам, авторам и рубрикам [2]; удобство при поверхностном анализе за счет единой формы загрузки публикаций; автоматическая подготовка сервисом графиков для визуализации данных по публикациям.

Для обзора публикаций необходимо грамотно сформировать поисковый запрос. Исследователю стоит учитывать, что большинство публикаций в Scopus — на английском языке [3], и использовать фильтры базы [4].

Формирование релевантного поискового запроса, включающего сообщения по теме исследования, состояло из трех этапов. Первоначальный поисковый запрос включал выражения, непосредственно называющие предмет исследования. Важно было учесть все синонимичные выражения (с учетом последовательности указания сторон и форм названий государств, например «Russian-American relations» и «American-Russian relations»). Данный запрос обладал рядом недостатков. Во-первых, как отмечалось выше, «российско-американские отношения» — понятие

достаточно широкое: в публикации может идти речь об отношениях между Россией и США, однако само выражение «российско-американские отношения» во всех его вариациях не употребляется, так как затрагивается более узкая сфера межгосударственного взаимодействия. Это вызывает необходимость рассмотрения публикаций, в которых названия государств упоминаются по отдельности. Во-вторых, в учет не берутся имена первых лиц государств, которые играют определяющую роль в российско-американских отношениях, и метонимичные выражения, которыми может обозначаться руководство государств ввиду их смысловой смежности (говоря о российской стороне, зачастую используют слово «Кремль», говоря об американской, — «Белый дом»).

По ученным замечаниям был сформирован второй запрос с последующей выгрузкой. После введения названий государств, имен первых лиц и пр. в список публикаций вошли те, в которых речь о России и Америке ведется в разных частях текста и зачастую без взаимосвязи. Вследствие этого возникла необходимость ввести повторные корректировки в запрос, суть которых заключалась в учете фактора близости слов, имеющих отношение к России и к Америке путем применения логического оператора «W/n».

После устранения недостатков и выставления фильтров, а именно, ограничения публикаций по году и отрасли знаний, был получен итоговый поисковый запрос, в результате которого было выявлено 6443 публикации.

Если рассматривать публикации в динамике, можно заметить устойчивый рост в период с 2016 по 2018 г., который продолжает ранее заданный тренд. В 2019 г. также наблюдается рост публикаций, но гораздо менее значительный, чем в прошлые годы. В 2020 и 2021 гг. впервые можно увидеть сокращение числа публикаций, однако нельзя утверждать, что это говорит о снижении интереса со стороны научного сообщества к предмету исследования. Скорее, это обосновывается длительностью процесса индексирования в системе Scopus.

Говоря об источниках публикаций, следует отметить, что наибольшее число статей, значительно превышающее их количество в любом другом источнике, опубликовано в журнале «World Economy And International Relations» (ежемесячный журнал ИМЭМО РАН) — 105. Второе место принадлежит совместному журналу Нью-Йорк-

ского (США) и Оттавского (Канада) университетов — «International politics» — 48 публикаций. Третье место с 38 публикациями раздели сразу 3 журнала. Первый — американский «Bulletin of the Atomic Scientists», статьи в котором посвящены угрозам и международной безопасности. Второй — журнал Института Латинской Америки «IBEROAMERICA». Несмотря на то что его тематика напрямую не связана с предметом исследования, найденные по поисковому запросу публикации опосредованно затрагивают вопрос взаимоотношений России и США через кризис в Венесуэле, эмбарго США в отношении Кубы и т.д. Последний журнал, вошедший в пятерку лидеров с наибольшим числом публикаций на тему российско-американских отношений, — «Международные процессы», являющийся изданием МГИМО.

Обращаясь к ТОП-3 авторам, отметим, что наибольшее число публикаций (17) принадлежит заслуженному профессору политологии Пенсильванского университета Стивену Цимбала, который рассматривает вопросы международной безопасности, оборонной политики, ядерного оружия и контроля над вооружениями. Второе место с 15 публикациями принадлежит профессору СПбПУ А.В. Гринёву, основной сферой научных интересов которого является история Русской Америки. Третье место — у британского политолога Ричарда Саква, специализирующегося на политических процессах в России. Он имеет 12 публикаций по предмету исследования.

Среди организаций стоит выделить в первую очередь Российскую академию наук — 205 публикаций. За ней следует Айдахский Университет (University of Idaho), у которого 70 публикаций. 132 публикации у НИУ «Высшая школа экономики», 115 — у МГИМО. Остальные организации опубликовали менее 100 статей.

Один из наиболее интересных показателей связан с финансирующими спонсорами. Лидером по спонсированию публикаций на тему российско-американских отношений является National Science Foundation, независимое агентство при Правительстве США, предоставляющее, как правило, временные гранты на исследования, в том числе в направлении общественных наук. Второе место занимает Российский фонд фундаментальных исследований (РФФИ), профинансировавший 62 публикации. Третье место — у Российского научного фонда (РНФ) с 51 публикацией. Стоит отметить, что вследствие слияния РФФИ и РНФ

сейчас их целесообразно рассматривать как единое целое. 4-е и 5-е места (по 39 публикаций) занимают Европейская комиссия и «Горизонт 2020» (европейская программа по развитию исследований и технологий, действующая с 2014 по 2020 г.). Большое количество публикаций финансировалось другими российскими, американскими и европейскими организациями, а также Китаем и Канадой.

Обращаясь к государствам, заметим, что более трети публикаций (2344) были напечатаны в США. В половину меньше (1191) — российские публикации. Третье место у Великобритании — 578 публикаций. Более 100 статей также были опубликованы Германией, Канадой, Австралией, Китаем и Норвегией.

В общей сложности было обнаружено 111 стран, которые сделали хотя бы одну публикацию, посвященную российско-американским отношениям. С помощью сервиса Bing¹ была построена карта (см. рисунок), которая наглядно иллюстрирует, что интерес к предмету исследования существует во всем мире. Исключение составляют африканские страны (преимущественно с традиционным укладом), отдельные страны Карибского бассейна, Латинской Америки и Азии, что объясняется не столько отсутствием интереса со стороны государств, сколько низким уровнем развития и внутригосударственными проблемами, которые являются первостепенными.

Переходя к ключевым словам, целесообразно сначала объединить их по сферам, чтобы выявить группу вопросов, которые в наибольшей мере интересуют мировое научное сообщество. Все ключевые слова поделены на две таблицы (табл. 1 и 2). В табл. 1 представлены регионы, персоналии и организации, которые наиболее часто упоминались в публикациях. В табл. 2 — понятия, связанные с политическими процессами. Из всех ключевых слов были исключены общие слова, которые не имеют ценностного значения в рамках данной работы («контент-анализ», «одиночество», «связь» и прочее), а также слова и выражения, прямо называющие предмет исследования [«Россия» (во всех формах), «США» (во всех формах), «Международные отношения», «Внешняя политика» и пр.].

Результаты, представленные в табл. 1, позволяют сделать вывод о том, что российско-американские отношения прямо или косвенно

¹ Bing Maps — картографический сервис Microsoft.

Рис. / Fig. Государства, опубликовавшие хотя бы одну статью в журналах, входящих в базу данных «Scopus», в период с 2016 по 2021 г. (обозначены темным цветом) / States that published at least one article in journals included in the Scopus database in the period from 2016 to 2021 (marked in dark)

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

Таблица 1 / Table 1

Ключевые слова (регионы, личности, организации) / Keywords (regions, individuals, organizations)

Регион	Личности	Организации
Китай (249), Европа (183), Украина (99), Сирия (70), Арктика (59), Азия (51), Канада (49), Германия (49), Латинская Америка (48), Индия (47), Средний Восток (38), Турция (37), Бразилия (35), СССР (34), Япония (32), Аляска (31), Крым (30), Иран (27), Израиль (25), Франция (22), Северная Корея (21), Австралия (20), Польша (19), Венесуэла (19)	Дональд Трамп (154) Владимир Путин (28)	НАТО (96) ООН (22)

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

охватывают если не всю, то существенную часть карты мира. В первую очередь, исходя из частоты упоминания Китая, российско-американские отношения затрагиваются, вероятно, в рамках торговой войны, а также ввиду того, что Китай, как Россия и США, является одной из ведущих мировых держав. Частота использования слова «Европа» также объясняется наличием на ее территории развитых государств, с которыми, так или иначе, Россия и Америка взаимодействуют во многих сферах. Интерес научного сообщества в рамках предмета исследования к следующим трем регионам — Украине, Сирии и Арктике (в порядке популярности) — очевиден и обусловлен наличием существенных противоречий между Россией и США. Остальные регионы тоже прямо или косвенно связаны с российско-американскими отношениями. Важно отметить, что эти отношения рассматриваются и в исторической

ретроспективе, чем обуславливается упоминание СССР.

Дональд Трамп упоминается в научных публикациях более чем в 5 раз чаще, чем Владимир Путин. Это связано со множеством публикаций на тему президентских выборов в США и обвинениями в адрес России о вмешательстве в них (ключевые слова «election» и «cybersecurity» также выделены как ключевые в табл. 2).

Обращаясь ко второй части ключевых слов, можно заметить, что большинство из них относятся к блоку «напряженность и конфликты»: «вооружение», «конфликты», «войны», «сдерживания», «санкции». Второй по популярности блок включает слова, которые связаны с идеологией и политическим режимом. Третий тесно связан с первым и включает слова, относящиеся к теме безопасности. Стоит отметить более узкую тему, которой посвящен отдельный блок, — это инфор-

Таблица 2 / Table 2

Ключевые слова (политические процессы) / Keywords (political processes)

Блок	Ключевые слова	Кол-во
Информационная война	Дезинформация (60), фейковые новости (44), дезинформация (26), кибербезопасность (27)	157
Идеология	Демократия (57), пропаганда (42), авторитаризм (38), национализм (36), идеология (31), гегемония (25), суверенитет (30)	259
Экология	Изменение климата (33)	33
Безопасность	Безопасность (57), национальная безопасность (52), международная безопасность (27), региональная безопасность (22), стратегическая стабильность (20)	178
Напряженность и конфликты	Ядерное оружие (52), контроль над вооружениями (35), холодная война (76), санкции (42), терроризм (36), война (30), конфликт (28), сдерживание (23), политический конфликт (22), экономические санкции (19), военная интервенция (18)	381
Прочее	Глобализация (48), лидерство (40), COVID-19 (37), выборы (45), мягкая сила (23)	

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

мационная война и кибербезопасность. Вопросы экологии в рамках российско-американских отношений интересуют научное сообщество очень слабо — всего 33 упоминания. Единственное ключевое слово, имеющее отношение к экологии, — «климатические изменения».

Результаты исследования позволяют сделать следующие выводы:

В первую очередь стоит отметить релевантность исследования и правильность составления поискового запроса, что было подтверждено результатами работы. Так, в исследовании не учитывались авторы и организации, которые не специализируются на международной политике, в частности на российско-американских отношениях, а также ключевые слова, явно говорящие о выходе за пределы предмета исследования.

Важным является то, что наибольший интерес к проблематике российско-американских отношений проявляют США, — это прослеживается по объему публикаций и выделяемому на них финансированию. Вполне логичным оказывается то, что за США следует Россия. Интерес объясняется тем, что две страны, являясь субъектами предмета исследования, имеют прямое отношение к проблеме.

Практически весь мир прямо или косвенно задействован в российско-американских отношениях. Об этом говорит и активное финансирование публикаций различными институтами разных стран, и то, что роль России и Америки отмечается в публикациях, посвященных проблемам других регионов.

В случае с Россией с легкостью можно определить ключевые научные центры, которые выступают источниками публикаций. Если же рассматривать Америку, то таких центров гораздо больше, но при этом они менее явные (число публикаций в каждом из них значительно меньше, чем в российских). Интерес представляют совместные работы организаций США, которые позволили бы выявить их объединения и общие исследования по российско-американским отношениям, но это — отдельная тема.

Отношения России и Америки раскрываются через призму милитаризации и безопасности. Именно проблемы политической напряженности и рисков военного столкновения являются наиболее важными в публикациях.

Для повышения объективности результатов в рамках обзора публикаций рекомендуется использовать несколько научных баз данных.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гуреев В.Н. Библиометрический анализ как основа формирования библиотечного фонда научных периодических изданий. Автореф. ... дис. канд. пед. наук. Новосибирск; 2015.
2. Свиридова М.Ю. Библиометрия как один из инструментов науковедения: история развития и становления. *Библиотеки вузов Урала: проблемы и опыт работы*. 2013;(12):14–24.
3. Цветкова В.А., Мохначева Ю.В. Научная среда и публикационная активность: риски библиометрических оценок. *Культура: теория и практика*. 2020;2(35):11–18.
4. Чорба Е.С. База данных Scopus в работе оператора системы избирательного распространения информации. *Международный научно-исследовательский журнал*. 2018;10–2(76):74–76.

REFERENCES

1. Gureev V.N. Bibliometric analysis as the basis for the formation of the library fund of scientific periodicals. Extended Abstract of Cand. Sci. Dissertation. Novosibirsk; 2015. 23 p. (In Russ.).
2. Sviridova M. Yu. Bibliometrics as one of the tools of science: the history of development and formation. *Libraries of higher educational institutions of the Urals: problems and work experience*. 2013;(12):14–24. (In Russ.).
3. Tsvetkova V. A., Mokhnacheva Yu. V. Scientific environment and publication activity: risks of bibliometric assessments. *Culture: theory and practice*. 2020;2(35):11–18. (In Russ.).
4. Chorba E. S. Scopus database in the work of the operator of the selective information dissemination system. *International Research Journal*. 2018;10–2(76):74–76. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Зинаида Ивановна Волхонская — студентка 4-го курса факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0001-5203-389X>
zi.volkhonskaya@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Zinaida I. Volkhonskaya — 4th-year student, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-5203-389X>
zi.volkhonskaya@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 10.02.2022; принята к публикации 25.02.2022.
Автор прочтала и одобрила окончательный вариант рукописи.
The article was received on 10.02.2022; accepted for publication on 25.02.2022.
The author read and approved the final version of the manuscript.